

Мария Геррер

Наваждение

Книга 2

Верность и предательство

Глава 1

Они стояли, обнявшись, и время для них прекратило свой бег. Весь мир был где-то очень, очень далеко.

– Так что это было? – тихо спросила девушка, глядя в стальные глаза Генриха доверчиво и с нежностью.

Фон Берг улыбнулся в ответ и осторожно провел рукой по ее волосам. Серебряный гребень выскользнул под его пальцами и звонко упал на пол. Темные волосы тяжелой волной легли ей на плечи.

– Наваждение... – эхом ответил он, не отрывая напряженного взгляда от темных, широко распахнутых глаз девушки.

Его трепещущие пальцы запутались в локонах. Он окунулся лицом в ее волосы и ощутил терпкий аромат диких цветов.

В дверь постучали.

– Не сейчас, – попросил Генрих, не поворачивая головы.

Незнакомое тепло разлилось по телу и мягко окутало сердце. Ничего подобного он никогда раньше не чувствовал. Это была не порочная страсть, и не безумное неудержимое желание, какое он испытывал ко многим женщинам. Когда огонь нетерпения сжигает изнутри, и кровь закипает в жилах. Что-то трепетное, невесомое, нежное, от чего сладко сжималось и замирало сердце.

Настойчивый стук раздался снова:

– Простите, Генрих Александрович, но это срочно.

Возможно, случится чудо, Егор уйдет и не вернется до вечера? Просто уйдет и все. Но, увы, чудес не бывает. И фон Берг прекрасно знал об этом.

– Зайди, Егор, – обреченно проговорил Генрих, не выпуская Екатерину из своих объятий.

Он никогда не отпустит ее, будет оберегать от всех невзгод, и они оба будут счастливы. Наставник и ученица, которые сумели преодолеть недоверие и неприязнь. А ведь совсем недавно эта девушка люто ненавидела фон Берга. И была совершенно права. А он считал ее просто интересной и необычной особой, таким редким экземпляром среди скучных и легко предсказуемых девиц.

Резко скрипнула дверь, и этот звук вернул Генриха и Екатерину к действительности.

– Еще раз простите, – Егор отвел взгляд и виновато потупился, глядя в пол. – Срочно, курьер от Магистра. Он не будет ждать.

Да, курьер, безусловно, ждать не будет. Его не выгонишь вон. Служение всегда стоит для охотника на первом месте. Как же это все не к месту, не вовремя. Фон Бергу надо столько сказать Екатерине, и немедленно, это нельзя отложить на потом. Генрих посмотрел на Егора:

– Прошу тебя, дай нам две минуты...

Тот все понял и молча вышел, плотно закрыв за собой высокую дверь. Что-то произошло, но это подождет.

– Катрин, вы понимаете, что так будет постоянно? – он посмотрел ей в лицо с какой-то обреченностью и осторожно провел рукой по ее щеке.

– Пусть. Это не страшно. Если вы всегда будете рядом, – она виновато улыбнулась, поняв, что желает невозможного. – Хотя бы мысленно рядом... Обещаете?

Она доверчиво прижалась к нему. Он еще крепче обнял девушку и почувствовал биение ее сердца. Бьется, как пойманная птичка в руках. Милая, добрая, доверчивая девочка,

которую невозможно обидеть или предать. Генрих улыбнулся:

– Обещаю.

Две минуты закончились, они возвращались в холодную и опасную реальность июля 1915 года...

В гостиную стремительно вошел курьер, бесцеремонно стуча коваными каблуками по паркету. Он протянул Генриху конверт.

– Господин барон, вас ждут завтра на Совете Братства Трех Полумесяцев в восемь утра. Вас, госпожа Несвицкая, Магистр требует к себе в десять часов. Доклад с отчетом о произошедшем вам необходимо подать до начала заседания Совета, – сухо и официально сообщил он.

Курьер коротко поклонился, и вышел. Легкий летний ветерок пронесся по комнате, шевельнул золотистые шелковые занавески и тонко зазвенел в хрустальных подвесках люстры. Радужные блики закружились по паркету, скользнули по стенам и высокому потолку с лепным плафоном.

Фон Берг нетерпеливо сломал красную сургучовую печать, вскрыл конверт и достал послание. Он хотел быстрее покончить с делами. Катрин стояла у окна и, улыбаясь, смотрела на него. Она светила от счастья. Но после первых строчек письма фон Берг понял – для него все кончено.

– Что с вами? – с испугом спросила Екатерина и порывисто бросилась к нему. Видимо, он побледнел еще больше. – Вы пока не оправились после ранения, не надо было вставать. Я же вас просила поберечься...

Она положила руку ему на плечо и заглянула в глаза. Чистая влюбленная девочка. Что теперь ее ждет?

– Со мной все нормально, – он тяжело опустился в кресло. – Завтра надо будет дать объяснение на Совете. Мне предъявили серьезные обвинения. И на этот раз все, похоже, закончится для меня на Каменном острове.

– Но в чем вас обвиняют? – девушка со страхом смотрела на бумагу в руке барона.

– Графиня Рокотова три года была моей любовницей. Теперь она убивает без разбора. И опасной ведьмой Полина стала из-за меня.

– Нет, нет! Вы-то тут при чем? Она просто обозлена на весь мир. Это очевидно! Не вы же заставили ее стать такой, – запротестовала Екатерина. Она нервно заходила по комнате. – Это бред какой-то. Только полный идиот может вас обвинять в подобных вещах. Глупость и бред!

– Нет, увы, все правильно. Мой разрыв с Полиной стал последней каплей. Погибли люди, а теперь никто не знает, как ее остановить.

Он протянул ей письмо:

– Читайте. Мне не следует показывать его вам, это должностное преступление. Но я не хочу, чтобы между нами оставалась недосказанность.

Екатерина пробежала письмо глазами и тоже побелела, как полотно:

– Но это же несправедливо. Если вас признают виновным, я не оставлю вас и последую за вами хоть на край света. Вы знаете, я не смогу без вас...

У нее в глазах блеснули слезы отчаяния. Екатерина сердито вытерла их и стала похожа на растерянную девочку. Собственно, таковой она и являлась. Ее первая любовь закончилась, даже не успев начаться.

– Каменный остров – тюрьма, и вам там не место, – он пытался говорить холодно и отчужденно. – Ваши слова меня тронули, но это бессмысленно. Никто не позволит вам оставить Служение, вы дали клятву. И вы очень нужны здесь – гибнут невинные люди.

Братство должно остановить Полину. Совершив первое убийство, она перешла все дозволенные границы.

Генрих поднялся, подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Все рухнуло в течение одного мгновения. Он снова едва не сломал жизнь своей ученицы. Девушка тихонько тронула его за плечо:

– Что же теперь с нами будет? – она была совершенно растеряна.

Генрих молчал. Что тут можно сказать?

Фон Бергу стало бесконечно жаль ее. Не надо было давать волю своим чувствам. Он же знал, чем все может закончиться. Знал, и все-таки едва не переступил допустимую черту.

В двадцать семь лет уже пора научиться отвечать за свои действия. Ради этой девушки он сумел измениться, но не подумал, к чему может привести их симпатия и влечение – Катрин не будет с ним счастлива. Они такие разные... Холодный эгоист и чистая невинная девушка. Он навсегда останется охотником, который не может жить без риска – такова уж его натура. И этого не поменять, как цвет глаз или волос. Он не может вести тихую и спокойную жизнь обывателя.

Что ждет Катрин рядом с ним – постоянный страх за них обоих? Последние дни она так переживала за него, похудела и осунулась на глазах. И вот, едва он оправился от опасного ранения, ему грозит каторга. А она так близко принимает все к сердцу.

Надо смотреть правде в глаза – она его любит, это очевидно. И он ее тоже. Если бы Генриху еще пару месяцев назад кто-нибудь сказал, что он сможет полюбить, он бы посчитал это удачной шуткой. Не влюбиться или увлечься – это с ним случалось не раз, а именно полюбить. И вот это произошло. Прекрасное и тонкое чувство, о котором он даже мечтать не мог. И что в этом теперь хорошего? Кто от этого счастлив?

Наконец, Генрих повернулся к Екатерине и опустил голову. Его длинные светлые волосы упали на глаза, и он сердито откинул их назад. Что он мог ей ответить? Вот она, очередная непредсказуемая ситуация, в которую теперь попал не только он, но и наивная девушка. Магистр всегда предупреждал, что до добра эгоизм Генриха не доведет. Так и случилось. Он наслаждался чувством, возникшим между ними. А чем это может закончиться, он думать не хотел. Фон Берг не мог ответить на простой вопрос своей ученицы, и это приводило его в отчаяние.

Екатерина продолжала стоять перед Генрихом и ждала ответа. Она взяла его за руку и заглянула в лицо. Фон Берг почувствовал себя последним негодяем, не оправдавшим надежд девушки. Он осторожно высвободил руку и подошел к столу. Красный сургуч на конверте светился кровавым пятном.

– Не знаю... Я не знаю, что будет, – он снова замолчал, собираясь с мыслями. – Простите, я не должен был допускать нашей взаимной привязанности. Теперь послушайте и не возражайте. Для нас нет других вариантов, и вам придется смириться с этим. Какое бы решение завтра ни принял Совет, мы останемся только наставником и ученицей. Все едва не зашло слишком далеко. И нам надо немедленно остановиться.

Она смотрела на него со страхом и болью:

– Я не умею и не могу владеть своими чувствами. Вы же видите – это мне неподвластно...

Ему безумно хотелось обнять девушку и утешить. Он видел ее терзания и от этого чувство вины только возрастало.

– Вы молоды, наше наваждение постепенно забудется, – он не смотрел на нее.

Где-то в глубине души ему хотелось, чтобы Катрин возражала, но это было бы слишком жестоко. Он должен прекратить это безумие.

– И вы тоже все забудете? – девушка пристально смотрела ему в глаза.

Генрих не ответил. Он должен был ей солгать, но не смог, поэтому просто молчал.

Конечно, он ничего не забудет и его чувства к этой наивной девочке останутся с ним до конца жизни. Только ей об этом знать не надо.

Екатерина продолжала пылливо смотреть на него, словно пытаясь проникнуть в его мысли.

– Тогда мне надо вернуть вам обещание, – она невольно вздохнула.

– Нет, слово не вещь, его нельзя вернуть. Что сказано, то сказано... Я обещал, что буду всегда рядом – так оно и останется. Мы будем рядом, но не вместе, – он снова посмотрел в окно.

Яркий свет слепил глаза, хотелось уйти в тень, подальше от жестокой реальности. На душе было мутно.

И как с этим теперь жить? Безысходность накрыла его с головой. Отвратительно чувствовать беспомощность и невозможность изменить ситуацию. Это всегда злило и раздражало Генриха. А сейчас это было просто невыносимо. Еще пару месяцев назад фон Берг даже представить не мог, что его холодное сердце сможет так глубоко полюбить. Роскошная и умелая любовница графиня Рокотова вполне его устраивала. С ней все было понятно и просто. Дорогая, знатная и красивая содержанка. Он ей платил, она его радовала – и никаких душевных переживаний.

Два эгоиста с безумно высокими амбициями вполне подходили друг другу. Три года вместе, пока Полина не начала его ревновать и не устроила безобразную сцену. Он расстался с графиней, и ни секунды не сожалел об этом. Пожалуй, именно Полина помогла Генриху понять, что наивная и чистая девушка для него не просто ученица.

И всего несколько дней назад Полина едва его не убила. А Катрин вытащила с того света. Какой ценой юная девушка пережила весь этот кошмар? Она так волновалась за него. И он не смог устоять, дал волю чувствам.

Теперь Полина стала очень опасна, а виной всему его легкомыслие и безответственность. Под удар первой, безусловно, попадает Катрин – ненависть к ней его бывшей любовницы безгранична. Если он отправится на Остров, кто защитит его неопытную ученицу от обезумевшей ведьмы? Конечно, Братство будет ее оберегать. Но не так, как он.

Как теперь все запутано. Хотела девушка поступить в Университет, готовилась, строила планы на будущее. И совсем не интересовала его. А потом он предложил ей невинную аферу и вот результат – ее жизнь висит на волоске. А он не сможет ей ничем помочь, потому что, скорее всего, его ждет каторга.

Фон Берг вспомнил слова своего отца: «Ты разобьешь наивной девушке сердце. Если ты действительно любишь, пожертвуй собой ради ее будущего, ради ее душевного спокойствия. Будь благороден и пойми, что ты ей не пара». Тогда он не слушал отца – происходящее было всего лишь невинной ложью. Генрих не задумывался о последствиях, а зря. Теперь все повторяется как в страшном сне, только это уже не глупая шутка, а жестокая правда.

Фон Берг исподлобья посмотрел на девушку. Он ей и правда не пара. Ее вид сжимал сердце и вызвал сочувствие. Всего несколько минут назад они оба были бесконечно счастливы. Что теперь делать с их чувствами? Они не могут просто расстаться и больше никогда не встречаться. Их связывает Служение. Если его все-таки оправдают, они будут постоянно вместе, это их долг перед Братством. И это безумно тяжело и жестоко – постоянно рядом, бесконечно далеко. Наставник и ученица, у которых теперь не будет общего будущего в обычной жизни. Только Служение.

Екатерина смотрела на него, не отрываясь. В ее карих глазах не было слез, только бесконечная грусть. Будто она хотела запомнить каждое уходящее мгновение. Безусловно, Екатерина тоже все понимает. Она так молода и неопытна, как ей удастся со всем этим справиться? Фон Берг чувствовал ответственность за происходящее. Он не должен был допустить подобного. Надо было вовремя остановиться. Но сердцу не прикажешь, холодный рассудок здесь не властен.

Генрих еще чувствовал сильную слабость, голова кружилась. Он невольно облокотился о подоконник. Свежий ветер из приоткрытого окна принес некоторое облегчение.

– Вам плохо? – робко спросила девушка. – Хотя не отвечайте, и так понятно...

Барон благодарно ей улыбнулся:

– Со здоровьем все в порядке. Остальное, да, плохо. Я должен был думать о последствиях. Простите.

Она робко положила руки ему на плечи и попыталась поцеловать. Он отстранился:

– Пожалуйста, не надо делать этого из жалости, – попросил фон Берг.

Еще четверть часа назад он жаждал ее поцелуя. А теперь боится его, боится, что не справится со своими желаниями.

– Это не жалость, – она сказала то, о чем им теперь нельзя даже думать.

Искушение было велико. Возможно, это их последний вечер вместе. Она сегодня готова на все. Любовь и отчаяние – опасная смесь. А потом что ждет ее? Еще большее отчаяние и боль.

– Тогда тем более не надо... Все закончилось.

– Знаю. Я подчинюсь вашему решению. Вы правы, как всегда, и очень благоразумны, когда дело касается меня, – Екатерина говорила обреченно, и в ее словах слышался невольный упрек.

– У вас все наладится, – барон хотел приободрить свою ученицу. – Говорят, время лечит.

Лечит, наверное, но не каждого. Его сердце будет болеть всю оставшуюся жизнь. Но, возможно, это продлится недолго.

Екатерина продолжала смотреть на него.

– Нет, мне этого не надо, – она покачала головой. – Нельзя так просто все забыть. Я этого не хочу, не требуйте невозможного. Но я принимаю ваше решение. Мое вы тоже не измените – я ничего не буду забывать, и мои чувства останутся прежними. Не пытайтесь меня переубедить. Не тратьте на это времени и не бередите душу ни себе ни мне. И давайте больше не будем возвращаться к этому. Никогда.

Он согласно кивнул:

– Хорошо, не будем.

Решение Екатерины беспокоило его, но спорить с ней сейчас бесполезно. Возможно, позже она сумеет вернуться к обычной жизни. Ее молодость должна взять свое. Она еще встретит любовь и будет вспоминать о своем первом увлечении с легкой и приятной грустью. Вот тогда ему станет по-настоящему плохо.

Они еще некоторое время молчали. Яркое летнее солнце заливало комнату слепящим светом, и это было неуместно – слишком радостно. Генрих заговорил первым:

– Завтра, до начала заседания Совета, вам надо передать письменный отчет Магистру о том, как Полина напала на нас. Напишите все подробно и правдиво, не надо меня выгораживать. Мы с Егором тоже должны написать отчеты. Потом Магистр побеседует с нами. Точнее, он будет в страшном гневе, так что приготовьтесь – это будет совсем не беседа. Когда Магистр зол, он слов не выбирает.

– Меня это не волнует. Пусть гневается, тем более, что я и правда виновата. Не ожидала и не была готова к нападению. Из-за моей растерянности вы могли погибнуть. Магистр может ругать меня последними словами. Хотя какое это имеет значение? – Екатерина думала совсем о другом.

Генрих знал это. Они чувствовали и понимали друг друга без слов и на расстоянии. Незримая связь, которая будет теперь им только мешать. И они оба боялись порвать ее.

Барон продолжил, не глядя на девушку:

– Глупо повел себя только я. У вас пока не хватает опыта, а Егора не было рядом. Нет смысла что-то утаивать – на решение Совета это уже не повлияет. Возможно, если повезет, меня завтра оправдают. Но это неважно. Я вполне мог предвидеть, чем все закончится. Меня погубило мое безмерное тщеславие. Надо откровенно признать – отвратительная черта характера. Полина всегда была высокомерной, злой и неуравновешенной личностью. Сушая ведьма. Так что и остановить ее должен был я. Но вместо этого я просто смотрел, как она пытается меня прикончить. Она теперь не женщина, а опасная тварь. Я об этом забыл, за что и поплатился.

– Значит, надежда, что вас оправдают, все-таки есть? – этот тонкий лучик надежды оживил девушку.

– Надежда всегда есть, – он грустно улыбнулся. – Меня же не казнить собираются. Возможно, заключение ограничится несколькими годами. Егор будет за вами присматривать, и с ним вы продолжите обучение. Он опытный охотник и сможет передать вам свой опыт.

– Можно сегодня поговорить с членами Совета, объяснить им все, – она еще пыталась что-то предпринять.

– Нет, этого делать нельзя. Не стоит пытаться повлиять на чье-то мнение. Это неправильно. Я безропотно приму любое решение Совета.

Девушка обхватила плечи руками и невольно поежилась – видимо, ей стало холодно от происходящего. До последнего надеется на чудо, милая и добрая девочка. Угораздило же ее попасть в эту историю. И все из-за его легкомыслия. О чем он только думал, когда предлагал Екатерине участвовать в афере с фиктивной помолвкой? Уж точно не о девушке и ее будущем. Ему тогда просто надо было любой ценой сохранить привычный образ жизни. И вот теперь пришло время расплаты. Только платить он будет не один, а вместе с Екатериной.

Фон Берг подошел к Екатерине и поцеловал ей руку. Это единственное, что он теперь может позволить. Ее прохладные пальцы вздрогнули в его ладони, словно пойманная птичка:

– Вы удивительная девушка и я очень хочу, чтобы вы были счастливы. Оправдайте мои надежды.

Глава 2

Екатерина отправилась в Братство вместе с Генрихом и Егором. Они отъехали от парадного подъезда дома фон Берга в половине восьмого утра – здание Поземельного банка, где негласно размещалось Братство, располагалось довольно близко. Екатерина сидела рядом с Генрихом и думала, что возможно, это их последняя совместная поездка. Как жаль, что она такая короткая... Они молчали.

Автомобиль вел Егор. В обычной жизни он был кучером барона фон Берга, недавно освоившим профессию шофера. А в Служении Егор являлся таким же охотником, как и барон, и их связывала крепкая дружба. Егору Изварину было около сорока лет, и внешне он ничем не отличался от обычного слуги – темные волосы с проседью, хитроватый взгляд, одет скромно и аккуратно. В Братстве отсутствовали сословные предрассудки, поэтому не было ничего удивительного в том, что обычный кучер Егор Изварин состоял в Совете Братства Трех Полумесяцев.

Так же молча они вошли в просторный, полутемный и холодный вестибюль банка. Кроме привратника в помещении никого не было, хотя банк уже работал. У Екатерины от волнения подкашивались ноги, и она вцепилась в руку фон Берга мертвой хваткой. Он погладил ее по ладони:

– Не переживайте вы так...

Девушка не ответила, не было сил. Они прошли в дальние помещения, расположенные в глубине большого современного здания. Миновали еще одного привратника, который распахнул перед ними тяжелую дверь с металлическими накладками. Случайные люди туда не допускались – в помещения Братства Трех Полумесяцев посторонним вход был закрыт. Фон Берг и Егор отправились на Совет.

Девушка пошла в секретариат и оставила там свой отчет для Магистра. Две миловидные девушки, похожие на близняшек своими прическами и платьями, энергично стучали на пишущих машинках. Все было обыденно и это еще больше нагоняло тоску на Екатерину. Бесцветный секретарь молча забрал бумагу, не выражая никаких эмоций. Он походил на манекен – безразличный, равнодушный. Что ему до ее терзаний? Впрочем, на его участие девушка и не рассчитывала – но мог бы хоть ради приличия улыбнуться и пожелать доброго утра.

Екатерине было назначено на десять. Она прошла в пустой холл перед залом Совета и осталась там одна, ожидая решения. Фон Берг предложил ей посидеть в ближайшей кофейне, или хотя бы погулять, чтобы скоротать время, но она отказалась.

Ее нервы были на пределе. Она думала о своем наставнике и его дальнейшей судьбе. Никогда в жизни она так не переживала за кого-либо.

Совсем недавно Екатерина в этом холле вместе с Генрихом ожидала, когда ее пригласят на Совет. Ее приняли в Братство Трех Полумесяцев, и она стала охотником на ведьм. Судьбоносный поворот в ее жизни произошёл случайно и достаточно глупо, благодаря безответственности молодого повесы – барона фон Берга. Тогда она ненавидела Генриха всем своим существом. Прошло совсем немного времени, и теперь она готова умереть за него. Как все-таки непредсказуема жизнь.

Девушка нервными шагами мерила просторный мраморный холл и не знала, как долго это продолжалось. Со стороны она была похожа на заводную механическую игрушку. Екатерина подошла к высоким резным дверям и прижалась к ним ухом. Подслушивать нехорошо, но сейчас это неважно. Увы, ничего не было слышно.

Прошло еще бесконечно много времени, и она отчетливо уловила приглушенный шум, доносящийся из зала Совета – видимо, заседание закончилось. Двери распахнулись, и среди вышедших в холл людей она отыскала глазами Генриха. Он улыбнулся ей и кивнул. Егор был рядом с ним и тоже улыбался во весь рот. Значит, все нормально и обвинения против фон Берга не выдвинуты. У нее отлегло на сердце.

– Переживали? – рядом с ней стояла директриса Института благородных девиц, госпожа Миргородская.

Как всегда, строгая, с гордо поднятой головой и похожая на сушеную воблу неопределенного возраста. Она уже успела закурить сигару. Это удовольствие она могла себе позволить только в стенах Братства или дома, за плотно закрытыми дверями. Подобные вольности недопустимы директрисе учебного заведения для девочек из благородных семей.

– Зря волновались, – расплылась в довольной улыбке Елена Михайловна. Ей всегда нравился фон Берг безрассудством и смелостью в охоте. – Большинство даже не сомневались в невинности Генриха Александровича. Ничем не оправданная бдительность одного нашего товарища – попусту собирали Совет. Ну, идите, идите к нему. Вижу вашу радость и нетерпение.

Миргородская с удовольствием выпустила кольцо сизого дыма и по-доброму посмотрела на свою бывшую ученицу. Екатерина молча улыбнулась ей в ответ и проскользнула через толпу к Генриху.

– Обошлось? – все еще не веря своему счастью, с тревогой спросила она.

– Да, – выдохнул Генрих.

Они замерли друг напротив друга. Ей хотелось броситься ему на шею. Но она помнила их вчерашний разговор. Она обещала и сдержит свое слово. Они теперь только наставник и ученица. В его глазах мелькнуло сожаление, он тоже все помнил.

К ним подошел секретарь Братства и сообщил:

– Магистр желает видеть вас троих через четверть часа в своем кабинете. Не опаздывайте, господин фон Берг, а то это в ваших правилах.

В словах секретаря слышалось нескрываемое недовольство. Ужасный человек! Никто еще не опоздал, а выговор уже все получили.

Когда секретарь отошел, Генрих обратился к своей ученице:

– Приготовьтесь к праведному гневу. Сегодня на Совете Магистр поддержал меня, но он очень сердит, если не сказать зол.

– Пусть. Это меня не пугает, – она счастливо смотрела не него снизу вверх. – Даже если мы теперь не вместе, мы все равно рядом. Я умею ждать.

– Вы невыносимы, – грустно улыбнулся в ответ фон Берг и поцеловал ей руку.

Но было заметно, что у него тоже свалился камень с души.

Строго в назначенное время их пригласили в кабинет Магистра. Седой отставной генерал, как всегда, сидел за огромным дубовым столом под портретом государя императора. В кабинете царил полумрак – утренний солнечный свет с трудом пробивался через опущенные плотные портьеры.

Магистр сердито посмотрел на вошедших и недовольно хмыкнул:

– Доброе утро, госпожа Несвицкая.

Екатерина присела в глубоком реверансе. Генрих и Егор поклонились, хотя сегодня они уже встречались с Магистром на Совете, но этикет Братства того требовал, а выполнять его надо неукоснительно.

Повисла зловещая тишина. Магистр взял в руки их отчеты и сердито уставился в бумаги. Судя по всему, он уже успел бегло ознакомиться с ними.

– Удивительно бестолковое поведение всех троих, – начал он довольно спокойно. – Судя по вашим отчетам, все вы только что вышли с нашего собрания, где обсуждались убийства, творимые опасной и сильной ведьмой. И что же вы делаете? Господин фон Берг и госпожа Несвицкая решают прогуляться под звездами, и, видимо, полюбезничать. Почему вы потащились прогулочным шагом до автомобиля? Почему не пошли все вместе, втроем? Господин Изварин, вы слуга только в обычной жизни. Зачем, объясните,

вам понадобилось выполнять бесполезное требование фон Берга подогнать автомобиль к подъезду? Тем более что потом тот передумал и отправился погулять по ночному городу в сопровождении барышни? Где была ваша логика?!

– Господин Магистр, – начал Генрих, – это целиком моя вина...

– Я не давал вам права говорить! – рявкнул Магистр и его взгляд метнул молнии. – Вы сегодня уже отличились. Я в очередной раз принял вашу сторону, но это не значит, что все так просто сойдет вам с рук. Прекратите играть в благородство! Господин Изварин, мой вопрос был обращен к вам, или вы плохо слышите?!

Егор потупился:

– Господин Магистр, я не ожидал, что ведьма где-то рядом. И даже не предполагал, что ею может оказаться графиня Рокотова.

– Какое имеет значение, кто это?! Вы обязаны были внимательно смотреть по сторонам, а не бросаться выполнять дурную прихоть господина барона.

Егор опустил голову и промолчал.

– А Вы, госпожа Несвицкая, когда на вас напали, почему ничего не предприняли? Вы уже стали охотником и убили свою первую ведьму. Неплохо владеете навыками охоты. Но так неописуемо глупо повели себя! – голос Магистра стал подобен раскатам грома. – Так объясните мне, почему вы стояли неподвижно, подобно каменной бабе на языческом капище и ждали, когда прикончат вашего наставника?! На вас что, столбняк напал?! Или от ужаса оцепенели?!

Екатерина тоже опустила голову под тяжелым взглядом Магистра и молчала. С ней никогда так грубо не разговаривали и никогда так на нее не кричали. Но Магистр был совершенно прав – тогда она окаменела от неожиданности.

– Госпоже Несвицкой не хватает опыта. Она просто растерялась, – опять рискнул вставить слово фон Берг.

– Да замолчите же вы, пустоголовый и безответственный идиот! Я не спрашиваю вашего мнения. Ваша ученица не нуждается в подобной защите и в состоянии отвечать за свои поступки, я надеюсь. Я обращался к вам, госпожа каменная баба, – с ядовитым сарказмом произнес Магистр, – вы хоть понимаете, что из-за вашей нерешительности мог погибнуть ваш наставник?! Если бы вы уже закончили обучение, то немедленно отправились на Остров. Не переписывать рукописи, а на каторгу! За то, что подвергли опасности жизнь вашего товарища. Это непростительная и недопустимая оплошность! Радует только, что ваш дар исцеления спас господина фон Берга от верной смерти. Ну, что можете сказать в свое оправдание?

– Ничего, господин Магистр. Я виновата, – пролепетала Екатерина, не смея поднять глаз.

– Не слышу! – гаркнул на нее Магистр.

– Я виновата, господин Магистр... – чуть громче произнесла девушка.

Она понимала, что гнев патрона совершенно оправдан. Если бы Генрих погиб, вина целиком легла бы на нее. И она не простила бы себя никогда. Ей стало страшно от нахлынувших воспоминаний, и неприятный холодок пробежал по спине и затылку. Он мог погибнуть по ее вине, из-за ее испуга и беспомощности.

– Какая самокритика, кто бы мог подумать! – с издевкой продолжал Магистр. – Как смело и во всеуслышание вы признаете свою вину! Вы и дальше собираетесь каменеть при виде ведьмы?

– Нет, господин Магистр. Этого больше не повторится, – девушка взяла себя в руки и теперь отвечала громко.

Магистр сердито хмыкнул и перевел гневный взгляд на Генриха.

– А вы, господин фон Берг, чем можете объяснить свое идиотское поведение? Почему вы даже не пытались защититься? Я уже не говорю о том, что вы были обязаны убить эту тварь. Ну, что скажете?

– Я не смог поднять на нее руку. Мы были вместе три года... – Генрих смотрел в пол, – Все получилось ужасно глупо, совершенно с вами согласен.

– Глупо?! Свою беспомощность вы называете глупостью?! Как благородно и романтично! Я не мог поднять руку на свою бывшую любовницу! Нас так много связывало! Очень трогательно! А она на вас руку подняла. И не только на вас. Теперь надо ее искать, а ведь вы могли остановить эту тварь.

Фон Берг молчал. Магистр прав, тут не поспоришь.

– Из всей вашей бездарной компании в итоге разумно повел себя только господин Изварин. И то не до конца. Почему вы не прикончили ее?

– Не сумел. Дотянулся только до ее бедра. Она так легко выскользнула...

– Хорошо, что вы ее хотя бы серьезно ранили. На некоторое время она затаится и даст нам передышку. Как же все у вас криво получилось, – с досадой произнес Магистр. – Ну ладно, госпожа Несвицкая, у нее нет опыта и мастерства. Но вы-то двое – и опытные, и умелые охотники, а толку никакого! Вы же столько опасных особей уничтожили, так что же с вами такое происходит? Поглупели, отупели? Это просто чудо, что никто из вас не погиб. Зато теперь Братство в вашем лице имеет троицу неумелых охотников, которым ничего серьезного нельзя поручить.

Все, что говорил Магистр, было абсолютно справедливо. Екатерина вздохнула и подумала, что они все повели себя непросительно глупо. Генрих так вовремя оттолкнул ее. Если бы не фон Берг, Полина наверняка убила бы девушку. А она не смогла выполнить свой долг – и правда, как окаменела. Просто смотрела на ведьму будто со стороны, пока та пыталась вырвать у Генриха сердце. Даже не пробовала что-то предпринять. Все могло закончиться ужасно. Один Егор не растерялся.

– Итак! – сердитый голос Магистра вернул Екатерину к действительности. – Слушайте мое решение.

Генрих и Егор опустили на одно колено. Екатерина продолжала стоять. Генрих тихонько потянул ее за юбку. Она с удивлением посмотрела на него. Он продолжал настойчиво дергать ее юбку.

– Госпожа Несвицкая, а вас это не касается? – грозно спросил Магистр. – Вы же сами ратовали за равноправие мужчин и женщин! В Братстве все равны, как вы должно быть помните! Чем же вы лучше ваших товарищей?

Екатерина не поняла, что от нее требуется. Барон не отпускал ее подол и тянул вниз уже с явным усилием.

– На колени! – рявкнул Магистр.

От неожиданности девушка рухнула на колени.

– Как вы стоите?! Вы что, милостыню на городском рынке просите?! – продолжал бушевать Магистр.

– Встаньте на одно колено, – зашептал ей на ухо Генрих. – Вспомните Этикет...

Екатерина попыталась принять нужную позу, но запуталась в юбке. Наконец, после нескольких мучительных мгновений, ей это удалось. Магистр терпеливо и внимательно наблюдал, как Екатерина ползала по полу.

– Госпожа Несвицкая, совсем не обязательно натирать паркет в моем кабинете подолом платья, – произнес Магистр с фальшивой заботой. – Для этого есть уборщик.

Екатерина поняла, что в его глазах она выглядит полной дурой. Сейчас ей хотелось провалиться сквозь землю. Она чувствовала, как краска заливает ее лицо.

- Господин фон Берг, с чего вы решили, что ваша подопечная сообразительная? - участливо поинтересовался Магистр. - Она даже Этикет не может выучить! Итак, теперь, когда ваша ученица, наконец, приняла пристойную позу, слушайте мое решение. Из ваших вознаграждений вычтут определенную сумму, и она будет немаленькая. Это штраф за вашу глупость. Далее. К нам обратился за помощью господин Мариш. Отправляйтесь в его заведение и постарайтесь помочь. Надеюсь, с этим простым поручением вы сумеете справиться. Подробности я объясню господину Изварину, поскольку он самый толковый из вас троих. Егор Петрович, останьтесь. А вы двое - вон с глаз моих.

Глава 3

Екатерина и Генрих остались ждать Егора в секретариате. Девушка тихонько уселась на стул в уголке и старалась стать незаметной. Лицо ее пылало – никогда ранее она не чувствовала себя такой бездарной и бестолковой. Ей казалось, что о ее глупости знают все присутствующие в помещении – две машинистки, секретарь и еще трое посетителей, ожидающих приглашения Магистра.

Магистр так кричал на них, что возможно, здесь все было слышно. То, что дубовые двери не пропускали шум, Екатерину не успокаивало. Радовало только, что у фон Берга все обошлось. Но зато его ученица оказалась на редкость тупа и бездарна. Девушка тихонько вздохнула и взглянула на своего наставника. Тот сидел на подоконнике и задумчиво смотрел в окно. На улице было шумно, кричали разносчики газет и торговцы с лотков, звонко цокали подковы о брусчатку мостовой. Жизнь была ключом. А в секретариате монотонно стучали пишущие машинки. Но теперь это не навело тоску на Екатерину. Все обошлось, и это просто прекрасно!

Егор появился через несколько минут, держа в руке синюю папку. Он выглядел подавленным – выговор Магистра и его не мог оставить равнодушным. Егору тоже досталось. Все трое молча вышли на улицу. Первым тягостное молчание нарушил фон Берг:

– Может, зайдем перекусить?

Екатерина вдруг почувствовала, что очень проголодалась. Она не завтракала, так как сильно переживала за Генриха и есть совсем не хотелось. Ей вообще тогда было не до этого. Зато теперь она просто умирала от голода.

Молчание товарищей Генрих, видимо, расценил как знак согласия. Обсуждать пока было нечего. Сегодня им всем досталось. И досталось за дело.

Также молча они зашли в ресторан «Астория», куда повел их барон. Похоже, он был там частым посетителем. Метрдотель выразил бесконечное счастье от визита господина фон Берга и его спутников и привычно провел их в отдельный кабинет. Через мгновение появился официант, оставил меню и деликатно вышел.

– Что будете? – поинтересовался Генрих у Екатерины. – Здесь отличная кухня.

– На ваше усмотрение, я в таких заведениях раньше не бывала, – призналась девушка, разглядывая роскошное помещение с огромным окном и таким же огромным зеркалом в золоченой резной раме на стене.

Большой диван, обитый бархатом и заваленный парчовыми подушками, навел ее на определенные мысли. Серо-голубые бархатные шторы были припущены, и в помещении царил легкий, пожалуй, даже интимный полумрак.

– Это и есть так называемые «номера»? – поинтересовалась девушка.

– Ну что вы! Нет, конечно. Разве я повел бы вас в подобное заведение? – губы барона тронула снисходительная улыбка. – Не беспокойтесь за свою репутацию. Это просто отдельный кабинет в хорошем ресторане. Для компании, которая не хочет сидеть на виду в общем зале. Нам сейчас надо многое обсудить и незачем привлекать лишнее внимание. Так что ничего общего с дешевыми сомнительными «номерами», как их называют, этот кабинет не имеет.

– Здесь уютно. Мне нравится, – девушка подошла к окну и отодвинула тяжелую портьеру.

За окном находился зимний сад с пальмами в кадках. Сейчас он был налит солнечным светом. Косые лучи утреннего солнца проникли в помещение, отразились в зеркале и заискрились в бесчисленных подвесках хрустальной люстры.

Девушка опустила портьеру, и комната снова погрузилась в уютный полумрак. Она вернулась за стол.

– Что желаете выпить? Чай или кофе? Или морс? – Генрих протянул ей меню. – Здесь

хороший выбор напитков.

– А вы с Егором что будете? – Екатерина все еще не могла забыть общение с Магистром и ее слегка трясло.

– Мы будем, как всегда, коньяк. Да, Егор? – тон, которым фон Берг задал вопрос, не терпел возражений.

– Да, – лаконично ответил тот. Но, после некоторого колебания с надеждой произнес. – А может, мне лучше водку? Привычней как-то. С соленым огурцом...

Но барон был категоричен:

– Нет, не лучше. Будешь со мной коньяк – поддержишь компанию. Тебе давно пора научиться ценить благородные напитки.

– Ладно, уговорили, – обреченно произнес Егор.

Генрих одобрительно посмотрел на него.

– Ну, вот и хорошо. Лично мне после гнева патрона ничего другое не помогает. А в последнее время он мной очень недоволен. Ну, и учитывая, что я с вами обоими уже мысленно попрощался, мне желательно коньяка побольше, – признался Генрих. – А вы, Екатерина Павловна, может, хотите вина? Похоже, вам тоже надо снять напряжение. Здесь отличная винная карта.

– А можно и мне капельку коньяка? – неуверенно спросила девушка.

Возможно, это ей тоже поможет прийти в себя после разноса Магистра.

– Вы уверены? – с сомнением поинтересовался фон Берг.

Она кивнула:

– Уверена. На меня никогда в жизни так не кричали. Я чувствую себя абсолютно никчемным и бестолковым созданием.

Генрих понял ее состояние:

– Тогда коньяк вам точно не повредит. И не думайте о себе плохо. Это вовсе не так, поверьте.

Егор расплылся в улыбке и доверительно сообщил:

– Господин Магистр сегодня был сама деликатность. Он явно пощадил ваши уши – вы все-таки девушка. Когда Магистр ругается по-настоящему, краснеют даже ломовые извозчики и портовые грузчики.

Генрих усмехнулся и добавил:

– То, что он назвал вас каменной бабой, можно считать невинным каламбуром. Я ожидал от него более жесткой критики. К тому же, он совершенно прав. Мы все вели себя глупо по странному стечению обстоятельств. Но я был полным идиотом. Так что гнев Магистра совершенно оправдан, увы.

– Да, я согласна. И даже не спорю. Возможно, со временем, я привыкну, – Екатерина вздохнула. – Если к такому вообще можно привыкнуть. Я думала, он чем-нибудь швырнет в меня.

– Ну, не стоит привыкать к подобным вещам. Лучше постарайтесь избегать гнева Магистра – просто так он некогда не ругается. Мы это заслужили.

Егор достал какие-то бумаги, разложил их на столе, взял серый конверт и протянул его девушке:

– Ваш гонорар за первую ведьму.

Она с удивлением достала несколько крупных купюр:

– Так много? Неожиданно и приятно.

– Я же говорил, вы будете неплохо зарабатывать, – напомнил ей фон Берг. – И учтите, некоторую сумму вычли за ваш промах.

– Не думала, что за ведьму платят так хорошо. Тогда сегодня я вас угощаю! Вы же не будете возражать, правда?

Радость переполняла Екатерину. Но причиной этому послужил отнюдь не высокий гонорар. Она была счастлива, что у ее наставника все обошлось. Вот только надолго ли? Он умеет найти себе проблемы.

Генрих и Егор переглянулись:

– А почему нет? Вы всегда ратовали за равноправие мужчин и женщин. А в Братстве оно и правда существует. Вы достойно прошли свое боевое крещение, самостоятельно уничтожив первую ведьму. Так отметим это знаменательное событие.

– Да, и мою первую оплошность... – девушка снова покраснела. – Генрих Александрович, я должна была давно попросить у вас прощения за это. Но забыла... Столько всего произошло, как-то из головы вылетело... Как подумаю, чем это могло закончиться, страшно становится... И все из-за меня...

Как же она могла забыть попросить прощения за свою промашку? Екатерине стало по-настоящему совестно. Барон смотрел на девушку и улыбался. Похоже, у нее очень глупый вид.

– Нет, нет, это ни к чему... Не стоит. Даже не думайте об этом. Вы же пока только набираетесь опыта.

Да, с наставником Екатерине и правда повезло. Он мог бы ругать ее, как и Магистр, даже сильнее. А он только улыбается ей и все.

Вошел официант, быстро и бесшумно накрыл на стол.

– И как этот ваш коньяк пьют? Чем его закусывают? – поинтересовалась девушка.

– Хороший коньяк не закусывают. А этот хороший, очень хороший. Ну, можно в крайнем случае сыром или шоколадом. Егор портит вкус дорогого коньяка, закусывая лимоном, иногда соленым огурцом. Ужасное кощунство! – усмехнулся барон, глядя на своего шофера-кучера.

– Как говорится, на вкус и цвет... Я вообще предпочитаю после такого общения с Магистром водку, – признался Егор. – Но буду коньяк с вами за компанию, не могу отказать Генриху Александровичу. Соленых огурцов сегодня не прощу, – улыбнулся он барону. – Вполне обойдусь лимоном. Я признаю, что у коньяка отличный запах и вкус. Вам, Екатерина Павловна, должно понравиться.

Екатерина понюхала пузатый бокал, на дне которого плескался темный благородный напиток:

– И правда, пахнет вкусно.

– Учтите, он крепче водки, – предупредил Генрих.

– Я и водку-то никогда не пила...

– Тогда пейте на выдохе, – посоветовал Егор.

– Лучше маленькими глотками. Чтобы почувствовать тонкий аромат напитка, – порекомендовал Генрих. – Ну что ж, с боевым крещением вас!

Генрих и Егор с удовольствием выпили коньяк – Егор бокал осушил до дна, Генрих, смакуя и наслаждаясь изысканным вкусом.

Екатерина посмотрела на них и осторожно сделала маленький глоточек. Но задохнулась и выпила залпом остаток. У нее перехватило горло, и стало нечем дышать. Она закашлялась. Егор сунул ей в руку ломтик лимона, а Генрих в другую – дольку шоколада.

– Уже не надо, – замотала головой девушка. – Как вы это только пьете? Какой аромат, какой вкус? Это же как огонь! Ужасно!

Но через мгновение она ощутила послевкусие коньяка, и приятное тепло разлилось по ее телу.

– Была неправа, – призналась Екатерина. – Вкус приятный. И голова прояснилась, как ни странно. Вроде должно наоборот.

– Наоборот будет, когда выпьете полбутылки, – пояснил ей Егор с видом знатока и усмехнулся. – Но делать этого не рекомендую.

– Можно сказать, я оценила этот изысканный напиток, – констатировала девушка. – Наверное, вкусно, но больше я его пить не буду. Плохой из меня ценитель коньяка.

Екатерина проглотила кусочек лимона и заела его шоколадом, которые так любезно сунули в руки ее товарищи. Они принялись за трапезу. Все было приготовлено великолепно, мясо таяло во рту, а его изысканный вкус говорил о высоком кулинарном таланте повара. Не зря этот ресторан считался одним из лучших в городе.

– Ну, а теперь поговорим о деле, – начал Егор. – Господин Магистр поручил нам помочь господину Мэришу разобраться с возникшими в его заведении проблемами.

Генрих поморщился:

– Логово вампиров, у которых возникли трудности. Гадость какая! Магистр поручил это грязное дело нам в наказание. Он знает, как я не люблю кровопийц. Господин Мэриш грек по происхождению и вампир по призванию.

– Настоящая его фамилия Черакидиз. Мэриш – псевдоним, – пояснил Егор.

Фон Берг криво усмехнулся:

– Дань румынским корням отцов-основателей этого течения. Вампир Черакидиз – да уж, занятно звучит!

Екатерина насторожилась:

– Что от нас требуется? Мы им что, должны помочь? Или все-таки уничтожить кого-то из них?

– Мы уничтожаем только ведьм. У нас с вампирами вроде как сотрудничество. Во главе их клана стоит господин Мэриш. Клан тоже относится к Закрытому министерству, и частенько работает вместе с нашим Братством. Это не те вампиры, которые убивают людей – сотрудничество с такими особями вообще недопустимо. Но от этого наши вампиры-побратимы мне не становятся симпатичнее. Надо отдать должное, они пьют кровь не людей, а животных. Или друг у друга, по добровольному соглашению. Вроде как вреда никакого, но все равно мерзость!

– У них есть что-то наподобие закрытого клуба за городом. Там они собираются в темное время суток. Никого не беспокоят, – Егор покосился на барона. – Особо не скрывают своих пристрастий, но и не кричат об этом на каждом углу. Работают в клубе и обычные люди, которые дают подписку о сохранении всего, что происходит в заведении в секрете. Но все равно, некоторые чем-то делятся со своими знакомыми. Так что местное население старается обходить этот клуб стороной. На всякий случай.

– В общем, милое местечко, где вместо коньяка и вина подают свежую овечью кровь, а вместо антрекота – куски сырого мяса, тоже, естественно, с кровью, – пробурчал Генрих. – Они для этого держат целое стадо племенных овец какой-то особой породы. Выписывают их из Шотландии и везут через всю Европу. Гурманы! Так что там за проблемы? Ведьмы задрали элитных овец, и бедняжкам нечего пить?

Егор понимающе усмехнулся.

– Генрих Александрович очень не любит вампиров. Да и я тоже к ним тоже особой симпатии не испытываю, – пояснил он Екатерине. – У хозяина заведения стали пропадать крупные суммы денег. А в новолуние погибли две уборщицы. Судя по почерку, убила их ведьма. Видимо, женщины заметили, как та ворует деньги. Надо присмотреться к работникам и посетителям клуба. Завтра с утра нас там будут ждать. Осмотримся на месте. До полнолуния осталось несколько дней – надо продумать, как будем действовать. Хотя трудностей возникнуть не должно, вроде, все просто. Но кто знает?

Егор и Генрих выпили еще коньяку. Екатерина ограничилась лимонадом. Все потихоньку начали приходить в себя после общения с Магистром. Девушка с удовольствием ела шоколад, который любезно отламывал для нее от толстой плитки Генрих. Она осторожно брала из его рук дольку темного лакомства, пахнущего какао и ванилью. Шоколад бархатно таял во рту – настоящий, бельгийский. Не шоколад, а произведение искусства.

Екатерина украдкой поглядывала на своего наставника. Он был задумчив. Ей снова стало грустно. Она обещала ему, что все останется неизменным – наставник и ученица. И больше ничего. Но как же это трудно.

Еще вчера все было понятно, просто, и они были счастливы. Всего несколько коротких минут. Время лечит, все забудется? Чушь. Ничего не забудется, а останется лежать тяжелым камнем на сердце. Любят один раз и на всю жизнь. Для нее это может быть только так. Замуж она не выйдет. Лучше остаться одной, чем жить с нелюбимым человеком, пусть даже добрым и хорошим. Девушка вспомнила влюбленного в нее друга детства. Нет, Алексей зря ждет, что она ответит ему взаимностью. Этого никогда не произойдет...

Егор снова заговорил, и она вернулась к действительности:

– Кроме того, в этом клубе очень, мягко говоря, своеобразное отношение к женщинам. Для вампиров это люди второго сорта, сразу предупреждаю вас, Екатерина Павловна. Женщина не может присутствовать при важном разговоре, так что будьте к этому готовы. Пока мы будем обсуждать насущные вопросы с господином Маришем, вы будете сидеть отдельно, в стороне.

– Но в пределах видимости, – добавил Генрих. – Мы не допустим, чтобы вам что-то угрожало. На всякий случай, захватите револьвер. Я дам вам серебряные пули – помогают против вампиров и оборотней. Впрочем, последних там быть не должно.

– Вы считаете, что все может пойти так далеко? – девушка не испугалась, а скорее обрадовалась, что у нее, возможно, будет шанс реабилитироваться в глазах товарищей.

– Не думаю, но лучше перестраховаться. Я предвзято отношусь к вампирам и не особо доверяю им. Господин Мариш будет считать, что вы – моя женщина. Хотя я и представлю вас своей невестой, как всегда. Не удивляйтесь. Для него нет разницы – порядочная девица, содержанка, невеста, жена или любовница. Если вы с мужчиной – вы его женщина. Коротко и ясно. Зато на вас никто не покусится. Господин Мариш бывший каторжник, который сумел сколотить весьма приличное состояние. И замашки у него остались прежние. Так что ни о какой деликатности речи тут не идет. Но у каторжников есть определенный кодекс чести. Пока мы на их территории, придется играть по их правилам. Мы отправимся в то самое злочное место, о котором я вам, помнится, говорил.

– Ну что ж, я готова. А что с графиней Рокотовой? Магистр упомянул о ней вскользь, – Екатерину давно мучил этот вопрос. – Известно, как ей удалось стать такой опасной ведьмой?

Генрих нахмурился. Видимо, ему тоже не давала покоя эта проблема:

– О ней говорили на Совете. Пока Полину не удалось найти. Вместе с ней исчезла и ее горничная – то ли убита, то ли помогает своей госпоже. Последний любовник графини, князь Юрьевич уехал за границу – это проверено. Уехал один. Возможно, он до сих пор не знает, с кем связался. А может, готовит для нее там убежище. Так или иначе, но убийства прекратились – Егор очень серьезно ранил Полину. Однако неизвестно, сколько времени у нас в запасе, раны на ведьмах быстро заживают. Полина озлоблена и

наверняка продолжит убивать – уже успела войти во вкус. Но хватит о ней. На сегодня достаточно мрачных разговоров, я думаю. Нам еще предстоит выпить чай.

Он снова протянул Екатерине дольку шоколада:

– Пусть это немного подсластит вам воспоминания о Магистре. Хотите пирожное? Теперь угощаю я.

– Нет, не вы, – девушка взглянула ему в глаза, и он отвел их, – Но пирожное буду. Все будут – сегодня угощаю я.

– Мне лучше пирожок с курагой, – попросил Егор. – Не понимаю я этих ваших тонкостей.

Екатерина засмеялась:

– Как пожелаешь. Пирожок так пирожок. Хочешь два? С грибами и сладкий? Или что-нибудь еще? Не стесняйся, Егор.

– Я не стесняюсь. Буду два пирожка с удовольствием.

Они пили чай. Генрих машинально размешивал сахар и задумчиво смотрел на Екатерину. Она перехватила его взгляд, и он снова отвернулся. О чем он теперь думал? Жалел, что вчера они вовремя остановились, проявив благоразумие? Или о том, что все могло пойти слишком далеко? Но теперь опасаться нечего – все закончилось, не успев начаться. Они оба приняли решение.

Глава 4

С утра Генрих и Егор заехали за Екатериной на ее городскую квартиру. Она легко сбежала по ступеням парадного подъезда к автомобилю. Легкое сиреневое платье подчеркивало стройную фигуру девушки и очень шло к темным волосам, забранным на затылке серебряным гребнем. Екатерина посмотрела на Генриха и улыбнулась ему:

– Услышала, как подъезжает автомобиль, и сразу вышла. Мы не опаздываем?

– Нет, но если надо, господин Мариш и вампиры подождут, сколько потребуется, – Генрих не пытался скрыть своего пренебрежительного отношения к Маришу и его окружению.

Закрытый клуб «Летучая мышь» располагался далеко за городом, среди старинного роскошного парка в английском стиле с обилием фонтанов, гротов и беседок, увитых диким виноградом и алыми плетистыми розами. Тенистые аллеи вели к прудам, заросшим лилиями. По замыслу хозяина, все должно было выглядеть мрачно и таинственно. Но солнечное летнее утро вносило дисгармонию в печальную атмосферу загородного клуба и напрочь лишало его загадочности. Струи фонтанов искрились бриллиантовыми брызгами и весело журчали, пруды блестели как зеркала, а аллеи пронзали яркие и легкомысленные косые лучи солнечного света.

Само здание клуба построили недавно в псевдогоготическом стиле и походило на средневековый замок – множество башенок, узкие стрельчатые окна с цветными витражами, эркеры и балкончики. Горгульи, крылатые драконы, львы и летучие мыши в изобилии громоздились на карнизе, колоннах и над окнами. Гербы и символические скульптуры были втиснуты на оставшиеся свободные места над центральным порталом. Тяжелую дубовую дверь украшали медные накладки, тоже в форме летучих мышей.

Фасад здания был облицован темным камнем и перегружен декоративными элементами. Отсутствие вкуса заменяли богатство и дороговизна отделочных материалов. Видимо, хозяин «замка» рассчитывал, что он будет производить мрачное и таинственное впечатление. Но вместо этого «замок», скорее, вызывал недоумение и был бы похож на торт, если бы не его мрачный цвет.

Автомобиль остановился у парадного подъезда, зашуршав мелким гравием на подъездной дорожке. Им навстречу величественно и печально вышел привратник в блестящем цилиндре, одетый во все черное и походивший на похоронного агента. Он медленно и торжественно открыл тяжелую дверь, словно это был вход в фамильный склеп. Над порталом зловеще нависла летучая мышь, широко раскинув крылья и выпучив каменные глаза. Из ее оскаленного рта торчала пара клыков. У одного клыка кончик был наполовину отбит, и это делало летучую мышь слегка неполноценной и ущербной.

Девушке стало немного не по себе. Она посмотрела на Генриха и Егора. Те были спокойны.

Барон поморщился:

– Какой, однако, антураж, – он взял Екатерину под руку и прошептал на ухо, видимо, поняв ее состояние: – Не бойтесь, это всего лишь декорации. К тому же не очень качественные.

Через темный холл они вошли в большое помещение. Это оказался зал ресторана, только тоже с весьма мрачной обстановкой – высокие окна были плотно задернуты черными шелковыми портьерами. Черная хрустальная люстра гигантских размеров свисала с потолка и мерцала слабыми электрическими огнями. Сизый сигаретный дым низко висел в воздухе плотным туманом. В душном помещении пахло дорогими духами и табаком.

Несмотря на утро, в зале за столиками сидели посетители, хотя и немного. Небольшой оркестр играл вальс, но незнакомый, чувственный и томный. Несколько пар двигались в танце, словно в глубоком гипнозе.

– Похоже, здесь еще и кокаин нюхают. Просто дорогой притон, – саркастически

констатировал фон Берг, окинув зал беглым взглядом.

Он плотнее взял девушку под руку. Екатерина невольно прижалась к нему, с недоумением озираясь по сторонам. Ее сиреневое платье неуместным пятном светилось среди общего мрака. К ним неслышными шагами скользнул еще один «похоронный агент». Он изогнулся в поклоне:

– Господин Мариш приносит вам свои извинения и просит немного подождать. Я провожу вас к столику. Угощайтесь. У нас неплохой выбор вин. Есть традиционная кухня. Естественно, все за счет заведения.

Они присели за столик у стены. Отсюда открывался отличный обзор всего зала.

– Пожалуй, надо взять хотя бы по бокалу вина, чтобы не привлекать лишнего внимания. Возьмем красное – отдадим дань местным традициям, – заметил фон Берг. – Есть тут я не рекомендую. Кто знает, что они понимают под традиционной кухней.

Вино подали мгновенно. Официант был осведомлен, что это гости его хозяина. Барон пригубил напиток и одобрительно кивнул – вино отменное, можно пить смело.

Оркестр заиграл какую-то совсем незнакомую мелодию – страстную, томную и с болезненно-грустным надрывом. Несколько пар начали странный танец. Екатерина смотрела на них как завороченная:

– Что это?

– Аргентинское танго. Новый модный танец – господин Мариш много времени проводит в Аргентине.

– Вспомнила! – у девушки загорелись глаза. – Да, я слышала о нем. У нас в Институте кто-то принес пластинку. Девушки пробовали танцевать, но не так, совсем не так... Потом оказалось, что танго запрещено во всех учебных заведениях. Но как же это красиво! И музыка! Какая музыка необыкновенная...

Барон пытливо посмотрел на нее:

– Этот танец родился в притонах Буэнос-Айреса. В Европе считается непристойным, и, как считаю, совершенно несправедливо. Хотите попробовать?

– Очень. Но у меня не получится.

– Это проще, чем вы думаете. Без сложных пируэтов, конечно. Я очень люблю этот танец. Идем? – он протянул ей руку.

Она вспомнила их странный вальс в пустом и темном зале Дворянского собрания. Их наваждение. Видимо, барон тоже вспомнил его и поддался слабости. Она не возражала – пусть они вернутся в прошлое хотя бы на несколько мгновений и только в воспоминаниях.

– Этот танец вначале партнеры танцуют на расстоянии вытянутой руки.

– А потом? – тихо спросила Екатерина.

– Потом у нас не будет, – он осекся и продолжил, – дальше пойдут сложные фигуры. Ограничимся простым началом, – он осторожно взял ее за талию, а она положила ему вытянутую руку на плечо, как делали другие пары. – Теперь закройте глаза, просто слушайте музыку и доверьтесь мне. Кавалер уверенно ведет, дама красиво следует.

Она закрыла глаза и легко заскользила по паркету, покорно подчиняясь его желанию. Она поняла, что Генрих много не договорил об этом странном танце.

Танго... Загадочное, чувственное, волнующее... Танец полностью подчинил ее воле барона, и она не сопротивлялась, просто следовала за ним. Она растворилась в танце и в музыке. Это было ни с чем не сравнимо – страсть и обжигающий холод, любовь и ненависть, обреченность и надежда. Целая жизнь и бесконечная, такая многогранная любовь.

Танец закончился, и девушка открыла глаза:

– Это было прекрасно, – благодарно вздохнула она, глядя в лицо фон Берга.

– У вас все отлично получилось, как видите, – он посмотрел в сторону.

Она уже знала эту его привычку – не хотел смотреть ей в глаза. Боялся выдать свои чувства? Но они оба знали друг о друге все, ничего не спрашивая и не говоря об этом. Они молча вернулись к столику.

К ним подошел высокий статный мужчина средних лет с монетным профилем. Гладко выбритый, с черными набриолиненными волосами, одетый в черный фрак он производил бы впечатление благородного дворянина, но его выдавали руки. Перстень с крупным изумрудом в обрамлении бриллиантов вызывающе блестел на его узловатом искалеченном пальце.

– Господин фон Берг, я полагаю? И господин Изварин? Рад видеть и вас, мадемуазель Несвицкая, – он галантно расшаркался. – Ваши спутники ненадолго вас оставят – нам надо поговорить.

– Мы останемся в зале, если не возражаете, – заявил барон.

– Как пожелаете, – Мариш указал на столик в углу. – Этот вас устроит?

Генрих кивнул. Екатерина поняла, что он не хочет оставлять ее одну. Мариш, похоже, тоже понял это и иронично улыбнулся:

– Это приличное заведение, поверьте, господин фон Берг. Ваша спутница здесь в полной безопасности. За ее спокойствие головой отвечает весь мой персонал. Но если вам так спокойнее, извольте.

Екатерина осталась одна. Никто не обращал на нее внимания, и это радовало. Она наблюдала, как господин Мариш беседует с Генрихом и Егором. Хозяин клуба произвел на нее странное впечатление. Вполне приличный, с хорошими манерами. А заведение у него странное. И руки корявые, хотя и ухоженные – видимо, изуродовал их на каторге.

Посетители этого клуба тоже были странные. Заметно, что все состоятельные. Дамы в модных черных туалетах и мехах сверкали бриллиантами. И мужчины не отказывали себе в дорогих перстнях и запонках. Но вид у большинства болезненный – бледные, с темными тенями под глазами. Или это всего лишь грим – дань декадансу? И все в черном. Мрачно и зловеще.

Девушке становилось неудобно, кое-кто из посетителей начал подозрительно коситься на нее – светлое платье было здесь неуместно и выглядело странно. Можно было догадаться надеть что-то темное, но ничего подходящего в гардеробе не нашлось – только скромное серое платье, которое смотрелось бы еще более странно. Но сейчас девушка чувствовала себя словно голой среди роскошных дам в черных вечерних туалетах. Екатерина с нетерпением ждала, когда ее спутники вернутся, и они смогут, наконец, уехать отсюда.

К столику девушки подошел официант и поставил перед ней высокий бокал шампанского. На его дне она увидела кольцо. Крошечные прозрачные пузырьки воздуха облепили перстень. Они срывались с его поверхности и устремлялись вверх тонкими серебристыми цепочками.

– От господина Мариша с глубоким почтением, – любезно сообщил официант и бесшумно растворился в тумане табачного дыма.

Девушка посмотрела не Генриха. Тот одобрительно кивнул. Господин Мариш милостиво улыбнулся ей и что-то сказал барону.

Екатерина выпила шампанское и достала перстень. Он был очень массивный, серебряный, совершенно гладкий, без гравировки, с крупным изумрудом тонкой огранки. Она перевела взгляд на фон Берга, не зная, как поступить со странным подарком. Тот снова кивнул, и она надела перстень на палец. Видимо, это знак особого внимания к «женщине» фон Берга.

Меньше, чем через полчаса Генрих и Егор вернулись к девушке и подсели к столу.

– Придем сюда в полнолуние, – сообщил ей Генрих. – Будем смотреть за персоналом и гостями. Постараемся найти ведьму и уничтожить. Она опасна – уже убила двоих. И, скорее всего, на этом не остановится. Легкая добыча и вседозволенность затягивают. Деньги она теперь брать не будет – понятно, что Мариш не станет больше держать крупные суммы в клубе. Но на посетителях много драгоценностей – здесь искушение очень велико. Особенно учитывая, что парочки по ночам любят уединяться в парке.

– Ведьма будет убивать вампиров? – удивилась Екатерина.

– А почему нет? Ей все равно, с кого снимать бриллианты. А именно их предпочитают носить посетители этого элитного клуба. Легкая добыча, большое искушение.

– Это не может быть Полина? – предположила девушка, – Вдруг это все-таки она?

Как было бы хорошо покончить с нею в ближайшее время раз и навсегда. Возможно, чувство вины отпустило бы Екатерину, если бы она смогла собственноручно уничтожить ведьму. Тогда она перестанет ощущать свою никчемность и беспомощность.

Но Генрих отрицательно покачал головой:

– Вряд ли это Рокотова. Ведьма хорошо знает распорядок работы заведения и отлично ориентируется внутри здания. Скорее всего, она из персонала или завсегдатаев клуба. Так что, судя по всему, это не Полина.

– Понятно, – кивнула девушка. – А жаль... Какое все-таки странное и неудобное место. И обычаи здесь тоже странные.

Она сняла кольцо с пальца и повертела его в руке. Изумруд вспыхнул таинственным зеленым светом в лучах электрической люстры.

– Очень тяжелый, серебряный. Похож на мужской. Вы не находите?

– Да, пожалуй. Слишком строгий и массивный для женщины. Но сейчас это модно, а Мариш внимательно следит за модой и следует ей.

– Что это за перстень, и почему мне его подарили? – поинтересовалась Екатерина.

– Это просто знак внимания к вам из уважения ко мне господина Мариша. Я говорил, у него странное и сложное понятие об уважении. У хозяина этого заведения серебряные рудники в Аргентине – серебро оттуда. Изумруд тоже из Аргентины. Позвольте взглянуть.

– Крупный камень, – заметила девушка и протянула фон Бергу перстень.

– Крупный, – согласился барон, внимательно разглядывая изумруд на свет. – Но не особо качественный. Много мутных включений и трещин. Однако все равно недешевый. Изумруд – женский талисман. Кажется, придает остроту зрению и обостряет предчувствие опасности. Этот камень в сочетании с серебром должен обладать магическими свойствами. Разберитесь на досуге – может, вам пригодится.

Екатерина открыла сумочку, чтоб убрать перстень, но барон предупредительно остановил ее:

– Будет лучше, если господин Мариш теперь увидит его на вашей руке – это ему польстит. Нам приходится быть дипломатами. Пусть ощутит свою значимость.

Фон Берг вернул ей кольцо и девушка надела его на средний палец правой руки – с пальцев левой оно соскальзывало – было довольно большого размера.

Они собрались уходить, и Мариш лично проводил их до автомобиля:

– Благодарю, что уделите мне внимание. Очень надеюсь на вашу помощь.

– Не сомневайтесь, сделаем все, что в наших силах. Найдем вашу ведьму, – Генрих старался ничем не выдать своей неприязни.

Екатерина с облегчением вздохнула, когда странный «замок» остался далеко позади.

– Кажется, общество вампиров вам тоже не особо понравилось? – иронично поинтересовался Генрих.

– Мрачно все как-то. А ведь у них есть последователи. И, судя по всему, довольно много. Что может привлекать их? Мистика, загадочность?

– Возможно, нравятся острые ощущения, – пожал он плечами, – Или иллюзия риска – все-таки кокаин у нас официально запрещено употреблять. Но мне этого никогда не понять.

Глава 5

Летний жаркий ветер гнал клубы пыли по улицам мещанской слободы. Зелень на редких деревьях вдоль улицы уже успела выцвести, и имела пожухлый вид. Воздух дрожал от полуденного зноя. Одиноким полосатый кот лениво растянулся в тени резных деревянных ворот и щурил глаза на сидевшего на дереве воробья.

Небольшой двухэтажный дом из красного кирпича с крепкими ставнями ничем не выделялся среди соседних домов, расположившихся в этой части Златогорска. Фруктовый сад за глухим высоким забором был невелик, но в нем поместились и беседка, и курятник, и сарай с погребом и ледником. Обычное мещанское подворье хозяина средней руки. Огромный злобный пес бдительно охранял спокойствие обитателей этого дома. Но сейчас он забился от жары в будку у крыльца и крепко спал, громко посапывая черным носом.

Не так давно это подворье купила вдова Татьяна Игнатьевна Калинина. Она скромно проживала тут со своей кухаркой Евдокией, которая, кроме того, выполняла работу горничной, уборщицы и вообще, судя по всему, была мастерицей на все руки. Евдокия разводила кур, варила варенье, сушила яблоки и делала все, чтобы помочь хозяйке сэкономить лишнюю копейку.

Вдова редко появлялась в городе и вела тихую жизнь затворницы. Одевалась она скромно и имела заурядную внешность небогатой мещанки. Ни с кем сама знакомств не заводила, и к ней почти никто не приходил – разве что молочник или торговец вразнос, продававший галантерею с лотка. Одинокая, печальная, даже возраст ее определить было сложно – то ли тридцать, то ли сорок. Видимо, потеря мужа совсем подкосила еще довольно молодую женщину.

Евдокия тоже была нелюдима и неразговорчива. Ходила в выцветшем ситцевом платке и крестьянской одежде. Кроме как на ближайший рынок она никуда не выбиралась. Иногда подметала мостовую перед домом. Она скромно опускала глаза, краснела и отвечала невпопад, когда требовалось с кем-то поговорить. Деревня, что с нее возьмешь?

У соседей новая обительница дома интереса не вызвала. Тихая, грустная, блеклая. Кто-то узнал от ее кухарки, что вдова была вынуждена продать небольшое имение в соседней губернии и перебраться в Златогорск, так как тут жизнь дешевле. Возможно, теперь она проживает последние деньги, оставшиеся от мужа. Даже кухарку наняла из крестьянок – видно, совсем дела плохи.

Как бы удивились обыватели, жалевшие бедную вдову, если бы попали в ее дом. Первый этаж и правда был обставлен очень скромно, если не сказать убого. Недорогая кустарная мебель, самотканые дорожки на полу. Дешевая фаянсовая посуда в буфете. Потрепанные кисейные занавески на окнах. Похоже, бедная женщина едва сводит концы с концами.

Но второй этаж, куда вела пошарпанная лестница, поражал богатством обстановки. Окна на улицу были закрыты плотными шторами. Мебель удобная и дорогая, мягкие пушистые ковры на полу. Тонкая фарфоровая посуда. И вдова выглядела вовсе не блеклой, когда располагалась в этих комфортабельных и роскошных, хотя и небольших апартаментах.

Конечно, Полине Рокотовой было ужасно неудобно и тесно в этом маленьком домике. Зато она чувствовала себя здесь в полной безопасности – кто будет искать роскошную и избалованную светскую красавицу в таких трущобах?

Никому и в голову не могло прийти, что красавица графиня так резко изменит свою привычную и комфортную жизнь, подчиняясь ревности и ненависти к своему бывшему любовнику, молодому барону фон Бергу. Злоба сжигала ее и гнала вперед, к страшной мести. Полина поклялась себе, что возьмет реванш, и ничто не сможет ее остановить.

Графиня купила этот домишко на чужое имя и постепенно превратила его в довольно удобные, хотя и небольшие апартаменты. Полина предполагала, что надо иметь для себя надежное убежище на всякий случай. Одинокая вдова Калинина оказала услугу графине Рокотовой, которая желала купить домик для своей бедной племянницы, но хотела сохранить покупку втайне от мужа. То, что графиня тоже вдова, и уже давно, Калинина

не знала. А щедрое вознаграждение было далеко не лишним для небогатой женщины. За свою помощь вдова Калинина заплатила жизнью. Ее паспорт очень пригодился Полине Аркадьевне.

После этого верная горничная графини Рокотовой превратилась в темную и туповатую крестьянку. А сама светская красавица стала вдовой-мещанкой, почти разорившейся и с самой заурядной внешностью.

Полина знала, что ее теперь ищет не только полиция, но и организация, в которой состоит ее бывший любовник, Генрих фон Берг. Она дорого бы дала, чтобы узнать, чем конкретно занимается эта организация.

Многое изменилось после ее разрыва с Генрихом. Но нет, это был не разрыв. Барон бросил ее. Бросил, как надоевшую истеричную любовницу. Этого Полина ему простить не могла. Она готовилась страшно мстить. И ему, и его новой пассии.

Овдовев шесть лет назад, Полина жаждала только роскоши, денег и поклонения. Барон всегда выделялся из череды ее любовников. Она ему очень нравилась, это было очевидно. Возможно, он был даже влюблен. Но Генрих никогда не терял от нее голову. Полина это всегда знала.

Она тоже не любила фон Берга. Это тонкое и нежное чувство вообще было ей чуждо. Если Полина и любила кого, то только себя. Порочная страсть волне заменяла ей любовь. Однако красавице графине льстило иметь в любовниках молодого и богатого светского льва. Кроме того, он был очень щедр и не жалел на нее денег.

Три года они были вместе. И ей казалось, эта связь будет длиться долго, очень долго, пока она сама не захочет чего-то другого, большего. Возможно, стать баронессой фон Берг.

Полина и Генрих были во многом похожи. Оба любили роскошь, праздную жизнь, были эгоистичны и честолюбивы. Со стороны они выглядели влюбленной парой, и многие светские дамы завидовали Полине – покорить такого красавца-аристократа, наследника оружейной империи. Но она не покорила его. Генрих никогда не терял от нее голову. Он содержал ее, оплачивал капризы и прихоти, но никогда не собирался назвать своей женой.

Все закончилось в одночасье, когда Полина начала ревновать барона к невзрачной дворяночке из разорившейся семьи. Графиня помнила, с каким презрением Генрих смотрел на нее, пока она захлебывалась от ненависти к этой маленькой дряни.

А потом она узнала об их помолвке. Ее, роковую красавицу и уточенную светскую даму отвергли, и ради кого? Бесцветной пресной девицы! Роскошную графиню променяли на ничтожество. Этого она никогда не простит. И не забудет нанесенного ей оскорбления.

Прекрасная Полина полулежала на диване, облокотившись на бархатную подушку. Ее тонкий шелковый халат цвета южного моря стоил больше, чем полугодовой заработок соседа-писаря. Пышные золотистые волосы были высоко подняты на затылке и закреплены драгоценным гребнем. Его бриллианты вспыхивали холодными звездами в полумраке небольшого помещения. Такое украшение больше подходило для бала, но двери в высшее общество в этом мерзком городишке для графини Рокотовой были теперь закрыты навсегда.

Полина зачерпнула целебной мази из баночки и посмотрела на свое бедро – длинный уродливый шрам пересекал его. Она поморщилась и нанесла мазь на заживающую рану. Медленно, слишком медленно она затягивается. Ждать больше не было сил. Полине хотелось действовать, а не сидеть в четырех стенах, как затворнице.

Нетерпение сжигало графиню Рокотову. Она жаждет мести. И месть ее будет страшна. Теперь она не ошибется, как в прошлый раз. Откуда ей тогда было знать, что кучер барона тоже охотник на ведьм?

Первым она убьет этого лакея, Егора, чтобы он не путался под ногами. Затем Екатерину, но так, чтобы Генрих видел это. Его невеста будет умирать долго и мучительно у него на глазах. А потом бывший любовник станет ползать у ее ног и молить о смерти. И тогда

она получит полное удовлетворение. Но, несмотря на неумное желание мести, Полина останавливала себя от опрометчивых поступков. Больше этого не повторится, она будет методично идти к своей цели.

Полина тяжело поднялась с дивана, взяла трость с серебряным набалдашником. Даже теперь она не могла отказаться от роскоши и красивых вещей. Сильно хромая и тяжело опираясь на трость, Полина направилась в соседнюю комнату. Это небольшое помещение напоминало алхимическую лабораторию. На полках стояли пузырьки всевозможных форм и цветов с различными гранулами, порошками и растворами. В застекленном шкафу громоздились причудливые приборы, а по стенам висели схемы и диаграммы.

На письменном столе лежало множество старинных книг и рукописей. Графиня выбрала одну из них, устроилась в глубоком и удобном кресле и погрузилась в чтение. Иногда она делала пометки карандашом на полях. Еще месяц назад она и подумать не могла, что серьезно займется алхимией и магией. Но ее жизнь сделала очередной неожиданный поворот.

На несколько минут Полина отвлеклась и задумалась. Мысли унесли ее в далекое прошлое, такое серое, скучное.

Судьба графини Рокотовой не раз радикально менялась. Но менялась она не сама собой, а по желанию Полины. Она всегда ставила перед собой непомерно высокие цели и упорно шла к ним, ни перед чем не останавливаясь. Дочь мелкого чиновника и мещанки, Полина сумела пробиться в высшее общество. Сначала поступила хористкой в городской театр. Голос у нее был неплохой, но слабый для примы.

Девушку редкой красоты заметил немолодой, но очень богатый граф Рокотов, искренне увлекся ею и сделал своей любовницей. Он был весьма щедр, да и Полина не строила из себя скромницу. Она очень любила дорогие подарки и поощряла в этом своего престарелого ухажера. А потом Рокотов по-настоящему привязался к ней и женился, шокировав этим все высшее общество Златогорска. Так молодая красивая певичка стала графиней.

Она быстро освоилась и переняла необходимые в свете навыки. На балах мужчины пожирали ее жадными взглядами, а дамы завидовали роскошным туалетам. Граф баловал свою молодую жену и ни в чем ей не отказывал. Он гордился ею как очередным дорогим приобретением.

Как же он заблуждался насчет наивности своей молодой жены! Полина всегда умела затуманить мужчине голову и лишит его воли. Что и произошло со старым графом. Молодая жена начала вертеть им, как ей вздумается.

А всего через полтора года после их свадьбы престарелый граф скорострительно скончался. Бедняжка, у него всегда было слабое сердце – не надо было жениться на молоденькой. В его возрасте это отнимает столько сил... Красавица улыбнулась – все получилось легче, чем можно представить – всего-то несколько гранул волшебного зелья под названием мышьяк. Она стала богата и независима. Началась новая жизнь, полная радости и роскоши. Полина с головой окунулась в вихрь удовольствий и светских развлечений.

Прекрасная вызывающей и яркой красотой, порочная и чувственная, она умела волновать мужчин. Полина с жестоким удовольствием считала количество дуэлей, причиной которых стала. Светские скандалы длинной чередой тянулись за ней. Но это ее несколько не смущало, а скорее тешило неимоверное самолюбие роковой красавицы.

Полина сменила череду любовников, пока на ее пути не встретился Генрих. Но он так и не стал ее очередным трофеем. Барон фон Берг не собирался бросать к ее ногам свою свободу и честь. Будучи страстным с ней в постели, он, тем не менее, не терял от нее голову. Генрих просто был любовником, который покупал ее очень дорогие услуги. Но, в конце концов, он предал ее. Предал, когда увлекся гувернанткой своего младшего брата – девицей из разорившейся дворянской семьи. Три года, проведенных вместе, для него ничего не значили. А ведь Полина могла снова удачно выйти замуж, могла найти другого, более знатного и состоятельного. Но она этого не делала – хранила верность. И вот результат – ее бессовестно бросили, как надоевшую игрушку. Графиню каждый раз

начинало трясти от злости, когда она об этом думала. Ее бросили!

Теперь графиня Рокотова стала ведьмой. Безусловно, виной этому Генрих и его дорогая Катенька. Еще недавно Полина так презрительно относилась и к знахаркам, и к ворожеем. Не говоря уже о ведьмах. Но судьба в очередной раз преподнесла ей сюрприз.

Графиня Рокотова давно убедилась, что полагаться можно только на себя. Наивный и восторженный друг Екатерины Алексей Вишняков не смог убить своего противника и ее врага фон Берга. Он оказался слабым, жалким и беспомощным. От отчаяния Полина переступила через себя и обратилась за помощью к ведьме, которую порекомендовала ее горничная. Но та взяла деньги за убийство Генриха и Екатерины и просто исчезла. Так подло и мелко обманула ее.

Зато Полина смогла забрать все имущество этой аферистки, включая старинные книги и рукописи. Вначале ее заинтересовали только рукописные книги – она знала, что подобные фолианты могут очень дорого стоить. Но Полина просто нутром почуяла, что весь оставшийся хлам тоже может пригодиться. И не ошиблась.

Надменная графиня с удивлением открыла для себя целый мир. Мир неограниченной свободы, вседозволенности и безнаказанности. Она погрузилась в изучение книг и неожиданно поняла, как легко и просто можно решать все свои проблемы, мстить врагам и даже убивать неугодных.

Ни минуты не сомневаясь, Полина совершила мрачный обряд и стала ведьмой. И не простой, а очень опасной, сильной и жестокой. В этом ей помогли безграничная злоба, ненависть и тщеславие. Теперь не надо было думать о деньгах, любое желанное украшение Полина могла получить без усилий. Надо просто дожждаться ночи, и все.

Но первым делом Рокотова начала уничтожать своих давних обидчиков. Она убивала их будто никчемных насекомых, без сожаления, без угрызений совести. А заодно и тех, кто становился невольным свидетелем ее преступлений. И неважно, что они не могли опознать ее – она действовала инстинктивно.

Все получалось без усилий, одним движением руки. Точный удар – и нет человека. И следов на месте преступления не остается. Безнаказанность возбуждала Полину, доставляла удовольствие не меньше, чем любовные утехы. Она чувствовала себя едва ли не всемогущей и упивалась этим.

Первыми от ее рук пали директор городского театра и его жена. Когда-то этот господин отказался сделать ее оперной примой, и взял на заветное место другую, которая потом стала его женой. Якобы голос Полины был недостаточно хорош, слаб или еще что-то в этом роде. Тогда этот господин сильно обидел бедную девушку. Она так и осталась хористкой. Ну что ж, теперь красота голоса Полины для него не важна. И для его жены-примы тоже. Разве теперь важно, что она пела лучше Полины? Кого это сейчас интересует? Никого.

Потом пришлось прикончить молочницу, которая так радостно кинулась навстречу знатной графине на улице. И чему только радовалась эта дура? Она узнала в светской красавице Полю, девушку, которая бегала к ней в лавку за молоком. Начала расспрашивать о родителях, вспоминать прошлое, когда Полина жила еще со своей семьей в маленьком уездном городке неподалеку от Златогорска. И все так громко, шумно, на глазах у любопытных. Для графини Рокотовой ее родители и их жалкая жизнь остались где-то очень и очень далеко. Она не видела их много лет, и им не было места рядом с ней.

Судьба родителей Полину давно не интересовала – они ничего не достигли в жизни, и ничего хорошего не дали дочери – ни денег, ни титула. Так зачем о них думать? Они этого не заслужили. Молочнице не стоило будить ненужные воспоминания, это может быть очень и очень опасно...

Следующей жертвой стал бывший любовник Полины, которого она сама же и бросила. Но этот непостоянный господин ухитрился жениться по любви и забыть прекрасную графиню. Полина часто встречала влюбленную парочку на балах. Их счастливый вид всегда очень раздражал ее. Нельзя быть таким ветреным в своих увлечениях. Легкомысленное поведение бывшего любовника вызывало досаду, и надо было это

прекратить. Заодно пришлось убить и его молодую жену. Она не вовремя появилась в саду, за что и поплатилась. Муж вышел покурить, а зачем эта дура туда потащилась? Не могла и минуты без него прожить? Что ж, теперь они навсегда вместе.

А дальше Полина продолжила с удовольствием убивать всех, кто когда-либо оскорбил или просто обидел ее. За ошибки надо платить. И платить кровью. Как все оказалось просто.

Только однажды она дала промашку и едва не погибла. Полина не удержалась, увидев счастливую парочку – своего бывшего любовника и его невесту. Как же ей тогда захотелось прикончить эту маленькую дрянь. И она не смогла устоять перед искушением. Но Генрих с таким пылом бросился защищать свою блеклую подружку. А на Полину руку поднять не смог, значит, не все так безоблачно в его отношениях с невестой. Не может забыть роковую красавицу! Таких женщин, как она, не забывают. Благородный идиот – сам напросился, жаль, что его лакей спутал все карты.

Полина снова посмотрел на безобразный шрам. Ну что ж, Генриха и его невесту она оставит на десерт. Она научилась ждать, научилась слушать и делать выводы. Вот бы дорогой барон удивился ее новым навыкам. Теперь она не станет спешить, тем слаще будет месть.

Графиня сладко потянулась, как кошка, и прогнулась в талии, откинув назад голову. А какое ни с чем несравнимое блаженство нестись по воздуху, словно порыв бешеного ветра. Лететь никем не замеченной и грозной, как богиня возмездия Немезида. И вершить свое правосудие. Безнаказанность и вседозволенность – это прекрасное сочетание!

Полина вернулась к чтению. Ее не так давно посетила одна очень простая мысль. Даже странно, почему раньше никто из ведьм до этого не додумался. Похоже, у них вообще нет никаких фантазий и амбиций. Они удовлетворяются малым, ограничиваются мелким воровством. Видимо, только она живет такой неумной жаждой мести и стремлением к власти. Ну что ж, Полина сумеет реализовать свою гениальную и безумную идею. Фон Берг ее недооценил. Очень сильно недооценил...

Глава 6

Генрих посоветовал Екатерине для следующего визита в клуб «Летучая мышь» надеть черное платье, чтобы не выделяться из толпы гостей этого странного и мрачного заведения. Она согласилась, и ей пришлось срочно обратиться в модное ателье мадемуазель Корде. Так как времени оставалось совсем мало, модистка предложила выбрать уже готовое платье и подогнать его по фигуре, что и было сделано, как всегда, в срок и с большим вкусом.

Когда девушка появилась на ступенях парадного подъезда в узком черном шелковом платье и длинных, за локоть, перчатках, барон фон Берг буквально лишился дара речи. Соболий палантин небрежно соскальзывал с ее обнаженных плеч. Генрих не мог оторвать от нее восхищенного взгляда. Екатерина невольно смутилась. Так же он смотрел на нее, когда они собирались на бал в Дворянском собрании.

– Вы невозможно красивы, – снова сказал Генрих.

Конечно, он тоже ничего не забыл. Екатерина грустно улыбнулась ему в ответ. Она больше никогда не наденет фамильные бриллианты фон Бергов...

– Вы не забыли револьвер? – поинтересовался барон.

– Он со мной, в сумочке. Заряжен серебряными пулями, которые вы мне дали. И перстень господина Мариша я надела, – она протянула руку, демонстрируя серебряное кольцо с изумрудом. – Ножи тоже со мной, ничего не забыла. Все как вы сказали. Вы всегда будете проверять, все ли я взяла?

– Лучше лишний раз убедиться, что все на месте.

– Вы слишком беспокоитесь за меня. Я уже стала охотником. Право, вам не стоит контролировать все мои действия. Я же не ребенок.

– Я не могу не беспокоиться за вас. Вы моя ученица, и я за вас в ответе.

Генрих распахнул перед девушкой дверцу автомобиля, подал руку, помог разместиться на сидении и сам расположился рядом. Он предупредительно накинул ей на плечи меховой палантин – день быстро клонился к закату, и становилось прохладно.

Когда они добрались до клуба, солнце зашло за горизонт и озарило небо прощальными багровыми всполохами заката. Темный замок окрасился болезненным светом умирающего дня. Через несколько минут все погрузилось во мрак, и клуб теперь выглядел по-настоящему зловеще. В слабоосвещенных узких окнах колебались таинственные тени. Нужный эффект был достигнут благодаря темноте, которая скрыла все недочеты архитектора.

Тот же печальный и важный привратник проводил их в зал, где по-прежнему царил полумрак. На этот раз высокие стрельчатые окна с цветными стеклами не закрывали плотные шторы. Черный шелк был прихотливо задрапирован и подхвачен серебряными шнурами по бокам от оконных проемов. Мертвенный свет полной луны заливал зал и бросал странные цветные блики на темный паркет из мореного дуба. Люстра из черного хрусталя не горела и походила на гигантского паука, поджидающего свою жертву. На столиках стояли канделябры с зажженными свечами. В просторном помещении было душно, пахло дорогим табаком и модными духами. Бриллианты посетителей ночного клуба таинственными звездами мерцали в полумраке.

Для особых гостей господина Мариша уже приготовили столик в углу – его выбрал фон Берг, так как считал, что оттуда удобнее всего наблюдать за залом, не привлекая ненужного внимания. Они снова заказали по бокалу красного вина – все в традициях клуба вампиров.

Сизый сигаретный дым все так же низко висел в большом и мрачном зале. Но на этот раз гостей было намного больше – просто яблоку негде упасть. Кто бы мог подумать, что у вампиров столько приверженцев и почитателей!

– Нам придется разделить, – начал барон. Было видно, что он не хочет оставлять

Екатерину одну в этом мрачном зале, но выбора не оставалось. – Сначала мы осмотрим все помещения, потом я пройду по парку, Егор по двору и ферме. Вы оставайтесь здесь и только наблюдайте. Если увидите ведьму – ничего не предпринимайте, просто дождитесь нас. Только при крайней необходимости последуйте за ней. Не рискуйте понапрасну, очень прошу вас.

– Не волнуйтесь за меня понапрасну. Я уже убила свою первую ведьму. Справлюсь и с этой, если потребуется, – Екатерина была уверена в своих силах. – Даже не сомневайтесь.

– Надеюсь, у вас хватит умения и опыта. Из-за моего ранения мы не успели еще раз проверить и закрепить ваш навык владеть собой при виде этих особей. Помните – ваш дар уникален. В этом зале только вы сможете распознать ведьму. Но и она может узнать вас. Скользите рассеянным взглядом по толпе, не встречайтесь ни с кем глазами. Не привлекайте ее внимания, если заметите. Следите за сердцебиением – у ведьм отличный слух.

– Я помню, помню, – нетерпеливо произнесла Екатерина.

Наставник слишком опекает ее, и от этого она перестает верить в себя. А это очень и очень плохо. Неуверенность до добра не доведет.

Девушка вымученно вздохнула:

– На балу в Дворянском собрании у меня все получилось. Все прекрасно получится и сегодня. Даже не сомневайтесь.

– Тогда я был рядом, – Генрих заботливо поправил палантин на ее плечах, прикрыв слишком глубокое декольте. – Будьте очень внимательны и осторожны – вы останетесь одна среди вампиров.

– Но вы с Егором уйдете ненадолго. Что тут может произойти?

– Я не доверяю вампирам, особенно когда они нанюхаются кокаина, – криво усмехнулся Генрих. – А вы безумно красивы. Кто знает, что может возникнуть в воспаленном мозгу кровопийцы при виде такой девушки?

Эти слова польстили Екатерине. Все-таки она ему нравится. И нравится сейчас именно как красивая женщина. Возможно, до Полины ей далеко. Но кто знает?

Вскоре в зале появился господин Мариш. Он подошел к их столику и учтиво поздоровался.

– Надеюсь, вы можете гарантировать безопасность госпоже Несвицкой? – довольно резко поинтересовался у него фон Берг.

– Безусловно. Весь персонал будет наблюдать за ней. Никто не посмеет обидеть вашу невесту, поверьте.

Генрих и Егор ушли, и девушка осталась одна. Она обвела взглядом зал и убедилась, что ведьмы здесь пока нет. Екатерина маленькими глоточками пила терпкое красное вино и наслаждалась музыкой. На эстраде эффектная девица, едва прикрытая кусочком черного шелка, низким голосом с сильным прононсом пела на французском языке что-то о страстной любви и смерти. Траурные страусовые перья в ее прическе вздрагивали и трепетали в такт музыки.

Оркестр в этом мрачном заведении был хотя и небольшой, но весьма приличный. А выбор репертуара, видимо, целиком зависел от пристрастий хозяина клуба. Музыкальный вкус господина Мариша на удивление хорош, несмотря на его бурное прошлое и странные пристрастия.

Девица с траурными страусовыми перьями закончила чувственную песню, раскланялась и удалилась, несколько вульгарно виляя бедрами. Оркестр заиграл вальс. Пары закружились по залу в неверном свете луны, льющимся в окна.

Томный вальс сменило страстное танго. Этот танец особенно нравился девушке. Танго

передавало ее состояние. Ей становилось грустно, но где-то в глубине души теплилась надежда. Одна пара особенно красиво исполняла сложный танец – это был целый спектакль о любви, страсти, ревности и боли. Екатерина невольно залюбовалась ими и забыла, где находится и что должна быть начеку.

Неожиданно перед ней возникли трое кавалеров. Один из них развязно схватил ее за руку:

– Разрешите вас пригласить?

– Простите, я не танцую, – от неожиданности девушка растерялась.

Она стремительно поднялась из-за стола и резко вырвала руку. Перстень с изумрудом едва не слетел с ее пальца. Екатерина машинально поправила его и обвела гневным взглядом подвыпившую компанию. Все трое откровенно разглядывали девушку, словно раздевая ее взглядами и криво ухмылялись.

– Брезгуете? Или ищете кавалера, который предложит больше? – молодой человек был настроен агрессивно и напористо шел в атаку. – Перестаньте ломаться как гимназистка! Пойдемте, потанцуем!

Екатерина беспомощно оглянулась. Никто не обращал на них внимания. Рядом, как назло, не было ни одного официанта. Остальных посетителей происходящее не интересовало. Молодые люди хотят поближе познакомиться с одинокой дамой. Что в этом такого? Не зря же она сидит за столиком без партнера!

Подвыпившие кавалеры продолжили бесцеремонно разглядывать девушку и уходить не собирались.

– Мы готовы в складчину обеспечить вам необходимую сумму, – мерзко засмеялся один из них. – Ну же! Не тяните время! Потанцуем для начала. А уж потом можно и в отдельный кабинет.

Кровь ударила ей в голову, и гнев горячей волной прокатился по ее лицу. Она отступила назад и достала из сумочки револьвер:

– Немедленно отойдите от меня! – потребовала девушка.

Это только раззадорило троицу:

– Какая знойная штучка! Наверняка в постели ведет себя как настоящая дикарка! Ну, не упрямься! Не играй с оружием, это очень опасно и может для тебя плохо кончиться.

Они медленно двинулись в ее сторону, как хищники к беззащитной добыче. Екатерина снова сделала шаг назад и прижалась спиной к стене. Она подняла револьвер двумя руками, как учил ее Генрих.

– Предупреждаю, лучше отойдите, – решительно произнесла она.

Девушка поняла, что может рассчитывать только не себя. Но она не испугалась, скорее наоборот, была готова ввязаться в драку.

Видимо, молодые люди находились под воздействием кокаина. Их глаза странно блестели, и ее поведение только распаляло их желание.

Екатерина навела револьвер на ногу ближайшего к ней мужчины и решительно и плавно спустила курок. Громкий выстрел заглушил дикий вопль раненого. Посетители клуба шарахнулись в стороны. Вздвигнули дамы. В воздухе запахло порохом.

На полу у ног девушки корчился молодой человек, держась обеими руками за рану и ругая Екатерину последними словами. Его товарищи в мгновение ока испарились. Как из-под земли появились официанты и начали наперебой интересоваться, все ли в порядке с дорогой гостьей. Расшвыривая посетителей, появился господин Мариш. Он был в бешенстве.

– Что здесь произошло?! – гневно обратился он к одному из официантов, схватив его за

грудки.

Тот сбивчиво начал объяснять, что молодые люди повели себя недопустимо грубо по отношению к девице, начали приставать к ней с непристойностями, и она была вынуждена защищаться.

– Уберите эту падаль, – он брезгливо ткнул кончиком лакового ботинка корчащегося на полу молодого человека. – Найдите остальных. Немедленно! Так-то вы выполняете мои распоряжения?! Где вы все были?! Мадемуазель Несвицкая, рад, что вы не пострадали. Прошу извинить мой персонал. Ужасно бестолковые и неимоверно тупые кретины!

– Извинить? – не поверила своим ушам Екатерина. – И все?

Но господину Маришу было не до нее. Он метал молнии и грозно смотрел на официантов и прислугу – они посмели допустить подобное безобразие в его заведении и ответят за это!

В зал неспешно вернулись Генрих и Егор и сразу поняли, что-то произошло. Екатерина все еще стояла у стены, сжимая в руке револьвер, в окружении толпы посетителей и персонала. Генрих стремительно подошел к ней, и она бросилась ему на шею. Только теперь ей стало по-настоящему страшно. Она вся дрожала, и фон Берг бережно обнял ее:

– Все хорошо. Я с вами, успокойтесь.

Он увидел кровь на полу и метнул злобный взгляд на хозяина клуба:

– Вы мне обещали! – Генрих был готов разорвать Мариша. – Ваше слово ничего не стоит? Что здесь произошло?

– Простите. Это ужасное недоразумение. Я разберусь с персоналом, непременно. Виновные будут наказаны. Обидчики вашей невесты, разумеется, тоже. Прошу вас, следуйте за мной.

Екатерина по-прежнему сжимала в руке револьвер, и Генрих осторожно забрал его у девушки. Екатерина взяла своего наставника под руку, и он положил свою ладонь на ее. Она почувствовала себя под защитой фон Берга, и ей стало намного спокойнее. Господин Мариш провел их в отдельный кабинет, приказал подать вина и закуски и отдал еще какие-то распоряжения.

Обстановка кабинета тоже не отличалась яркостью красок. Темные дубовые панели на стенах, черный сводчатый потолок, украшенный серебряными звездами, стрельчатые окна с витражами. Тяжелая резная мебель и огромный камин из черного полированного гранита, напоминающий надгробие. Средневековая жуть. Екатерине стало совсем неуютно, и она невольно плотнее закуталась в меха.

– Еще раз приношу свои искренние извинения вам, господин фон Берг. Я оплачу все неудобства.

– Нападение на мою невесту вы называете неудобством? – Генрих сверкнул глазами и снова взял девушку за руку.

– Чем я могу загладить вину моих слуг? Я выполняю все, что вы пожелаете.

– Об этом поговорим позже. В отличие от вас мы сдержали слово. Вашу ведьму убил господин Изварин.

– Я нашел ее у черного входа, рядом с кухней. Туша этой твари лежит там же – крупная, с длинной шерстью, я отрезал прядь, – он показал клочок бурой шерсти Генриху. – Пока была жива, у нее были русые волнистые волосы, чуть ниже меня ростом. Кого она вам напоминает?

– А возраст? – поинтересовался господин Мариш.

– В облике ведьмы они все молоды и красивы. Проверьте прислугу и свое окружение – кого-то сегодня вы не досчитаетесь.

- По росту и цвету волос похожа на мою стенографистку... Итак, госпожа Несвицкая, что желаете получить в виде компенсации?

- Ничего не желаю! - огрызнулась Екатерина. - Хочу поскорее забыть все, как страшный сон и больше никогда не возвращаться в ваш клуб.

- Я понимаю ваше недовольство, - примирительно продолжил господин Мариш. - Может, вы немного отдохнете и перекусите? Не буду вам мешать. Еще раз благодарю за неоценимую помощь и приношу свои извинения. Завтра я встречу с Магистром и оплачу ваши услуги.

Господин Мариш поклонился и вышел. Генрих брезгливо посмотрел на закуску:

- Кто-нибудь рискнет это есть?

Егор и Екатерина отрицательно замотали головами.

- Наверняка, сырое мясо, - пробормотала девушка. - Ужасное место.

- Тогда идем отсюда, - Генрих поднялся из-за стола. - На сегодня хватит с нас острых ощущений.

Барон вернул Екатерине револьвер. Девушка задумчиво провела пальцами по его рукояти из розового перламутра. Сегодня он ее очень выручил. Она убрала оружие в сумочку. Егор открыл тяжелую дверь и пропустил товарищей вперед, больше им здесь делать было нечего.

В темном холле они услышали торопливые шаги и оглянулись. Их догнал слуга и отозвал барона в сторону. Он вручил Генриху небольшой сверток:

- Господин Мариш еще раз приносит вам свои извинения и просит принять небольшой презент для вашей невесты, госпожи Несвицкой.

Даже свои извинения хозяин клуба передавал барону, а не его невесте. Такое отношение к женщинам снова неприятно царапнуло девушку.

В автомобиле барон вручил сверток Екатерине:

- Вам от господина Мариша.

- Я поняла, - кивнула она и саркастически улыбнулась. - Извинился перед вами. Хотя, что мне его извинения? Но его взглядов на женщин я понять не смогу никогда.

- Я тоже. Очень своеобразный господин... Надеюсь, мы с ним нескоро увидимся вновь. Так что, как видите, мое пренебрежительное отношение к вампирам вполне оправдано.

Екатерина развернула тонкую бумагу, которая тихо зашуршала в ее руках. Два литых серебряных браслета таинственно переливались россыпью изумрудов.

- Это меня к чему-то обяжет? - поинтересовалась девушка.

- Нет, просто господин Мариш чувствует себя неловко из-за случившегося. Скорее всего, даже не от того, что пьяные посетители напали на вас. Слуги Мариша не выполнили его распоряжение, и мы это видели. Какое ужасное публичное унижение, - презрительно хмыкнул фон Берг.

Генрих взял один из браслетов и повертел в руке, рассматривая его в тусклом свете уличного фонаря:

- Кажется, качество камней неплохое. Щедрое извинение. А вы сегодня действовали очень смело и решительно. И снова меня порадовали.

- Ваша школа, - девушка улыбнулась. - Все, как учили - не убивать, руки держать жестко, курок спускать плавно. Я испугалась, только когда вы вошли. Не знаю, почему. До этого я совсем не боялась.

- Вы молодец, как всегда. Ну, что, Егор, едем отсюда, - произнес Генрих. - Поужинаем в

поместье.

– Тогда уж скорее позавтракаем, – заметила Екатерина. – Есть ужасно хочется. Видимо, от волнения.

Она еще плотнее завернулась в меховой палантин и уткнулась в него лицом. Нежный мех уютно щекотал щеки. Хотя барон и предупреждал девушку о злых местах, такого она не ожидала. Что уж говорить о трактирах и притонах на окраине. А ведь туда их тоже могут направить. Значит, надо привыкать. Хорошо, что она умеет стрелять – все-таки смогла отпугнуть этих молодых нахалов. А если бы она была одна, без своих товарищей? Надо еще тренироваться и тренироваться. Не всегда кто-то окажется рядом, не всегда ее смогут защитить и поддержать.

И Генрих был прав – оружие действует отрезвляюще. Особенно когда оно стреляет.

Глава 7

Екатерина задумчиво играла на рояле в своей гостиной. Ее пальцы легко порхали по клавишам, а мысли были далеко-далеко, в прекрасном фантастическом мире. Шуберт – любимый композитор ее наставника. «Ночная серенада» трогала сердце и радовала душу – нежная, немного грустная мелодия. Под эту серенаду молодой повеса придумал нелепый план своего избавления от женитьбы на дочери банкира Эвелине Розенфельд. С этого все и началось. Екатерина невольно улыбнулась – нелепый план и такое необычное развитие событий. Кто бы мог тогда подумать, чем все закончится?

Генрих дал своей ученице хороший совет – музыка отлично снимала напряжение после тяжелой и опасной работы. Она с удовольствием снова сыграла бы в четыре руки с фон Бергом, но, видимо, этого больше никогда не будет. Им не стоит снова сближаться. Он, как всегда, прав. У них не может быть общего будущего. Они оба ходят по краю. Взаимная привязанность принесет и Екатерине, и Генриху только страдание. Но свое чувство девушка сохранит навсегда.

Затих последний аккорд, и Екатерина нежно погладила крышку белоснежного рояля. «Беккер». Генрих привез его из Берлина. Прекрасный инструмент с великолепным звучанием.

Неожиданно зазвонил телефонный аппарат, и Екатерина вернулась к действительности. Девушка сняла трубку и услышала знакомый с детства голос. Ей стало немного стыдно. Она давно не вспоминала о своем старом товарище Алексее Вишнякове. Конечно, она была на него очень зла, но все равно, забывать друзей нехорошо.

– Катя, мы так давно не виделись. Ты сказала, можно позвонить, когда будет свободное время. Не ожидал тебя застать, но в поместье сказали, что ты в городе. Вот и попробовал тебя найти. Можно будет зайти к тебе? – он, как всегда, был нерешителен и робок.

Девушка была рада встретиться со своим давним другом. Раньше они виделись чаще. Но безответная любовь Алексея всегда печальным призраком стояла между ними. А ведь их столько всего связывает. Имена родителей Екатерины и Алексея располагались по соседству. Они были знакомы почти всю свою жизнь, вместе росли и их отцы были лучшими друзьями.

– Конечно, Леша. Буду рада встрече. Приходи сегодня после работы, я весь день дома. Или в другой день, когда тебе удобно. Только сообщи заранее. У меня все так непредсказуемо. Да ты и сам об этом знаешь, я тебе говорила...

Алексей продолжил, и в голосе его звучала плохо скрываемая просьба:

– Сегодня, после обеда. В два часа. Я как раз освобожусь на службе. Ты не против?

Было очевидно, что Алексей очень хотел увидеть девушку. Скорее всего, он не просто соскучился, что-то произошло, или ему необходимо поговорить с Екатериной. А она будет просто рада встрече со старым другом.

– Буду ждать. А ведь ты еще не был у меня на квартире! Это в центре, сейчас объясню, как найти, – Екатерина назвала ему адрес и поняла, что он сразу найдет ее дом.

Он же покушался на барона и знает, где тот живет. А ее квартира почти напротив, через дорогу. Как все тесно переплетено – она, Алексей, Генрих...

Друзья детства давно не виделись, и последняя их встреча закончилась очень холодно. А как еще она могла закончиться? Тогда Алексей признался Екатерине, что едва не убил фон Берга. И толкнула его на это графиня Рокотова. Он, конечно, каялся и просил у Екатерины прощения, но разве подобное просто так забудешь и простишь? Да и прощения надо было просить не у нее, а у Генриха. Видимо, Алексей решил попытаться восстановить прежние дружеские отношения. Все-таки они знают друг друга с детства.

Интересно, как он воспримет ее роскошную квартиру? Возможно, будет опять ревновать к фон Бергу. Алексей такой упрямый. Но Екатерине не хотелось рвать отношения со старым другом. Он оставался последней ниточкой, которая связывала ее со счастливым детством, когда был жив отец, и родовое имение еще не продали за долги. Всего этого

давно уже нет.

Алексей пришел ровно в два часа дня. Он всегда отличался пунктуальностью. Екатерина открыла ему дверь и лучезарно улыбнулась, словно они и не ссорились:

– Проходи, я так рада тебя видеть.

Они обнялись, как раньше. Алексей принес любимые пирожные девушки и передал ей коробку с лакомством.

Екатерина взяла друга за руку и провела в гостиную. Просторную комнату заливал солнечный свет, и яркие блики лежали на янтарном паркете ровными полосами. Белый рояль стоял в углу, на его полированной крышке были разбросаны ноты. Хрустальные напольные вазы стояли по бокам от рояля и искрились тонкими гранями в лучах летнего солнца. Легкий ветерок шевелил светлые шелковые портьеры, проникая в комнату через приоткрытое окно. Изящная люстра из опалового стекла дополняла изысканный облик гостиной, и придавала ей модный шарм. Алексей обвел взглядом комнату:

– У тебя очень красивая квартира. И просторная. Хорошо, что в центре города – все рядом, до Университета близко. А я не знаю, когда сменю квартиру. Да мне, наверное, пока и не надо. Все равно один живу... Хотя, иногда хочется выбраться с окраины. Но денег лишних на это нет. Опять я ною, прости.

У Екатерины отлегло от сердца – не спрашивает о бароне, не бурчит, что все слишком роскошно и дорого, не интересуется, откуда у нее такие деньги. Возможно, догадался, что квартиру оплачивает Генрих. И то, что их помолвка фиктивная, Алексей знает – Екатерина ему не раз об этом говорила. Но хватило такта не комментировать очевидные вещи – уже хорошо.

Она указала Алексею на диван, накрыла низенький чайный столик и поставила тонкие фарфоровые чашки рядом с вазочкой клубничного варенья. Чай Екатерина всегда заваривала сама – ей не нравилось по таким мелочам дергать горничную. Маленький посеребренный чайник на спиртовке закипел быстро.

– Как у тебя дела, Леша? – искренне поинтересовалась она, разливая ароматный чай. – Мы так давно не виделись.

– Все, как всегда, потихоньку. Что нового у меня может быть? А ты продолжаешь готовиться к поступлению в Университет? Времени уже, наверное, осталось совсем мало?

– Нет, я не буду поступать. Я теперь работаю.

– На заводе фон Бергов? Как и раньше?

– Да. И мне эта работа нравится. Так что поступать в Университет не буду, это я уже решила окончательно.

– Но ты так мечтала об этом, столько готовилась. Как же так? – Алексей был несказанно удивлен. – Хотела стать провизором... И все так резко поменяла?

– Все в жизни меняется, Лешенька... – девушка задумчиво улыбнулась.

Если бы он только знал, чем она теперь занимается. Да еще в такой компании. Ночью она прострелила ногу вампиру в мрачном и странном клубе, где пьют овечью кровь и нюхают кокаин. А до этого собственноручно убила ведьму. Что бы ее друг детства сказал об этом?

– Значит, ты отказалась от своей мечты? – Алексей пытливо посмотрел ей в глаза.

– Можно сказать и так. Просто и мечты тоже со временем меняются. Для меня это вполне естественно. Помнишь, в детстве я мечтала быть короной? – она засмеялась. – Хорошо, что вовремя передумала.

Алексей тоже невольно улыбнулся. Какие забавные желания и мечты бывают в детстве! Наивные и странные. Бесхитростные.

– Да, ты права. Это я такой упрямый. И, как теперь понимаю, совершенно зря. Хотел попросить тебя... – он замялся. – Я к тебе зашел, чтобы ты передала господину фон Бергу – я очень сожалею. Все было отвратительно. Нет, хуже. Все было чудовищно. Я хотел к нему пойти сам, но глупо просить прощения у человека, которого пытался убить из-за угла. Он меня слушать не станет. Ведь я мог стать убийцей! Ты это представляешь? А если бы барон обратился в полицию, сидеть бы мне теперь в тюрьме.

Алексей на мгновение задумался, видимо, снова переживая страшные события. Тюрьма могла грозить ему очень надолго. Сломал бы жизнь и себе, и другим. Екатерина надеялась, что этот случай заставит ее друга, наконец, повзрослеть. Просто чудо, что все обошлось. Холодок невольно пробежал по ее спине, и она снова разозлилась. Наивный и ревнивый олух! Но девушка тут же отогнала от себя страшные мысли.

– Все, что ты мог натворить, было бы ужасно. И я бы тебя никогда не простила. Не смогла бы. Счастье, что ты вовремя остановился. Но Генрих Александрович будет тебя слушать, поверь мне. Если хочешь объясниться с ним, сделай это как можно быстрее. И сам, без посредников. Потом все будет выглядеть странно и неуместно, – девушка снова улыбнулась. Все-таки Алексей осознал свои ошибки. – Я думаю, он примет твои извинения. Хотя слово «извинения» явно не подходит к тому, что ты собирался сделать. Ты мог запятнать себя кровью невинного человека!

– Да, все правильно. Конечно, ты права. Я чувствую себя никчемным и глупым мальчишкой. Как я мог поверить Полине? Полине Аркадьевне, – поправился он торопливо. – Какой же я дурак!

– Ты знаешь, что графиню Рокотову ищет полиция? Она оказалась убийцей и погубила многих людей... Просто так, ни за что. Это страшно. Очень страшно.

– Да, я слышал про графиню. Она обезумела. Как иначе можно объяснить ее преступления? И я мог стать ее подручным, или как это называется? Соучастником?

– Неважно, как это называется. Главное, что не стал.

– Хотел тебе еще кое-что сказать... – он был нерешителен и, видимо, подбирал нужные слова. Но перехватив тревожный взгляд девушки, замахал руками. – Нет, нет, не пугайся! Это не так страшно, правда. Просто я хочу, чтобы ты меня правильно поняла. И не обиделась.

Алексей встал и прошелся по комнате. Собрал разбросанные по крышке рояля ноты.

– Ты умеешь испугать, – засмеялась Екатерина. – Так что еще у тебя случилось? Обещаю, я не обижусь. Говори, ну же!

Она старалась приободрить своего старого друга. Вечно у него что-то не так.

– Ничего не случилось. Ты знаешь, я всегда очень хотел, чтобы мы поженились.

Девушка тяжело и обреченно вздохнула, даже не пытаясь скрыть своего разочарования. Неужели опять? Уже сотни раз она ему говорила – они только друзья. Ничего другого между ними не будет.

Алексей широко улыбнулся:

– Ты ошиблась, я не собираюсь снова делать тебе предложение.

Он вернулся к столу и налил себе чая.

– Знаешь, а ты была права. Мы только друзья. Я это неожиданно понял. Было бы ужасно, если б мы поженились. Ну не ужасно, а как тебе объяснить? Это было бы неправильно. Все равно, что жениться на собственной сестре. Возможно, мы были бы даже по-своему счастливы. Но все это не настоящее... Я плохо объясняю, но ты ведь поняла?

Екатерина счастливо улыбалась:

– Я поняла, и тоже не могу объяснить, что в этом не так. Думаю, любовь бывает разная. Я очень тебя люблю, ты мне бесконечно дорог. И ты это знаешь. Хорошо, что мы

разобрались во всем.

– Знаешь, у меня на душе сразу полегчало, – признался Алексей. Он немного помолчал и продолжил: – Хотя я и виноват, но твоему фон Бергу все равно не доверяю, не сердись. Все-таки он ловелас и светский повеса. И живет он в двух шагах от твоей квартиры.

Алексей подошел к окну и посмотрел в сторону доходного дома, где располагалась квартира борона. Он задумчиво отхлебнул чай и поставил чашку на подоконник. Девушка тоже подошла к окну и положила руку на плечо Алексея:

– Опять ты говоришь глупости. Не думай об этом. Это тебя совсем не касается. Он меня не обидит. Никогда. Лучше объяснись с бароном и попроси прощения.

– Хорошо, тебе виднее. Но ты можешь на меня всегда рассчитывать. Что бы ни случилось, я тебе помогу.

– Знаю, Лешенька, знаю. Спасибо.

Она обняла Алексея и крепко поцеловала в щеку.

– Как хорошо, что мы друзья с детства, и это на всю жизнь. У меня больше таких нет. Ты теперь сможешь встретить свою настоящую любовь, а не тратить время, вздыхая рядом со мной.

– И ты тоже, Катя, встретишь своего единственного и на всю жизнь. Обязательно встретишь!

Девушка невольно грустно улыбнулась:

– Конечно.

Они сидели на диване, пили чай и ели пирожные. Екатерина неловко измазала пальцы кремом, и, как в детстве, облизнула их. Она могла вести себя естественно рядом с Алексеем. Екатерина снова чувствовала себя маленькой девочкой и была от этого счастлива. Алексей выловил из варенья все ягоды и съел их, лукаво глядя на девушку:

– Сегодня все земляники съел я. Ничего тебе не оставил.

Екатерина засмеялась:

– Ты помнишь? Да? Как мы из-за ягод в варенье ссорились! Сколько же мне тогда было? Лет пять, не больше.

– Конечно, помню. А мне девять. И каким же вредным мальчишкой я был! Обижал тебя.

Девушка посмотрела на своего друга и призналась:

– Как мне теперь хорошо! Я словно вернулась в прошлое. Спасибо тебе.

– Мне-то за что? – он тоже был счастлив.

В дверь позвонили. Екатерина почувствовала, что это Генрих, хотя он собирался провести весь день на заводе и заходить к ней сегодня не планировал. Она не могла объяснить себе, как это поняла. Просто знала. Девушка пошла открывать. Она всегда делала это сама, так как ее раздражали светские условности. Екатерина считала, что для открывания двери совершенно необязательно привлекать горничную. А возможно, ей просто было приятно встречать Генриха на пороге. Ведь кроме него к ней почти никто не приходил.

– Не помешал? – поинтересовался барон. – Я без предупреждения. Шел мимо. Хочу вечером пригласить вас на завод. Мне туда надо по работе – проверить вечернюю смену – срочный заказ, не успеваем. Сегодня утром заметил в цеху старинные книги по алхимии, но домой не взял – ими постоянно пользуются. В них есть разделы по изумрудам. Вам желательно с ними ознакомиться – интересный материал.

– Хорошо. Вечером поеду с вами. Но что же мы стоим на пороге, – спохватилась девушка, – Проходите.

– Благодарю, но, вижу, у вас гости, – он кивнул на мужскую шляпу, висевшую на вешалке. – Не хочу мешать. Да и времени сейчас, по правде сказать, у меня нет. Заеду вечером.

– Нет, нет, вы очень кстати. Выпьем с нами чаю. У меня в гостях Алексей. Он хочет поговорить с вами.

Екатерина заметила, что барон от этой идеи в восторг не пришел.

– Пожалуйста, – она умоляюще посмотрела на него. – Мне это очень важно. Пожалуйста. Не хотите проходить, тогда позову сюда Алексея. Можно?

– Для вас все что угодно, – вздохнул Генрих. – Зовите вашего дорогого друга. Обещаю, я не буду его калечить, хотя очень хочется.

Екатерина побежала в гостиную и обрадовала Алексея:

– Генрих Александрович готов тебя выслушать!

– Что, прямо сейчас? – растерялся Алексей.

Было заметно, что он не готов к такому важному и неприятному разговору.

– Конечно. Ну, идем же! Быстрее! Не заставляй его ждать, это будет невежливо, – она схватила Алексея за руку и потащила в холл.

Алексей и Генрих впервые после неудавшегося покушения оказались лицом к лицу. Фон Берг смотрел на своего несостоявшегося убийцу ледяным взглядом. Алексей отвел глаза. Повисло тягостное молчание.

– Ну, – Екатерина нетерпеливо ткнула друга в спину. – Говори.

– Прошу простить меня, Генрих Александрович, – выдавил из себя Алексей. – Я вел себя недопустимо.

Генрих молчал.

– Я вел себя глупо, чудовищно и недопустимо, – продолжил Алексей. – Поверьте, я бесконечно жалею о своем необдуманном поступке. Я не смог бы выстрелить в вас. Правда. Это оказалось для меня невозможным.

– Убить человека непросто. Надеюсь, вы это поняли. Я не держу на вас зла. Благодарите Екатерину Павловну. И покончим с этим, – он протянул Алексею руку.

Тот крепко пожал ее. Фон Берг обратился к девушке:

– Мне пора идти, много работы. Заеду вечером, около восьми. Всего хорошего.

Он вышел, и Екатерина радостно повернулась к Алексею:

– Ты правильно поступил, и ждать не потребовалось.

– Да, хорошо, что я извинился, – вздохнул Алексей. – Как камень с души свалился. Но чувствую себя последним дураком.

– Так ты и вел себя, как последний дурак. Я не права?

– Права, Катя! Ох, как права.

Глава 8

В огромном заводском цеху стоял грохот и шум работающих станков. У длинной ленты конвейера суетились рабочие. Фон Берг провел девушку в небольшое застекленное помещение, располагавшееся в углу цеха и напоминающее аквариум. Генрих плотно закрыл дверь. Здесь было немного тише, чем снаружи. Электрическая лампа в медном плафоне низко висела над столом, освещая его теплым желтоватым светом.

– Располагайтесь, как вам удобно. Вот книги, о которых я говорил. Ими постоянно пользуются наши специалисты, и я не хотел бы забирать их отсюда сейчас. Можете конспектировать интересные для вас моменты.

Он пододвинул к ней чернильный прибор и бумагу.

– Мне надо пройти по заводу. Отец не простит меня, если я сорву сроки выполнения заказа, – Генрих был не на шутку озабочен. – Мы ничего не успеваем. Сидите здесь, изучайте. Приду через час или полтора, вечерняя смена скоро заканчивается, проверю все и вернусь.

Екатерина погрузилась в изучение старинных книг. Она узнала много интересного об особенностях изумруда и его магических свойствах. Похоже, подарок господина Мариша был для нее очень ценен. Девушка не ленилась переписывать тексты. Время летело незаметно. Барон вернулся часа через два – похоже, работы было больше, чем он ожидал.

– Не устали? – поинтересовался он у девушки.

– Нет, здесь много материала, ценного для меня. Вот, смотрите, – она показала ему уже переписанный лист. – Все для защиты от оборотней. Жаль, это эффективно только для женщин. Еще интересно, что изумруд и правда улучшает предчувствие опасности и ночное зрение. Надо только правильно им пользоваться и уметь уловить его вибрации. Пожалуй, я все переписала, что было нужно. А вы, все успели?

– На сегодня все. Много суеты, но оно того стоит. Заказ мы выполним в срок, даже если придется работать в ночную смену. К счастью, пока в этом нет необходимости.

Вдруг в цеху наступила оглушительная тишина.

– Ну вот, конвейер выключили. Как-то даже непривычно без шума, – заметил фон Берг. – Вечерняя смена закончена, и мы можем возвращаться домой. Отвезти вас на квартиру, или в поместье?

– В поместье ближе. И я хотела еще посмотреть рукописи в вашем кабинете о ведьмах. Мы так и не поняли до сих пор, почему ваша... – она осеклась, не зная, как назвать Рокотову – графиней, любовницей или просто Полиной.

Барон улыбнулся:

– Почему Полина стала такой, – продолжил он ее незаконченную фразу. – Да, с этим надо разобраться как можно быстрее, вы правы. Время уходит, как вода сквозь пальцы. Полина скоро оправится и опять начнет убивать. Ее необходимо остановить.

Девушка аккуратно сложила листы в папку, которую предупредительно протянул ей Генрих, и они вышли в опустевший цех. Он тускло освещался несколькими прожекторами, подвешенными под самым сводом. Большие окна с мелкими переплетами пропускали яркий свет уличных фонарей, и он мягко ложился ровными прямоугольниками на чугунные плиты пола. По огромному пустому помещению гулким эхом раздавались шаги.

Сейчас цех походил на зал какого-то фантастического дворца – просторный, с высоким покатым потолком, который опирался на ажурные металлические фермы. Сложная конструкция стеклянного светового фонаря посередине еще больше увеличивала высоту помещения. Станки вдоль стен и конвейер напоминали спящих механических чудовищ. В воздухе пахло теплым металлом и машинным маслом. Уже наступила ночь.

Екатерина ощутила странное дуновение, или что-то еще, что она не могла описать, но явственно чувствовала. То же было, когда она убила свою первую ведьму – не то инстинкт, не то предчувствие.

Генрих положил руку на плечо Екатерины и достал нож, видимо, он тоже почувствовал что-то тревожное. Барон поднял голову и посмотрел вверх. Екатерина проследила за его взглядом.

Высоко на ферме перекрытия сидела нагая Полина. Ее прекрасное тело светилось в темноте матовой белизной, а роскошные волосы рассыпались по плечам золотым дождем. Она склонила голову набок и засмеялась радостным серебристым смехом:

– Какая очаровательная парочка двух влюбленных! Мой милый барон, ты уже поправился после нашей последней встречи? Прости, любимый, я тогда поторопилась.

Генрих, не отрываясь, смотрел на свою бывшую любовницу. Она была прекрасна, как никогда раньше. Екатерина чувствовала его напряжение, барон крепче сжал нож – у него побелели костяшки пальцев. Но сейчас Полина была недосягаема. Она вольготно расположилась под самым потолком и покачала ногой, свесив ее вниз.

– Что же ты молчишь, дорогой? Или не рад нашей встрече? – она снова залилась звонким веселым смехом и закинула ногу на ногу. – Как многое изменилось за последнее время, ты не находишь?

– Что тебе нужно? – крикнул ей фон Берг.

– Пока ничего. Вижу, ты взволнован. Как и раньше, когда приходил ко мне. Помнишь? Твоя невеста так же хороша в постели, как я? Вряд ли... – Полина слетела в фермы и опустилась на ленту конвейера.

Она с силой дернула рычаг, и конвейер пришел в движение. Полина легко вспорхнула на его ленту и изящно зашагала по ней, едва касаясь пальцами ног. Уродливый длинный шрам пересекал ее бедро.

– Не удивлен моему умению разбираться в заводской технике? – иронично поинтересовалась она. – Я не так глупа, как многие считают. И теперь интересуюсь не только светскими развлечениями.

– Что ты хочешь? – снова спросил ее Генрих. – Ты же не просто так сюда явилась.

– Не поверишь – ужасно соскучилась. Правда, правда. А ты по мне, вижу, не скучаешь. Нашел замену, и такую бесцветную. Это даже оскорбительно, – ее голос зазвучал с ненавистью. – Ведь я из-за вас двоих стала ведьмой. Искала любви и не нашла. О, это просто крылатая фраза – женщина без любви становится ведьмой!

Она запрокинула голову и зло расхохоталась.

– Ты говоришь чушь. Ты никогда и никого не любила, кроме себя, – Генрих шагнул ей навстречу, и Полина взметнулась к потолку.

Она снова уселась на ферму и провела ногтем по металлу, высекая искры.

– Да, я никого не люблю кроме себя. И что из этого? Это не умаляет твоей вины, мой любимый и страстный Генрих. Но я все равно хочу извиниться перед тобой. Не собиралась тебя убивать, просто так получилось. Сначала должна была умереть эта маленькая дрянь. А уж потом ты. Но я поддалась инстинкту и чуть не прикончила тебя раньше времени. Прости, – она прикусила указательный палец белоснежными зубками и виновато посмотрела на Генриха бездонными синими глазами, как маленькая озорная девочка.

Полина стремительно подлетела к световому фонарю и резко ударила по стеклу кулаком. Осколки дождем посыпались вниз. Генрих быстро оттащил Екатерину за руку к стене.

– Испугался за себя и за свою девку? Но не волнуйся, я пока не буду убивать ее. И тебя тоже. У меня есть куда более интересная идея. Ты не поверишь, я научилась ждать, так

что месть моя будет изощренной и долгой. А еще я умею слушать и делать правильные выводы. Моя ненависть многому меня научила.

Полина снова спустилась на конвейер и продолжила легко шагать по нему, слегка покачивая бедрами.

– А ведь ты разговариваешь во сне. Не знал? Я долго не могла понять, о чем ты говоришь. Думала, просто бредишь после бурной ночи со мной. Но когда пообщалась с ведьмой, все для меня встало на свои места, охотник.

Рокотова деланно вздохнула и продолжила:

– Пришлось пообщаться с твоими шлюхами. Было противно, но что делать? Странно, но Элен ничего не сказала. Пыталась тебя защитить. Даже проститутке присуще определенное благородство. Это ужасно смешно выглядит. А Эстер поверила, что я ее не убью, если она расскажет, что слышала. Наивная дуручка. Она ничего не поняла из твоих слов. Зато я поняла, и очень много.

Екатерина почувствовала, как задрожали пальцы ее наставника. Девушка тоже достала нож – кто знает, как поведет себя ведьма? Полина недобро усмехнулась:

– О, да ты тоже охотница. Кто бы мог подумать? Какая неожиданность! И что ты собираешься делать со своим оружием? Или надеешься, что я позволю тебе подойти ближе? Я умею летать, а ты нет. Хочешь сразиться со мной по-честному, один на один? Без Генриха? Давай, попробуй! Готова попытаться остановить меня?

– Да, готова! – крикнула Екатерина и шагнула ей навстречу. – Я тебя не боюсь.

– Нет, – Генрих остановил ее. – Я вам запрещаю.

– Как трогательно ты заботишься об этой никчемной дуручке, – Полина зло посмотрела на них и снова взметнулась под потолок, но едва не промахнулась и тяжело уселась на ферму.

Теперь изящества в ее движениях заметно поубавилось. Она снова провела ногтями по металлической ферме и искры посыпались вниз, как падающие звезды.

– Я не буду нападать на вас сейчас. Нет. Я продолжу убивать невинных жителей этого жалкого городишки. Нет, не я, а мы. Нас будет много. Очень много. И каждый раз люди будут знать, что виной тому ты, мой милый Генрих, и твоя семья. Я покрою твою семью бесчестием и позором. Вас будет ненавидеть весь город. И твоего отца, и твоего брата. Ну, и в первую очередь тебя, конечно. А потом я вырву сердце у этой маленькой мерзавки. И заставлю тебя смотреть, как она медленно и мучительно умирает. И только потом уничтожу тебя. Ты унизил и оскорбил меня, и я заставлю тебя страдать. Поверь, я получу ни с чем не сравнимое удовольствие. И это будет прекрасно!

Полина зло и громко засмеялась и вылетела в круглое окно под потолком, разбив его вдребезги. Осколки долго со звоном осыпались острым дождем на чугунные плиты пола.

– Что ей было надо? – взволнованно спросила Екатерина.

– Не знаю... Видимо, хотела меня позлить. Вы заметили, ее полет неровный. Похоже, пока еще не оправилась до конца. Хоть это радует, – Генрих о чем-то напряженно думал и говорил отстраненно.

– Зачем Полина вообще разговаривала с нами, как думаете?

Он вернулся к действительности:

– Вероятно, пустое тщеславие. Я говорил уже, что этот порок погубил многих женщин. А Полина особенно этим страдает. Ну, и возможно, хочет произвести впечатление и вызвать у нас беспокойство. Ее злоба поистине безмерна. Возможно, я знаю, что она задумала, – Генрих был озабочен.

Было заметно, что эта встреча с Полиной произвела на него тягостное впечатление.

- Что же? – девушка пытливо смотрела на своего наставника.

- Она может попытаться объединить некоторых ведьм вокруг себя. Большинству это будет не надо – они одиночки. Но кого-то она может привлечь под свое начало. Это очень плохо и если у нее получится, она может начать терроризировать город уже совсем в другом масштабе. Она одна натворила много бед, погибли невинные люди. Представьте, что начнется, если их будет несколько. А возможно, и несколько десятков...

Фон Берг остановился у конвейера и выключил его. Его рука так и осталась на рычаге – он о чем-то напряженно думал и словно окаменел. Екатерина тихонько дотронулась до его плеча, и он очнулся:

- Пойдемте отсюда.

- Она угрожает вашей семье и это отвратительно, – Екатерину разозлил шантаж обезумевшей ведьмы. – Что вы намерены предпринять? Возможно, стоит посоветоваться с Магистром. Братство наверняка не оставит вас и ваших родных в беде.

- Не беспокойтесь, я сумею защитить отца и брата, – уверенно произнес Генрих. – Я не допущу, чтобы кто-то посмел причинить вред моим близким.

Они вышли из цеха и направились через двор к автомобилю, стоящему около проходной завода. Генрих держал девушку под руку. Она чувствовала волнение и беспокойство своего наставника. Чувствовала через его прикосновение. Между ними уже давно возникла незримая связь.

Электрические фонари отбрасывали резкие и зловещие тени на брусчатку заводского двора. Девушка продолжала думать о Полине и ее словах. Сколько же в ней злобы и ненависти. Она ни перед чем не остановится. Сколько бед она еще может натворить? Даже подумать страшно.

- А знаете, – задумчиво произнес Генрих, – я любил ее. Даже сейчас люблю, несмотря на ее страшные преступления. Вопреки логике. И ненавижу за ее злодеяния. Не могу это себе объяснить, но это так. Я это явственно понял сегодня. Глупая, тщеславная и несчастная Полина. Она пала жертвой своей злобы. Но я не могу забыть ее. Странно, я всегда считал это страстью, с которой легко расстанусь. Как же я ошибался... А теперь я ее должен убить и сделаю это. Свой долг я выполняю.

Екатерина невольно вздрогнула, как от удара, и они остановились посреди пустого двора. Девушка отпустила руку Генриха и отступила назад. Ей стало холодно, и она машинально плотнее запахнула летнее пальто. Сердце упало в бездну.

- Вы хотите спросить, что же было тогда между нами? – он не смотрел на нее.

Девушка молчала, для нее откровение Генриха было полной неожиданностью. Так вот что тяготило его последнее время. Похоже, он и сам не мог понять, что с ним происходит.

- Нет, – выдохнула она. – Я не буду ни о чем спрашивать.

- Вы мне бесконечно дороги, но... – он не договорил.

- Не надо ничего мне объяснять. Это не важно, – Екатерина говорила тихо, почти шепотом. – Ничего не говорите, прошу вас.

- Я не хочу, чтобы между нами была недоговоренность. Простите, если сможете.

- Нечего прощать... Здесь вы не властны. И я тоже.

По дороге в поместье они молчали. На душе у Екатерины было пусто и холодно. Она знала, что если потребуется, Генрих не задумываясь, умрет за нее. Он будет всегда ее оберегать. Но он никогда ее не полюбит. Это странное, странное чувство, неподвластное разуму и логике. Сердцу не прикажешь. Можно любить совершенно недостойного человека – ведь любят вопреки здравому смыслу. Девушка поняла и почувствовала, что испытывал к ней Алексей, и как тяжело ему было.

Барон выполнит свой долг и убьет Полину. Но он сегодня признался, что любит ее несмотря ни на что. Похоже, можно ненавидеть и любить одновременно. Трудно в это поверить, но зачем ему лгать. Это горькая правда, с которой Екатерине предстоит смириться. А то, что искрой пробежало между ними, просто наваждение. Но это было прекрасно, и она ни о чем не жалеет.

Безответная любовь самое сильное чувство, и она готова жить с этим. Ей ничего другого не остается. Любят один раз и на всю жизнь. И на взаимность она рассчитывать не будет. Это просто невозможно, и Екатерина только что поняла это с безжалостной ясностью.

Глава 9

Солнце клонилось к закату, но было еще жарко. Летнее марево висело в воздухе. Яркое небо напоминало выцветший шелк. Деревья стояли неподвижно, словно застыв в предчувствии беды.

Барон фон Берг вышел от Магистра и пошел куда глаза глядят в прямом смысле этого выражения. Он просто шел по улице, и мысли беспорядочно роились в его голове. Если бы его спросили, куда он направляется, он не смог бы ответить. Да и не все ли равно? Идти вперед, чтобы просто отвлечься и попытаться начать думать здраво.

Теперь опасность угрожает его отцу и младшему брату. Злоба и ненависть Полины безгранична. Если она сумеет реализовать свою безумную идею, его отец не переживет позора. Их семью будет ненавидеть весь город.

Магистр одобрил его план. Других вариантов решения возникшей проблемы они не нашли. Генрих чувствовал себя предателем. То, что он должен сделать, по-другому назвать нельзя. Но другого выхода нет.

Все у него всегда получается как-то неправильно. Магистр прав – имея редкий дар, обладая смелостью и решимостью, он безответственный и легкомысленный ловелас, от которого одни неприятности. Все, кого он любит, страдают от его характера и умения попадать в непредсказуемые ситуации.

Когда Генрих, наконец, очнулся от навязчивых и тяжелых мыслей, спустились сумерки. Он огляделся по сторонам. Фон Берг понял, что ушел довольно далеко от центра города и находится около городского рынка – в старой части Златогорска, где располагались купеческие лавчонки и недорогие трактиры.

Барон понял, что устал и хочет есть. Он огляделся – дешевые забегаловки не прельщали его. Теперь он начал искать какой-нибудь приличный ресторан, чтобы перекусить и выпить коньяка – хотелось забыться и хоть немного отдохнуть.

Наконец, взгляд фон Берга остановился на вполне приличном заведении под романтическим названием «Роза Флоренции». Генрих никогда раньше не слышал о таком ресторане, но он вообще редко бывал в этом районе. Пока для него оставалось загадкой, что роза из прекрасной Флоренции забыла в купеческой части города. Однако, возможно, это неплохой ресторан. Само здание выглядело презентабельно. Его фасад изысканного бежевого цвета украшали рельефы на растительную тематику и в них, естественно, преобладали розы.

Фон Берг зашел внутрь и его встретил метрдотель, одетый с претензией на элегантность. Зал был почти полон. Публику, судя по всему, составляли в основном купцы.

Просторное помещение было украшено в стиле «дорого-богато» – гипсовая лепнина, пухлые купидоны с рогами изобилия, золото, плюшевые малиновые портьеры с тяжелыми кистями. И везде розы, розы, розы – в рогах изобилия, в венках на головах купидонов, в виде гирлянд на потолке. На стенах, окрашенных в нежный розовый цвет, висели зеркала и картины с видами Флоренции. Об изысканном вкусе отделки говорить не приходилось.

Столик у окна был накрыт светлой, тоже розовой скатертью. Видимо, этот цвет являлся фирменным знаком данного заведения. На скатерти барон с неудовольствием заметил несколько пятен. Но идти куда-то еще ему не хотелось, он устал и был разбит.

Официант появился быстро и услужливо склонился перед бароном:

- Чего изволите-с?
- Какой есть коньяк? – поинтересовался Генрих.
- Коньяка нет-с, – радостно сообщил официант.
- А что же есть? – барон удивленно выгнул бровь.

Ресторан, в котором нет коньяка?

– Водка-с.

– Хорошо, пусть будет водка. Только «Смирновская». Она, надеюсь, здесь имеется?

– Да-с, – голос официанта звучал уверенно, но Генрих ему не поверил.

Врет, шельма. Барон бегло просмотрел меню:

– Форель с жареным картофелем. Пока все.

Водку принесли быстро. Она была с сизым оттенком и отдавала сивухой, как самогон. Фон Берг брезгливо поморщился и отставил рюмку в сторону – пить самогон он не собирался.

Неожиданно как гром серди ясного неба, грянул хор цыган. Вопль: «Чавелы!!!» вызвал бурю восторгов у посетителей. Зазвенели гитары и бубны, зарыдала скрипка. Заголосили цыганки. Барону подали рыбу. Он решил ненадолго остаться и хотя бы поест, несмотря на невообразимый шум, производимый хором и посетителями.

Ярко раскрашенная девица в вызывающем туалете, с мушкой на щеке и чернобуркой, перекинутой через руку, подошла к его столику:

– Господин не угостит даму папироской?

– Не курю, – отрезал барон.

Девица недовольно повела плечом и гордо удалилась.

«Ну и занесло же меня», – раздраженно подумал Генрих.

Он откусил кусок рыбы, и страшная горечь разлилась во рту.

– Идиоты, – не удержался барон, отплевываясь.

Подбежал официант:

– Что-то не так?

– Что за рыба?! – грозно спросил фон Берг.

– Форель-с, – неуверенно ответил официант, видя гнев посетителя.

– Откуда вы ее берете? Только не ври мне, – барон был страшно зол.

– Привозят поставщики с Трех Озер.

– Принеси мне чай, – потребовал Генрих.

Он был не просто раздражен, он был в бешенстве. Эти идиоты выдают за форель реликтового мраморного угря, которого в Братстве ценят на вес золота. Печень этой рыбы незаменима при изготовлении целебных мазей, а сам угорь используется для определения способностей охотников – только обладающий даром мог почувствовать его ужасный вкус. Ловить мраморного угря запрещено по всей стране. Магистр будет в гневе, и уже завтра это милое заведение закроют навсегда.

Ромалы продолжали свои страстные песни и пляски. К ним начали присоединяться посетители заведения. В воздухе повис удушливый туман из смеси табака и модной кельнской воды, так популярной среди молодых купцов.

Чай по запаху напоминал банный веник. Сегодня фон Бергу однозначно не везло. Он уже собрался уходить, когда в дальнем углу зазвенела разбитая посуда, и загрохотали падающие стулья.

– Вы ведете себя как хамы, – услышал Генрих до боли знакомый голос. – Что вы себе позволяете?!

Он обреченно повернул голову на шум и увидел, как начинается пьяная драка. Несколько молодых купцов с азартом кого-то били. Барон в мгновение ока оказался в центре драки и легко расшвырял подвыпившую компанию. На полу лежал изрядно помятый Алексей. Генрих сгреб его в охапку и поволок к выходу, по дороге бросив официанту на поднос ассигнацию – за поломанную мебель.

На улице он прислонил Алексея к стене и поправил на нем помятый пиджак без пуговиц, которые были оторваны с мясом. Под глазом у молодого человека уже начинал наливаться синяк.

– Зачем вы меня оттуда вытащили? – недовольно пробурчал Алексей.

– Желаете вернуться назад? – саркастически поинтересовался Генрих. – Проводить или сами дорогу найдете?

– Продолжаете играть в благородство? – не унимался молодой человек.

– Просто не хочу, чтобы вам сломали нос и выбили пару передних зубов. Вы все-таки друг детства Екатерины Павловны. Это ее однозначно не порадует.

– Простите, вы правы. Я веду себя как последний дурак. Благодарю вас...

– Не за что.

– А что вы тут делаете? – подозрительно поинтересовался Алексей.

– Настроение ужасное, хотел развеяться. Не получилось, как видите.

– У меня тоже все плохо, – признался молодой человек.

– Все плохо не бывает. Просто не надо ходить по дешевым кабакам. Пойдемте в «Асторию».

– Это мне не по карману, – несколько смущенно произнес Алексей.

– Пойдемте, я угощаю. Не хочу оставаться один. И вам, похоже, компания тоже не помешает.

– У вас рукав порван, – заметил молодой человек.

– Мелочи, посидим в кабинете, никто внимания не обратит. Вы тоже слегка помяты, – улыбнулся барон, показывая на синяк под глазом Алексея.

Тот добродушно улыбнулся в ответ:

– Забавная ситуация. Вы на меня не в обиде?

– Нет. Нам теперь делить нечего.

Им удалось найти извозчика, и они быстро добрались до центра города. В «Астории» не удивились потрепанному виду барона и его спутника. Видимо, это было не в первой. Метрдотель сразу же проводил их в кабинет и предупредительно опустил шторы на большом окне, ведущем в зимний сад. Там сейчас много посетителей, а так господину барону никто не будет мешать.

Генрих с облегчением вздохнул, привычно расположившись в удобном кресле за столом, накрытым белоснежной скатертью. Теперь можно нормально поесть и выпить хорошего коньяка. Алексей чувствовал себя неловко и напряженно сидел на краю большого кресла.

– Перестаньте стесняться как девица, – попросил его барон. – Коньяк будете?

– Буду, – кивнул тот.

Стол быстро заполнился изысканными кушаньями – барон был страшно голоден. После того, как они немного подкрепились и уже отведали прекрасного французского коньяка, Алексей почувствовал себя свободнее и вольготно развалился в кресле. Оба все еще

молчали, просто ели и пили.

Наконец, Алексей рискнул задать Генриху давно мучивший его вопрос:

– Вы тут из-за Екатерины?

Тот промолчал, но это было знаком согласия.

– А у вас что случилось? – поинтересовался Генрих в свою очередь.

– Запутался с женщинами.

Фон Берг не удержался от улыбки:

– Мне бы ваши заботы!

– Вы не поняли. Вернее, я неправильно объясняю. Екатерину я не люблю. И не любил, как выяснилось. Точнее я ее, конечно, люблю. Но как сестру, – Алексей махнул рукой. – Вы не поймете, а я объяснить не умею...

– Да все я понял. Только в чем проблема? Не можете забыть Полину?

– Нет. Хотя, может быть. Не знаю... Она такая... Роскошная. А теперь ее ищет полиция за убийства. И я вас едва не убил по ее просьбе... Или приказу? Или... Все равно, как это назвать. Все для меня очень запутано. Катю на месте Полины я не представляю. Полина ведет себя как шлюха, извините, конечно...

– Да нет, вы правы. Совершенно правы. Полина у вас была первой, как я понял?

Алексей кивнул и покраснел. Было заметно, что он смущен.

– Хранил себя для Кати, думал, поженимся. Ужасно глупо звучит, – он виновато улыбнулся. – Чувствую себя мальчишкой. Хранил непонятно ради чего. Мы друг друга не любим, и это теперь очевидно даже мне. Хорошо, что все вовремя прояснилось. И что теперь делать?

– Вечный вопрос «Что делать?» Жить, искать свою любовь. Дорожить Екатериной Павловной – вам обоим очень повезло, редко можно встретить настоящую дружбу.

– А у вас-то что случилось? Вы вроде помолвлены, или это правда только формальность, как сказала Катя?

– Да, только формальность. Об остальном позвольте мне не говорить.

– Простите, я веду себя бестактно.

– Ничего, все нормально, – барон посмотрел на бокал с коньяком и немного помолчал. – Выпьем на брудершафт? Хватит уже этих дурацких церемоний.

– Согласен, – радостно отозвался Алексей. – А то, что я вас пытался убить?

– Не убили же... Полина умеет затуманить голову.

– Я не смог бы в вас выстрелить, да вы и сами это знаете. Еще та глупая дуэль. И, опять я вел себе как идиот. По правде сказать, я вам всегда завидовал. Из-за Кати.

– И совершенно зря, – задумчиво произнес Генрих. – Я ей тоже не пара... Надеюсь, она все-таки будет счастлива, несмотря ни на что. Ей еще через многое предстоит пройти.

Генрих задумался и продолжил:

– Закажу лафит, нельзя же на брудершафт пить коньяк. Или лучше мальвазию? После коньяка шампанское не рекомендую.

– Мне все равно, я в винах плохо разбираюсь, – признался Алексей. – Но лафит мне очень понравился.

– Понял, – кивнул Генрих. – Значит, будем лафит...

Глава 10

Они долго сидели в «Астории», выпили немало коньяка, затем добавили лафита. Хотя оба знали, что делать этого не стоит. Но как быть, если коньяк невозможно пить на брудершафт? Потом вернулись к коньяку. Спешить им было некуда. Глубоко за полночь Генриха посетила гениальная идея, и он повел Алексея в заведение мадам Лулу.

– Скоро ты забудешь о Полине, поверь мне, – доверительно сообщил он своему новому другу.

Респектабельное заведение пресловутой мадам находилось недалеко от «Астории» на улице с небольшим сквером. Рядом с ним располагались ресторан «Европа», кофейня, небольшой театр-варьете, синематограф «Арс» и пара недешевых гостиниц определенной репутации.

Они быстро добрались до места. Двухэтажное здание, украшенное майоликовыми вставками со сдержанным орнаментом из красных маков, ничем не выделялось среди соседних домов. Но многим состоятельным мужчинам оно было отлично известно. Хотя двери этого очень дорогого заведения открывались далеко не для всех. Туда допускались только избранные.

Генрих уверенно потянул ручку звонка. Через несколько минут дверь бесшумно открылась. Высокий и крепкий привратник зверской наружности пропустил их внутрь. Он низко поклонился барону и его спутнику и отступил в темноту холла. Станный и помятый вид ночных посетителей его не удивил. На своем веку работы у мадам он видел и не такое. В этом заведении встречали не по одежке, а по толстому кошельку и отличным рекомендациям.

В просторной гостиной посетителей не было. Мадам Лулу сидела на большом диване, обитом красным бархатом и заваленном подушками всех форм и размеров. Мадам было за пятьдесят, и она имела внешность, подобающую императрице – статная, с прекрасной осанкой и неспешными движениями, полными достоинства. Ее туалет был элегантным и сдержанным – темно-синее шелковое платье с длинным рукавом и высоким воротником-стойкой – ни грамма вульгарности. Длинная нитка крупного жемчуга подчеркивала статус почтенной дамы.

Внешность мадам совершенно не соответствовала назначению ее заведения. Она совсем не походила на хозяйку публичного дома, скорее, на пожилую светскую даму, обремененную заботой о семье.

Мадам Лулу легко поднялась с дивана навстречу гостям и лучезарно улыбнулась фон Бергу:

– Мой дорогой барон! Безмерно рада вас видеть. Давненько, давненько вы не были у нас! Кто этот милый молодой человек?

Барон галантно поцеловал руку мадам.

– Людмила Леонтьевна, позвольте представить вам, мой друг Алексей. Прошу любить и жаловать. У него возникли некоторые трудности, и я вызвался ему помочь.

Мадам милостиво протянула руку Алексею, и тот тоже поцеловал ее, будто это была рука императрицы. Молодой человек с удивлением и почтением смотрел на пожилую даму. Будучи хозяйкой публичного дома, она отличалась необыкновенной изысканностью в манерах и внешнем виде.

– Какой очаровательный у вас друг, господин фон Берг, – мадам Лулу не скрывала своего удовольствия от знакомства с Алексеем. – Мне приятно принимать такого обходительного молодого человека в своем заведении. Давно никто не целовал мне руку с подобным почтением. Вы очень, очень милы!

Она взяла Алексея под руку и подвела его к креслу у столика с напитками:

– Прошу вас, чувствуйте себя как дома. Угощайтесь. Может быть, желаете перекусить?

– Нет, благодарю, мы с Генрихом только что из ресторана.

Алексей вольготно расположился в удобном кресле и налил себе немного коньяка. Видимо, он вошел во вкус. Барон с одобрением посмотрел на нового товарища.

– Алексей пообщался с графиней Рокотовой и она оставила в его душе неизгладимые впечатления, – продолжил Генрих, криво ухмыльнувшись.

Мадам Лулу понимающе склонила голову в ответ и риторически произнесла:

– Кто знает, где теперь графиня?

– Нет, дело не только в этом. Это было его первое общение такого рода. Вы же понимаете, о чем я?

Мадам мило и царственно улыбнулась:

– Да, я все поняла. Найдем графине достойную замену. Рашель, я думаю, подойдет идеально. А что желаете вы? Кого из девушек пригласить?

– Благодарю вас, никого. Все изменилось, – барон задумался на несколько мгновений и продолжил. – Я не буду больше посещать ваше милое заведение. Если только захочу увидеть вас, дорогая Людмила Леонтьевна.

Мадам понимающе кивнула. Она приказала служанке, тихонько сидевшей в углу, позвать Рашель. Через минуту в гостиную вихрем влетела фигуристая блондинка в прозрачном бордовом пеньюаре и изящно упала на колени Генриха, впившись ему в губы страстным поцелуем.

– Рашель, Рашель, подожди, – остановила ее мадам Лулу, – Господин барон сегодня не расположен к общению.

– Простите, господин фон Берг, – проворковала Рашель, легко вспорхнув с его колен и переведя выразительный взгляд больших серых глаз на Алексея. Она продолжала улыбаться и слегка склонила голову на бок, прикусив пухлую нижнюю губу жемчужными зубками. – Я такая недогадливая...

Рашель было не более двадцати лет. Небольшого роста, с очень светлыми, почти белыми волосами, собранными в высокую прическу на манер римских матрон. Грудь, пожалуй, слишком велика для ее роста. Приятная округлость бедер и некоторая полнота рук не портили ее, а скорее придавали аппетитности.

– Рашель, познакомься с другом Генриха Александровича. Алексей... Простите, как вас по отчеству? – обратилась мадам к молодому человеку.

– Просто Алексей, – он чувствовал себя очень уютно в этом сомнительном заведении – мадам Лулу умела расположить к себе клиентов.

– Алексей пообщался с графиней Рокотовой и теперь находится под неизгладимым впечатлением от ее умения развлечь мужчину. Учítывая, что графиню разыскивает полиция, надо помочь ему избавиться от этой нездоровой привязанности.

Рашель подошла вплотную к Алексею и уперлась в него упругой грудью. Девушка чувственно улыбнулась и нежно провела ладонью по его щеке:

– Мы легко это исправим, поверьте. Вы забудете ее и никогда больше не вспомните. Она далеко не так хороша, как вам показалось...

Рашель взяла молодого человека за руку и повела наверх по широкой резной лестнице, устланной мягким красным ковром. Алексей шел с ней, как замороженный, не отрывая взгляда от прекрасного тела юной куртизанки.

Фон Берг проводил их долгим взглядом.

– Я делаю подарок Алексею – оплачу услуги Рашель.

– Как всегда щедры и благородны, – мадам не скрывала своего давнего восхищения

бароном. – Генрих Александрович, может, желаете что-нибудь выпить? Вино, коньяк, шампанское?

Барон улыбнулся в ответ:

– Думаю, на сегодня мне этого уже хватит. Но от хорошего чая не откажусь.

Они уселись за небольшой столик в углу гостиной. Барон, как всегда, положил в чай много сахара и наслаждался сладким и ароматным напитком.

– Как ваша семья? – поинтересовался он у мадам.

– Все отлично. Внуки растут. По-хорошему, пора продать это заведение. Хотя у дочерей прекрасные и крепкие семьи, однако моя помощь им не помещает. Но, знаете, когда всю жизнь занимаешься любимым делом, трудно расстаться с ним.

Генрих понимающе кивнул.

– Кто бы мог подумать, что графиня Рокотова станет убийцей-маньяком, – продолжала дама, – Сошла с ума, не иначе. Вот ведь гадина! Две мои девушки погибли от ее рук – Элен и Эстер.

– Знаю. Мне очень жаль их. Хорошие были девушки.

Мадам тяжело вздохнула, но отогнала печальные мысли:

– Слышала, вы помолвлены и у вас очаровательная невеста. Примите мои поздравления.

– Благодарю, – как-то невесело отозвался барон, – Очень хорошая девушка.

– Все, как у вашего батюшки, – мадам предалась воспоминаниям, – Он тоже был постоянным посетителем нашего заведения. Я тогда была моложе, чем Рашель. Совсем девочка... А он такой видный, статный, щедрый. И ужасно веселый. Как он тут чудил! Вам лучше не знать... – мадам коротко засмеялась и озорно блеснула глазами.

Генрих старался не думать о том, как мог развлекаться в этом заведении его почтенный отец с мадам Лулу. Мало ли что на ум может прийти?

– А потом встретил вашу матушку и влюбился без памяти, – продолжала мадам Лулу и невольно вздохнула, – Да, давно это было. Целая жизнь прошла. А теперь и вы влюблены без памяти. Это заметно. Рада за вас, очень рада. И не думайте о великом, просто живите и наслаждайтесь счастливыми мгновеньями! В жизни все так непредсказуемо и постоянно меняется.

Мадам всегда была философом. В ее профессии без этого не обойтись. Барон неопределенно улыбнулся и протянул Людмиле Леонтьевне чек:

– Распорядитесь им, как посчитаете нужным. Это мой прощальный подарок.

Мадам вскинула тонкие брови:

– Как вы щедры, однако... Благодарю, искренне благодарю. Девушки тоже будут рады – я поделю ваш подарок между ними всеми, так будет правильно. Надеюсь, вы будете счастливы в браке. Вы это заслужили.

– Спасибо, – мысли Генриха были где-то далеко.

Не будет он счастлив. А вот Екатерине может сломать жизнь, уже в который раз. Фон Берг снова почувствовал себя законченным негодяем.

Барон решил направиться в ближайший ресторан. На сердце было все так же тяжело. Он понял, что ему необходимо выпить еще.

– Передайте, пожалуйста, Алексею, я жду его в соседнем здании, в ресторане, – попросил Генрих мадам. – Не помню его названия, но мимо он не пройдет.

– Его название «Европа», – иронично произнесла дама. – Но, может, вы лучше подождете

его здесь? Могу предоставить свой кабинет, там вас никто не побеспокоит. Да и все равно сегодня клиентов нет.

– Нет, не стоит, благодарю.

– Генрих Александрович, – продолжала беспокоиться мадам Лулу, – вы слишком озабочены для счастливого жениха. Это нехорошо. Что вас тяготит? Вы же знаете, мне можно довериться. Я как врач или адвокат. Поделитесь со мной.

– Знаю, – Генрих был ей благодарен. – Я очень люблю эту девушку. Но не уверен, что достоин ее. Вы многое обо мне знаете, я далеко не ангел. И мое прошлое не отпускает меня. А она такая наивная и чистая.

– Вы слишком плохо о себе думаете, это неправильно. Прекратите.

– Хорошо, я принимаю ваш совет. Я буду думать о себе лучше, обещаю, – Генрих поднялся и направился к выходу. – А теперь до свидания, я все-таки пойду. Мне хочется побыть одному и подумать.

– Подумать за рюмкой коньяка? – с упреком поинтересовалась мадам. – Так думать можно и здесь. Как же вы похожи на отца! Такой же упрямый. Ладно, идите. Я передам вашему другу, где он сможет найти вас. Ресторан «Европа». Сами-то не заблудитесь!

Алексей появился в ресторане уже под утро. Он счастливо и довольно улыбался:

– Рашель – прелесть. Спасибо тебе.

– Не за что. Я же говорил, на Полине свет клином не сошелся.

Они сидели вдвоем в большом и пустом зале. Говорили обо всем и ни о чем и не спеша продолжали пить коньяк. Щедрый чаевые барона не позволяли службе попросить засидевшихся посетителей уйти. Официант и метрдотель обреченно маялись у входа. Начало светать.

– Поедем в поместье, – безапелляционно заявил барон. Так он еще ни разу в жизни не напивался. Зато на душе полегчало, и он принял решение. – Дома тебе все равно делать нечего, завтра суббота, у тебя выходной. Вернее, суббота уже наступила. Я тоже сегодня на завод поеду только к вечеру. Посидим еще. На квартиру не зову – в соседнем доме живет Катрин. Она нас не поймет, если заметит в таком виде. Все, пора, едем!

Генрих потащил Алексея из ресторана. Они добрались до автомобиля. Алексей упал на заднее сидение, а фон Берг уверенно сел за руль. К счастью, улицы города еще были пустынными, и никто не погиб под колесами автомобиля. Чудом они доехали до имения, не свалившись в овраг и не протаранив какое-нибудь дерево или забор. Генрих лихо въехал на задний двор и уверенно врезался в тюки с сеном у конюшни.

Глава 11

Екатерина всегда просыпалась рано. В Институте благородных девиц воспитанниц приучали к этому с начальных классов. Позже, когда она стала гувернанткой младшего брата Генриха, это входило в обязанности. Теперь ее бывший воспитанник гостил у дяди, она стала фиктивной невестой фон Берга и необходимости подниматься ни свет, ни заря не было. Но привычка, выработанная годами, брала свое.

Вчера вечером она припозднилась в поместье, изучая старинные рукописи и пытаясь понять, как Полине удалось стать такой опасной ведьмой. Генрих, как обычно, в последнее время, ночевал в городе. Девушка тоже хотела вернуться на свою квартиру, но пожалела Егора – незачем гонять его в город на ночь глядя. Она останется дома, а ему потом ехать обратно по темноте.

На правах невесты барона Екатерина вполне могла заночевать в его поместье, тем более что сам фон Берг там отсутствовал. Девушка подумала, что теперь можно разорвать фиктивную помолвку – она больше не хочет заботиться о своей репутации. Это для нее уже совсем не важно. Пусть они больше не вместе, но нельзя полюбить и разлюбить просто по желанию. Она не хочет замуж ради того, что так принято в обществе. Генрих останется для нее единственным, кроме него ей никто не нужен. И она будет любить его всю жизнь.

Девушка спустилась в столовую и подумала, что можно сварить себе кофе, а не ждать, когда подадут завтрак. В столовой было свежо – высокая стеклянная дверь на веранду распахнута настежь. Видимо, прислуга недоглядела, а летние ночи в этом году на удивление холодные.

Екатерина направилась к дверям, чтобы закрыть их. Неожиданно она увидела, что на диване кто-то спит. Она подошла ближе и с удивлением узнала в скрючившемся человеке Алексея. Он свернулся калачиком и был накрыт серым помятым сюртуком, кажется, принадлежавшим Генриху.

Девушка начала трясти его за плечо:

– Леша, Леша, просыпайся! Леша!

Тот не реагировал, только еще сильнее закутывался в сюртук. Она разозлилась и теперь уже била его ладонью по плечу:

– Просыпайся немедленно! Как ты сюда попал? Ну, же, проснись!

– Катя! – радостно улыбнулся ей Алексей, наконец, открыв глаза, но не отрывая голову от диванной подушки. – Что ты тут делаешь?

– Да что же это такое? – возмутилась девушка. – Я тут живу, а вот ты что тут делаешь? Отвечай немедленно!

– Я тут сплю, – сообщил молодой человек, нежно обнял подушку и снова погрузился в сладкий сон.

– Ты пьян! – догадалась, наконец, она. – Просыпайся и приведи себя в порядок! Что подумают люди?

Она снова начала трясти своего друга. Все ее попытки были тщетны, и Екатерина еще больше разозлилась. На столе стоял графин. Девушка схватила его и плеснула воды в лицо Алексея. После этого молодой человек, наконец, открыл глаза и сел на диване, вытирая лицо рукавом.

– Какая ты злая, Катя... И за что только Генрих тебя так любит? Ума не приложу...

Он посмотрел ей в глаза и снова улыбнулся пьяной и счастливой улыбкой.

– У тебя синяк на пол лица! – с ужасом воскликнула Екатерина. – Ты с фон Бергом подрался?

– Нет, что ты, что ты! – замотал головой Алексей. – Генрих меня вытащил из драки. Там

мне синяк и поставили. И все пуговицы оторвали, – он с сожалением посмотрел себе на грудь. – Вот ведь хамы... Такую вещь испортили! Хороший был пиджак...

Молодой человек упал на диван, и девушка снова сердито плеснула ему в лицо водой:

– Немедленно поднимайся и объясни, что происходит?

– Ты не поймешь, ты женщина... – философски заметил он, продолжая крепко обнимать подушку. – И очень злая. За что ты так со мной? Я спать хочу, уйди...

– Оставьте его в покое, пусть спит, – в дверях, ведущих на веранду, стоял Генрих. Его белоснежная рубашка была распахнута на груди, рукав разорван. – Простите мой внешний вид, Екатерина Павловна, не могу найти свой сюртук.

– Им накрыт Алексей, – сердито заметила девушка, кивнув в сторону дивана.

– Ах, да, конечно... Он замерз, а я не нашел плед... Да, так и было, вспомнил... – он наморщил лоб, очевидно, пытаясь сосредоточиться.

Екатерина сдернула с Алексея сюртук и швырнула его Генриху.

– Вот плед, – она сняла его со спинки дивана и накрыла спящего друга. – Нечего было искать. Может быть, вы пожелаете мне объяснить, что происходит?

Генрих небрежно набросил мятый сюртук на плечи и тяжело опустился в кресло.

– Вы теперь выглядите ненамного лучше, чем пару минут назад, – саркастически заметила девушка.

– Согласен... – он кивнул и отвел взгляд. – Кстати, Екатерина Павловна, что вы тут делаете? Вы же редко появлялись в поместье в последнее время.

– Я изучала книги в вашем кабинете. Делом занималась. И вы обещали присоединиться. Не помните?

– Не помню, – искренне признался барон, вздохнув и устремив взгляд в парк.

Алексей завожился на диване и открыл глаза. Разговор разбудил его.

– Генрих! – радостно воскликнул Алексей и сел. – Ты как, живой?

– Как видишь, – буркнул барон, – Лучше бы я вчера умер. У тебя синяк стал еще больше, надо приложить лед. Или уже поздно? – Генрих посмотрел на девушку, как на эксперта в вопросах медицины.

– Уже поздно. Я не пойму, вы что, теперь на «ты»?

– Да! – Алексей был доволен и счастлив. – Мы пили на брудершафт. Потом еще пили, потом... Потом пошли к мадам Лулу... Да, Генрих? Рашель – чудо! Не хуже твоей Рокотовой. Ты с Рашель когда-нибудь плясал канкан?

– Нет! – прорычал Генрих.

– Очень зря, у нас отлично получилось!

– Если ты не замолчишь, я сверну тебе шею, – пообещал барон.

– Не верю! Ты не злой, а вот она злая, – Алексей ткнул пальцем в сторону Екатерины. – Не злись, Катя, пожалуйста. Он к мадам Лулу отвел только меня. Правда, клянусь. Сам не остался, ждал в ресторане, рядом. Он тебя очень любит, просто не говорит – гордый.

Фон Берг грозно сверкнул на него глазами, но встать не смог:

– Закрой рот, убью!

– Вы что, меня обсуждали спьяну? – возмутилась Екатерина.

– Нет, Катенька, нет. Как ты могла так о нас подумать? – искренне возмутился ее друг

детства. – Катя, тебе надо купить очки. Нет, лучше пенсне – тогда будешь похожа на свою директрису Миргородскую, – он залился пьяным смехом, – Ты же слепая – ведь все очевидно! Об этом и говорить не надо! Купи себе пенсне!

Алексей снова повалился на диван и крепко прижал к груди подушку.

Генрих сделал над собой усилие и добрался до Алексея, сгреб его и потащил прочь из столовой:

– Екатерина Павловна, к завтраку я приведу его в порядок.

– И себя тоже не забудьте. Два шута гороховых, стоите друг друга, – сердито бросила им вслед девушка.

Екатерина аккуратно сложила плед и вышла на веранду – два кресла были перевернуты, одно стояло около мраморной балюстрады – видимо, Генрих ночевал тут. Она впервые видела барона в таком состоянии. Да и Алексея тоже. Где они нашли друг друга? Что там за драка была?

Екатерина задумалась. Опять одни вопросы, как всегда с Генрихом – ничего невозможно понять. Что нес Алексей спьяну, или все-таки что у трезвого на уме, у пьяного на языке? Нет, конечно, нет. Что может Алексей знать о фон Берге вообще и его мыслях в частности? Даже она не знает.

Екатерина задумчиво завернулась в плед и уселась в кресло. Когда они вернулись? Должно быть, под утро. Генрих, наверное, сильно замерз, сидя на веранде. Еще простудится, ведь он до конца не оправился от ранения.

Надо было отдать распоряжение о завтраке – пусть подадут раньше. Наверняка эта парочка вчера ничего толком не ела, судя по их состоянию. Екатерина озабоченно вздохнула и не спеша отправилась на кухню, поговорить с кухаркой. Потом девушка поднялась к себе в комнату, набрала порошков и склянок, взяла книгу с рецептами и снова отправилась на кухню – готовить настойку от похмелья.

Когда через полчаса Екатерина появилась в столовой, Алексей и Генрих уже сидели за большим столом. Фон Берг был одет безупречно, на Алексея красовался костюм барона – рукава были явно длинны. Они сидели рядом и напоминали нашкодивших гимназистов. Оба были понуры и не смотрели на нее.

– Ну, теперь с добрым утром, – сердито произнесла девушка.

– С добрым утром, – пробурчал Генрих.

– Уже виделись, – огрызнулся Алексей. – Все-таки ты злая, Катя, – и тут же получил от фон Берга удар в бок. – Ладно, ладно, с добрым утром.

Екатерина со звоном поставила перед ними стаканы с мутным раствором.

– Пейте! – приказала она.

– Что это? – брезгливо поинтересовался Генрих.

– Должно помочь от похмелья.

– Что значит «должно»? – опасливо спросил барон.

– На вас буду опыты ставить! Пейте!

Оба послушно выпили.

– Гадость какая, – поморщился Алексей.

– Поговори у меня еще, вражина! – Екатерина плюхнула на его глаз бинт, смоченный какой-то жидкостью. – Прижми рукой – немного снимет отек.

Девушка не могла скрыть своего возмущения:

- Оба взрослые, серьезные люди. И так напились! Ешьте, потом поговорим. У меня много вопросов к вам обоим.

Завтрак прошел в полной тишине. Олимпийские боги бесстрастно взирали с потолка на расположившуюся под ними молчаливую компанию. Хрустальные подвески огромной люстры тихонько сочувственно звенели от дуновений легкого ветерка, проникавшего через приоткрытую дверь.

Первым тягостную тишину нарушил фон Берг:

- Екатерина Павловна, мы с Алексеем повели себя как два мальчишки. Приносим вам свои искренние извинения. Постарайтесь понять и не судить строго. В жизни бывает всякое...

- Да, Катя, я полностью согласен с Генрихом. Не сердить на нас, пожалуйста.

- Да мне-то что сердиться? Это вы вели себя как два шута. Что мне тут понимать? Это ваше дело - вы давно взрослые, вам все можно. Вот только объясните мне, глупой, как можно стать лучшими друзьями двум мужчинам, у которых нет ничего общего? Сначала ты, Алексей, пытался убить Генриха Александровича по дурному желанию его любовницы. Потом...

- Бывшей любовницы, - поправил ее Алексей, - Когда мы с Полиной сблизились, Генрих ее уже бросил.

- Молчи, - прошипел барон.

- Что значит, сблизились? - насторожилась Екатерина. - В каком смысле? И не смей мне врать! - уже грозно прикрикнула она, ударив ладонью по столу.

- Ну, я стал на некоторое время любовником графини Рокотовой... Что тут такого особенного? Да, я ошибся, с кем не бывает?

- Так у вас еще и любовница общая?! - взорвалась она.

- Нет, конечно. Что значит общая? Я же сказал, Генрих тогда ее уже бросил. Из-за тебя, кстати, бросил. Генрих, не смотри на меня так. Пусть знает правду, - Алексей снова словил затрепину. - Хорошо, хорошо, молчу!

- Я не понимаю, как можно сидеть и пить водку, или что вы там пили всю ночь, когда еще пару дней назад были врагами. Как это у мужчин все просто получается! Напились и пожалуйста, друзья навеки!

- А разве это плохо? - спросил Генрих, не глядя на девушку.

- Это - не плохо. Плохо, что вы оба набрались, как два сапожника. А если бы Полина за вами следила? Имелись бы еще два труп - ваш и Алексея.

- Нет, она пока еще очень слаба. И Алексею об этом знать необязательно, как вы, я надеюсь, помните.

- Я-то все помню! А как вы до такого докатились?

- Настроение было отвратительное... - Генрих упорно глядел в сторону.

- И у меня тоже. Тебе не понять, Катя... - поддержал товарища Алексей.

- Где уж мне понять ваши тонкие переживания! Ладно, - обреченно вздохнула девушка. - Тебе пора домой, Леша. А вам надо поспать, Генрих Александрович. Попрошу Егора отвезти Алексея и вернусь. Когда выспитесь, продолжим изучать книги - я кое-что интересное нашла, возможно, пригодится.

Екатерина и Алексей пошли на задний двор и нашли там Егора. Тот печально смотрел на автомобиль, который глубоко зарылся капотом в сено. Из-под переднего колеса торчал черенок от граблей. Сами грабли глубоко вонзились металлическими зубьями в шину.

- Теперь опять колесо менять, - вздохнул Егор. - Доброе утро!

- Доброе, - мрачно отозвалась Екатерина.

- Что-то случилось? С Генрихом Александровичем все в порядке? - встревоженно спросил Егор, заметив огромный синяк под глазом Алексея.

- Ничего не случилось - просто пьяная драка. И господин фон Берг тоже в порядке, даже без синяка под глазом. Они теперь с Алексеем друзья. Просто не разлей вода, - ядовито пояснила девушка. - А ведь еще недавно дрались на дуэли. И Алексей, если помнишь, пытался пристрелить господина фон Берга из-за угла. Но все меняется к лучшему. Отвези, пожалуйста, моего друга и друга Генриха Александровича домой. И проследи, чтобы он не вывалился из экипажа по дороге.

Егор понял, что Екатерина не в духе, и больше не стал задавать вопросов. Он еще раз печально взглянул на автомобиль, вздохнул и отправился закладывать коляску.

- Катя, не сердись, пожалуйста. Все вышло глупо, прости, - Алексей напоминал побитого щенка.

Девушке стало его жалко:

- Ладно, и правда, всякое бывает. Но выглядели вы оба ужасно. Что-то еще хочешь мне сказать, Леша?

Тот отрицательно мотнул головой. Екатерина задумалась. Может, стоит спросить про Генриха? Алексей чувствует себя виноватым, начнет выгораживать фон Берга и его можно легко разговорить. Нет, это будет нечестно и гадко - словно шпионить. Если Генрих захочет, сам ей все расскажет.

- До свидания, - она чмокнула Алексея в щеку. - Все-таки я тебя очень люблю. Больше так не делай, пожалуйста.

Алексей виновато улыбнулся ей в ответ:

- Обещаю, это больше не повторится... Знаешь, Катя, Генрих очень хороший человек. А я всегда был дураком.

Глава 12

Супруга губернатора Ольга Васильевна уже давно планировала проведение благотворительного аукциона для сбора денег на нужды городской больницы – в ней необходимо было сделать ремонт и закупить новое современное оборудование.

Ольга Васильевна, дама средних лет, статная, величественная и весьма энергичная, принимала активное участие в общественной жизни Златогорска. Она всегда умела привлечь к благотворительной деятельности состоятельных жителей. То, что она является женой губернатора, очень помогало в этом и играло не последнюю роль.

На этот раз Ольга Васильевна планировала совместить аукцион с благотворительной ярмаркой.

Екатерина уже успела забыть, что пообещала супруге губернатора принять участие в организации этого мероприятия. Теперь ей передали приглашение от Ольги Васильевны прийти в здание Дворянского собрания в субботу утром и помочь с подготовкой аукциона и ярмарки. Также она прислала приглашение и для «жениха» Екатерины, барона фон Берга, на аукцион, который состоится в воскресенье. Генрих обещал помочь деньгами, и Ольга Васильевна очень рассчитывала на его щедрое вложение для блага родного города.

Безусловно, все это было очень не вовремя и совсем некстати. Но отказать супруге губернатора невежливо и невозможно. В субботу к девяти утра Екатерина направилась в Дворянское собрание. Там в гордом одиночестве находилась только Ольга Васильевна. Остальные ее помощницы, видимо, еще спали.

– Да вы ранняя пташка, госпожа Несвицкая! – добродушно приветствовала она девушку. – Я поручу вам следить за буфетом. Поскольку остальные еще нежатся в постелях, некоторое время вся прислуга будет в вашем полном распоряжении. Вот перечень того, что должно быть в буфете и в каком количестве.

Екатерина пробежала глазами длинный список – печенье, конфеты, пирожные, персики, виноград, шампанское, и прочее, и прочее в том же духе. Вся провизия была сложена на кухне на первом этаже. Там же размещалась столовая, которая теперь должна играть роль буфета.

На втором этаже намечалось проводить сам аукцион и ярмарку. В большом зале еще с вечера стояли лотки, стилизованные под избы и терема. Рабочие спешно что-то доколачивали и крепили. Ольга Васильевна недовольно поглядывала на них, но молчала. Видимо, понимала, что от ее окриков дело быстрее не пойдет.

В обширной столовой Дворянского собрания мебель уже расположили по местам – столики стояли только вдоль окон – большая часть зала была свободна. Подразумевалось, что люди сюда пришли не есть, а только слегка перекусить и утолить жажду. За длинной дубовой стойкой стояли пустые стеклянные шкафы. Их предстояло наполнить снедью согласно списку. Белые фарфоровые тарелки высокими стопками громоздились на стойке, рядом с ними ровные ряды хрустальных фужеров искрились тонкими гранями под лучами утреннего солнца.

Екатерина вошла на кухню и начала давать распоряжения прислуге. Она просто находила глазами, что требовалось, и тыкала в это пальцем. Девушка недоумевала, ведь в другие дни никто им не указывал, что и куда нести, они прекрасно сами с этим справлялись. Наконец, она не выдержала, и спросила главного распорядителя по кухне, как они работают в обычное время. Тот улыбнулся ее наивности:

– Ольга Васильевна желает, чтобы молодые девицы чувствовали себя полезными обществу.

Екатерина вручила ему список:

– Справитесь без меня.

Он кивнул, и дело пошло быстрее.

Екатерина снова поднялась на второй этаж. Народу там уже заметно прибавилось. Девицы и молодые дамы грациозно и беспорядочно двигались по помещениям, давали указания, покрикивая на прислугу. Было шумно, как на рынке.

Девушка подошла к Ольге Васильевне за очередным заданием. Та поручила ей организовать перенос конфет и прочих сладостей к месту проведения ярмарки. К ней прикрепили двух крепких молодцов. Они под ее чутким руководством брали по одной коробке в руки, и из помещения, служившего складом, несли их в другое, где укладывали на прилавки ларьков, стилизованных под крестьянские избы. Напрягаться им, видимо тоже не хотелось.

Скоро девушке это надоело. Она уселась в зале импровизированного склада на табурет и просто смотрела, как слуги таскают коробки – вовсе не обязательно ходить вместе с ними. Два дюжих молодца быстро справились со всем без ее окриков. Екатерина поняла, что привлечение стольких людей к организации аукциона – ужасно глупая затея. Все при деле – толку мало.

Но зато дамы и девицы ощущали свою значимость в жизни города. Наверняка вечером будут рассказывать, как они утомлены и страшно устали. Неимоверно трудно давать распоряжения бестолковой прислуге!

Екатерина подняла последнюю коробку с пряниками и понесла ее в зал. Несколько дам с недоумением уставились на нее. Зато Ольга Васильевна пришла в неописуемый восторг:

– Мадемуазель Несвицкая, а вы не боитесь физического труда. Как это похвально! С вас следует брать пример. Какая самоотверженность!

После этого несколько дам с энтузиазмом последовали ее примеру. Теперь они тоже переносили украшения для зала, бумажные фонарики и даже пустые коробки. Девушка обреченно вздохнула – делают все, чтобы угодить супруге губернатора. Только бы не надорвались от тяжелой работы!

Она тихонько вышла из зала и пошла по анфиладе комнат в глубь здания. Просторные помещения были залиты ярким солнечным светом, лившимся в высокие окна. Хрустальные люстры сверкали всеми цветами радуги. Мраморный пол, как зеркало отражал солнечный свет и слепил глаза.

Неожиданно девушка остановилась, как вкопанная. Она узнала зал. Теперь здесь стоял рояль, поблескивая лаковой чернотой полировки. Вдоль стен расположились кресла и диваны, обитые темно-синим бархатом – похоже, это музыкальная гостиная. Шелковые синие портьеры прихотливо задрапированы и подхвачены массивными золотыми шнурами.

Она помнила этот зал совсем другим – темным, без мебели, освещенным только слабым светом уличных фонарей. Здесь тогда пахло влажной штукатуркой – ремонт был только закончен. А мраморный пол сверкал своей новизной. И они с Генрихом танцевали в этом зале вдали от шумного бала. Фамильные бриллиантовые эдельвейсы фон Бергов сияли на ее шее холодным блеском. Музыка едва слышалась, но это для них было неважно. Тогда он впервые назвал ее Катрин. Это случилось совсем недавно, а словно прошла целая жизнь.

Девушка снова уселась на тот самый подоконник, где они сидели вдвоем и не могли понять, что же с ними произошло. Тогда наваждение впервые накрыло их. Ее оно не отпускает до сих пор.

В зал вошла незнакомая девушка. Она была одета несколько странно – ее темное фиолетовое шелковое платье с очень глубоким декольте больше подходило для вечера. Девушка была высока, крепко сложена и походила на богатыршу из народных сказок. Русая толстая коса обвивала ее голову наподобие диадемы. Она уселась в кресло в углу, вольготно закинула ногу на ногу и открыла маленькую книгу. Екатерина встала с подоконника и собралась уйти – видение из прошлого исчезло с приходом незнакомки.

Девушка заметила ее и виновато произнесла:

– Простите, я вас не заметила. Не хотела мешать. Я сейчас уйду.

- Нет, что вы. Я все равно ничего не делала. Просто смотрела в окно. Тоже помогаете Ольге Васильевне?

- Да, - застенчиво улыбнулась девушка. - Только толку от меня мало. Я вообще не понимаю, зачем мы все здесь. Прислуга и без нас бы справилась.

- Я тоже об этом думала. Но Ольга Васильевна хочет привлекать молодежь к работе на благо общества, - Екатерину порадовала, что не одна она видит абсурд и бесполезность происходящего. - Я - Екатерина Несвицкая. А как вас зовут?

Девушка с удивлением посмотрела на нее.

- А я - Надежда Баранова. Дочь купца и заводчика Баранова, Дмитрия Андреевича. Он поставляет лес на строительство нового корпуса завода вашего жениха.

Екатерину неприятно удивила такая осведомленность купеческой дочери:

- Простите, а откуда вы знаете кто мой жених?

Девица Баранова смутилась:

- Ой, простите мою бестактность... Я недавно в городе, меньше месяца. Отец переехал сюда с год назад, а теперь и я с матушкой. Не все пока понимаю, здесь столько церемоний... Мы всегда жили просто. Ольга Владимировна поручила мне помогать двум молодым дамам в буфете. Я понесла ящик с шампанским от стойки к столику в углу. Дамы так странно на меня смотрели, уж не знаю почему. И сказали, что я очень похожа на госпожу Несвицкую, невесту барона фон Берга. Видимо, пошутили надо мной. Мы же с Вами совсем не похожи...

Екатерина звонко рассмеялась:

- Мы похожи, потому что, в отличие от других, можем таскать ящики - я с пряниками, вы - с шампанским. Но с шампанским я бы точно не подняла - это же очень тяжело.

- Какая тяжесть? Всего восемь бутылок, - скромно улыбнулась Надежда.

- Вам, вижу, тоже неудобно в зале? - заметила Екатерина. - Искали уединения, а наткнулись на меня.

- Да, хотела посидеть одна. Признаюсь, здесь на меня смотрят косо. Конечно, всего лишь дочь купца! Принимают только потому, что Ольга Васильевна очень ценит отца. Он многое делает для города.

- А откуда приехала ваша семья? - любопытствовала Екатерина.

- Мы жили далеко, в Североамериканских Соединенных Штатах. На севере, в штате Мэн. Недалеко от Портленда - в небольшом городке. Там все намного проще, без церемоний.

Екатерина с интересом смотрела на Надежду:

- Как вы туда попали? Это же на другом краю земли.

- До этого мы жили в маленьком уездном городке. Озерки. Наверное, даже не слышали о таком? Четыре года назад отец покупал в Североамериканских Штатах новые станки для деревообработки. Ну, и забрал нас туда. Пробовал новые методы работы, многому научился и вернулся на родину своих родителей. А когда у него тут дело наладилось, вызвал в Златогорск меня и матушку.

- Зачем же он так далеко забрался? Можно и в Англии, и в Германии закупать. Хотя, ему конечно виднее, - улыбнулась Екатерина. - Вам наверняка все такие глупые вопросы задают?

- Да ну что ж такого, что задают? Почему не ответить? Все-таки батюшку и правда очень далеко занесло. И нас вместе с ним. Но он человек рискованный. Поэтому у него и дело ладится. Там станки для него полезные, новые. Нигде больше таких не выпускают.

- Не жалеете, что вернулись?

- Нет, я страшно скучала. Язык у них противный – так и не научилась говорить чисто. Хотя там мне тоже было интересно. Все совсем по-другому. Я была суфражисткой. Представляете? Правда, недолго. Отец не позволил. Зато брал меня на заводы. Я его единственная дочь – учит меня своему делу, буду заводчицей, или купчихой. А может, и тем, и другим. Я, наверное, ужасная болтушка? Совсем вас заговорила.

- Всего нет. Мне интересно. Так необычно – вы были за океаном, столько впечатлений, – Екатерине понравилась девушка – простая, открытая.

Они были примерно одного возраста. И ее явно в высшем обществе многие игнорировали. Так почему не поддержать бедняжку? Екатерине не нравилось, когда людей обижали просто потому, что они не такие, как все. Она сама это испытала.

- А что вы читаете, если не секрет?

Надежда широко улыбнулась и показала обложку маленького томика:

- Не секрет, конечно. Гумилев.

- Какой неожиданный выбор.

- Купеческая дочь не может понимать тонкой лирики? – насмешливо спросила Надежда.

Было заметно, что замечание ее задело. Видимо, так было не впервые.

- Нет, конечно. Не хотела вас обидеть. Просто вы второй человек из знакомых мне, кто любит этого поэта. Для меня он слишком сложный, что ли – символы, образы... Хотя, я вообще в поэзии плохо разбираюсь, – призналась Екатерина и вспомнила, с каким восторгом Алексей читал ей странное стихотворение про жирафа – печальное и непонятное.

Екатерина внимательно поглядела на свою новую знакомую. Купеческая дочь, была в Америке, читает Николая Гумилева. Необычная девушка. Только выглядит немного экзотично, что ли.

Темное фиолетовое платье из тонкого шелка плотно облегало далеко не изящную фигуру. Сильно затянутый тугой корсет здесь помогал мало, но талию обозначил. Полная грудь стремилась вырваться из его крепких объятий и вздымалась в довольно глубоком декольте. Казалось, шелковый лиф платья держался из последних сил и готов лопнуть под ее напором.

Крупная аметистовая брошь в окружении жемчуга на зеленой эмали подчеркивала приверженность молодой девицы движению суфражисток. Екатерина знала об их символических цветах – фиолетовым, белым и зеленом. В гимназии она тоже увлекалась этим движением. Но теперь это в прошлом, у нее другие заботы.

Для Америки такой наряд, был, вероятно, уместен. Но не для Златогорска.

- Вы завтра будете на аукционе? – поинтересовалась Надежда. – Вы единственная, кто со мной разговаривает не через губу. Остальные сторонятся, как чумной. Не считая Ольги Васильевны, конечно. Она очень добрая и сердечная женщина.

- Ну, вы зря так обо всех думаете, – возразила ей Екатерина. – Здесь много хороших людей. Но завтра на аукционе я буду, так что увидимся.

- Я рада, что вы со мной, а то так и сидела бы с Гумилевым в углу.

Екатерина улыбнулась:

- Вы скоро освоитесь. Пойдемте в зал, а то Ольга Васильевна разочаруется в нас. Продолжим работать на благо общества!

Глава 13

После пьяного инцидента Генрих и Екатерина чувствовали неловкость, когда оставались наедине. Они слишком оживленно обсуждали прочитанные книги и рукописи по классификации ведьм и способах борьбы с ними. Фальшь тяготила обоих, но оба не знали, как избежать этого. Они словно стояли по разные стороны бездонной пропасти, только пропасть была очень узкая. Их разделял всего один шаг и бесконечное расстояние.

Екатерина понимала, что надо передать Генриху приглашение, и она отправилась к нему на квартиру, предварительно позвонив и договорившись о времени визита – барон почти все время проводил на заводе. Можно, конечно, просто передать его через посыльного, но лучше сделать это лично.

– Будете со мной чай? – поинтересовался Генрих, когда она вошла в гостиную.

– С удовольствием, – отозвалась девушка. – Мы давно не пили чай вместе.

Горничная быстро накрыла на стол и плотно закрыла за собой дверь. И снова тягостное молчание повисло в воздухе. Фон Берг отодвинул чашку и прошелся по комнате.

– Так дальше продолжаться не может. Вы сердитесь на меня из-за того, что мы с Алексеем безобразно напились? – спросил он, наконец.

– Нет, конечно, нет. Все в жизни бывает. Я не сержусь, правда. Я даже рада, что вы с Алексеем нашли общий язык. Он славный, только слабохарактерный. Надеюсь, со временем повзрослеет...

Однозначно, причина их неловкости была не в этом. Екатерину мучили вопросы, на которые она боялась получить ответы. Что нес Алексей в пьяном бреде? Если бы это была правда... Но нет, это невозможно. Так что не стоит обсуждать подобное, особенно с фон Бергом.

Они снова замолчали.

– Давайте пить чай, – сказала девушка и улыбнулась. – Все со временем будет как надо. Вы завтра придете на аукцион?

– Конечно. И я обещал внести свою лепту в благое дело Ольги Васильевны. Деньги больнице однозначно не помешают. Но приду чуть позже – много дел на заводе, работаем без выходных. Я не могу подвести отца...

– А мне надо там быть к десяти утра – опять все будут изображать бурную деятельность. И я тоже, – улыбнулась девушка. – Пустая трата времени... Одно радует – собранные деньги пойдут на полезное начинание.

Залы Дворянского собрания были заполнены разномастной публикой. Благотворительные мероприятия привлекали множество мещан, торговцев и мелких чиновников возможностью прикоснуться к высшему обществу. А состоятельные купцы и дворянство могли ощутить свою важность и значимость в жизни родного Златогорска. И то, что они спускались со своего Олимпа на землю к простым смертным, приравнивало их в собственных глазах к небожителям. Но довольны были все – и смертные, и небожители. Вносимые пожертвования на время объединяли граждан города, независимо от их происхождения и благосостояния.

Аукцион начался ровно в полдень и проходил шумно. Народу было очень много. В залах стоял ровный и громкий гул голосов.

Екатерина с утра помогала Ольге Васильевне в выполнении мелких поручений – передать, найти, принести. Она безропотно справлялась со всеми делами и получила за это публичную благодарность от жены губернатора.

Ее новая знакомая, Надежда Баранова, сидела в ларьке с кокошником на голове и продавала печатные пряники. Ольга Васильевна посчитала, что это очень почетное занятие. Так губернаторша выразила признательность отцу Надежды, который

пожертвовал на ремонт больничной крыши изрядную сумму.

После начала аукциона Екатерину оставили в покое, и она отыскивала девицу Баранову за ее прилавком. Надежда была несчастна – дети совсем задержали ее, выбирая лакомства и пряники, разложенные на столе. Она оживилась, увидев Екатерину. Вчера они успели найти массу общих интересов и решили без церемоний перейти на «ты».

– Когда же этот кошмар закончится? – задала риторический вопрос Надежда. – Сегодня я по-настоящему устала. Лучше уж ящики носить...

Екатерина улынулась:

– Как все продашь, не раньше.

Надежда была привычна к физической работе, но суета вокруг раздражала девушку. Ее расшитый бисером кокошник совсем не вязался с модным платьем из темно-синего, почти черного гипюра и постоянно сползал набок.

Сегодня Надежда была похожа не представительницу модного течения декаданс – темные тени вокруг глаз, бледное от пудры лицо, темное дорогое платье и, конечно же, брошь суфразистки. Не соответствовала только ее фигура с аппетитными и крупными формами. Бюст снова вызывающе выпирал из декольте. Судя по всему, Надежда имела независимый нрав и одевалась по своему усмотрению, не слушая посторонних советов. Странно, что дети не принимали ее в таком наряде за злую фею или ведьму.

К ним подошел молодой человек щегольской наружности. Он бесцеремонно обнял и крепко поцеловал Надежду в губы. Она отстранилась и недовольно пробурчала:

– С ума сошел? Тут же дети!

– И что? – он поправил галстук, закрепленный булавкой с крупным бриллиантом, и покосился на Екатерину. – Долго еще тебе тут сидеть?

– Не знаю, – буркнула Надежда. – Позволь представить – моя новая знакомая Екатерина Павловна Несвицкая. А это мой жених – Владимир Николаевич Белов.

Молодой человек мгновенно изогнулся в поклоне и благоговейно приложился к руке Екатерины.

– Рад, безмерно рад. Счастлив познакомиться с вами. Наслышан о вашем женихе, бароне фон Берге. А где он, кстати? – почему-то поинтересовался Владимир.

Да что же это такое, все просто помешены на ее «женихе»?

– Будет позже. Занят на заводе. Он вам зачем? – довольно холодно поинтересовалась Екатерина.

– Мой будущий тесть ведет с ним дела, пора и нам познакомиться поближе. Будем дружить семьями.

Екатерина просто обомлела от такой бесцеремонности.

– Володенька, ты не слишком торопишься? – недовольно поинтересовалась Надежда.

– Наденька, радость моя, устала? Чем ты не довольна, птичка? – его голос источал мед.

Екатерине стало неловко. Надежда холодно глянула на него:

– Да, устала. Попроси Ольгу Владимировну прислать кого-нибудь на мое место.

Владимир ушел выполнять поручение, а Надежда виновато посмотрела на Екатерину:

– Он такой деятельный. Отцу это очень нравится – говорит, хваткий.

В зал вошли Генрих и Алексей. Они оживленно беседовали и осматривались по сторонам – похоже, искали Екатерину. Ее царапнуло, что они пришли вместе. Подумать только – теперь они друзья! Девушка поняла, что ревнует. Только кого и к кому? Ей не нравилось,

что ее друг детства и барон нашли общие интересы? Но почему? Потому что раньше они оба больше внимания уделяли ей? Так это и не изменилось. Алексей ее друг, Генрих – наставник. Но их общение ее все равно раздражало. Наверное, обсуждают Рашель и ее достоинства. Мужчины, что с них взять!

Генрих махнул ей рукой, и она улыбнулась. Неважно все это. Она любит их обоих. Только по-разному.

Они подошли, и девушка представила их Надежде. Генрих был уже с ней знаком – она приезжала на стройку с отцом. Алексей поцеловал девушке руку и с интересом уставился в ее декольте:

– Вы суфражистка? – с удивлением заметил он, разглядывая ее брошь.

У Екатерины отлегло от сердца – он смотрел не на грудь. Какая же она испорченная. Разве можно думать так об Алексее?

– А вы заметили? – обрадовалась Надежда, кокетливо поправляя брошь. – Почти никто не обращает внимания. Была, когда жила в Америке.

– Вы жили в Америке? – Алексей был поражен.

К ним вернулся Владимир с недовольной девушкой, которую прислала Ольга Васильевна на смену Надежде. Девушка молча забрала кокошник и обреченно водрузила его на голову.

Екатерина представила мужчин друг другу.

– Очень рад личному знакомству, – Владимир был искренне счастлив, пожимая фон Бергу руку. – Наши невесты теперь подруги. Это прекрасно – Наденька была так одинока. Она недавно в Златогорске, еще никого не знает. Ей нужно больше выходить в свет. У меня к вам есть несколько вопросов, мой тесть просил меня поговорить с вами. Оставим наших невест – пусть пощечечут о моде.

– Простите, я не расположен сегодня обсуждать дела, – голос Генриха был холоден, как лед.

– Хорошо, хорошо, как вам угодно. Тогда давайте принесем дамам мороженое – в буфете ужасная давка, не стоит идти туда всем.

Они ушли, и Надежда снова виновато улыбнулась:

– Владимир бывает очень настойчив, когда речь идет о деле.

– Поверьте, они не будут сегодня говорить о работе. Генрих умеет дать отпор.

– Расскажите, как вы попали в Америку, – попросил Алексей. – Это так далеко. И про движение суфражисток мне тоже хотелось бы послушать.

– А еще Надежда Дмитриевна любит твоего Гумилева, – саркастически заметила Екатерина.

– Не может быть! Это правда? – его глаза загорелись.

– Почему же не может? Отчего всех это удивляет? – Надежда вскинула брови.

– Я не знаю ни одного человека, кто бы его читал в нашем городе. Хотя я мало с кем общаюсь, – признался Алексей.

Екатерина поджала губы – кто бы говорил. Мало с кем он общается! Это когда было? А теперь и с Генрихом общается, и с Рашель, и возможно, с другими девочками мадам Лулу... Она опять поймала себя на мысли, что несправедлива к своему другу.

А Алексея уже понесло:

– Вы знаете это стихотворение? Наверняка знаете, если любите Гумилева. «Русалка». Мне очень нравится, хотя, пожалуй, несколько откровенно...

На русалке горит ожерельеИ рубины греховно-красны.Это странно печальные сныМирового больного похмелья...– У русалки мерцающий взгляд,Умирающий взгляд полуночи,Он блестит, то длинней, то короче,

Когда ветры морские кричат... – продолжила Надежда, и они оба счастливо рассмеялись.

Ведут себя просто как дети. Екатерина отвернулась и закатила глаза – ну, нашли друг друга. Тонкие ценители поэзии! С тоски можно повеситься...

– Очень смелые стихи, – заметил Алексей, с нескрываемым интересом глядя на Надежду.

– Я и сама смелая, – парировала она.

Вернулись Генрих и Владимир с мороженым. Генрих вручил Екатерине вазочку, и они отошли к окну.

– Удивительно навязчивый жених у вашей знакомой, – признался Генрих.

– А она славная, – Екатерина с удовольствием облизнула холодную ложечку.

– Не сомневаюсь, вы умеете выбирать друзей.

– Вы об Алексее? – насторожилась Екатерина.

– Мне кажется, вы недовольны, что мы с ним стали приятелями.

Она задумалась:

– Простите, вы правы. Какая-то детская ревность. Когда вы были врагами, меня это устраивало. Теперь я вроде и рада. Но... Ревную. Он мой друг детства, знакомы всю жизнь. Веду себя как ребенок, – она виновато улыбнулась и поставила пустую вазочку на мраморный подоконник.

Генрих взял ее под руку, и они пошли по анфиладе комнат.

– Я хотел поговорить с вами.

– О чем?

– Ни о чем конкретно. Мы как-то отделились. Общаемся, только пока вы совершенствуете со мной навыки владения ножом или по делу. А я надеялся, мы останемся друзьями.

– Так оно и есть. Мы друзья, – Екатерина подняла глаза на своего наставника и улыбнулась.

Всего пара слов, а она успокоилась. Все встало на свои места. Ей снова хорошо и спокойно с Генрихом. Пусть они будут хотя бы рядом. Ей и этого довольно.

Незаметно они дошли до музыкальной гостиной. Молодая и эффектная дама неплохо играла на рояле что-то из Моцарта. Немногочисленная публика благосклонно слушала.

Екатерина почувствовала, как вздрогнули пальцы Генриха. Он тоже узнал этот зал.

– Уйдем отсюда? – предложила она.

Он улыбнулся:

– Зачем?

– Не знаю... Я сегодня ужасно глупо веду себя.

– Можем уйти, если вам хочется.

Екатерина отрицательно покачала головой, опустилась в кресло в углу зала и кивнула на соседнее, приглашая барона занять место рядом.

– Я сама не знаю, чего хочу, – призналась она.

Дама закончила игру, и публика стала расходиться. В гостиной осталось всего несколько человек.

– У меня все всегда получается непредсказуемо, – начал Генрих. – Вы уже, наверное, заметили.

Екатерина кивнула:

– Да уж. Впрочем, у меня тоже. Жизнь вообще непредсказуема. К чему вы ведете?

– Трудно предугадать, как все повернется. В свете последних событий я понимаю, что мы с Алексеем вас шокировали – безобразная пьянка, драка, девочки мадам Лулу... Вы наверняка ничего подобного ни от меня, ни от него не ожидали. Я еще ладно, но от него-то уж точно...

– Про мадам Лулу я как раз понимаю. Вы сами говорили, что мужчине иногда необходимо общение такого рода.

Барон благодарно улыбнулся:

– Вы очень снисходительны к мужским слабостям. Я тогда же сказал, что от воздержания тоже никто не умер. А вы не боитесь говорить на очень откровенные темы.

– Спасибо госпоже Миргородской. Жаль, она нас не учила этому в Институте благородных девиц. Это облегчило бы жизнь многим девушкам.

– Значит, вы не осуждаете Алексея?

– Нет. Я его понимаю – молодой мужчина, влюблен безответной любовью. Хорошо, что он разобрался в своих чувствах.

– А то, что мы нашли с вашим другом общий язык?

– Признаюсь, для меня это полная неожиданность. Вы меня оба сильно удивили, – она невольно улыбнулась. – Особенно ваша дружба и взаимопонимание. Хотя это меня радует. Правда. А моя ревность – просто ребячество.

– Я хотел попросить вас... Что бы ни случилось, давайте человеку шанс объяснить свои поступки. Можете не прощать, но хотя бы выслушайте.

– Почему вы заговорили об этом? Я чего-то не знаю? – ее голос звучал напряженно.

– Нет. Ничего не случилось. Но вы сами только что сказали – жизнь непредсказуема. А с моим талантом попадать в истории... Пообещайте, что выслушаете мои объяснения, если в этом возникнет необходимость.

– Конечно, обещаю. Только не нравится мне ваше настроение. Вы чем-то встревожены?

– Нет, все хорошо. Заранее хочу уберечь себя от вашего праведного гнева, – он улыбнулся. – Я его так часто вызываю своими выходками. Моя просьба касается не только меня, но и всех, кто вам дорог. Не стоит быть слишком категоричной.

– Я же уже сказала, обещаю. Вы теперь об Алексее? Что же все-таки случилось? Алексей влип в историю? – Екатерина была уже взволнована.

– Нет, даю слово, нет. Зря я все это начал, только напугал вас.

Девушка пытливо посмотрела на наставника:

– Вы от меня ничего не скрываете? Правда?

– Конечно, правда, – он не отвел взгляда, и она успокоилась.

Когда они вернулись в зал, Надежда и Алексей оживленно беседовали. Даже слишком оживленно. Жениха Надежды с ними рядом не было. Это удивило Екатерину. Зато Алексей захлеб читал стихи, и Надежда ему вторила. Они о чем-то жарко спорили и видимо, доказывали друг другу очевидные вещи. Теперь Надежда что-то читала из

маленькой книжечки и трясла ею перед лицом Алексея. Парочка ценителей стихов заметила Екатерину и ее спутника, только когда те подошли вплотную.

– Катя! Ну, скажи ты своему другу, «Ягуар» – не упадническое стихотворение. Это же очевидно. Вот, смотри! – она сунула под нос Екатерины томик стихов и ткнула пухлым пальчиком в строчку. – Где тут упадничество?

Екатерина виновато улыбнулась.

– Ну что с тебя взять, ты же Гумилева тоже не понимаешь! – с досадой воскликнула Надежда.

– Что значит «тоже»? – возмутился Алексей. – Я его понимаю, но не все стихи Гумилева принимаю. А в этом стихотворении одна обреченность. Вот, смотрите! Генрих, хоть ты Надежде Дмитриевне скажи!

– Я в поэзии понимаю еще меньше моей невесты, – признался Генрих, улыбаясь.

Алексей не унимался, отобрал томик у Надежды и процитировал:

Я молчал, ее покорный кличу, Я лежал, ее окован знаком, И достался, как шакал, в добычу Набежавшим яростным собакам...

Покорного героя растерзали собаки! Чистая лирика и романтизм! Конечно, какое уж тут упадничество! Сплошной оптимизм! Прямо через край!

– Это – сон! Сон! Аллегория. Слышали о таком термине? Начало прочитайте! – Надежда отняла томик и громко перевела дух. – Невозможный человек! Может, по-вашему «Жираф» тоже упаднический?

– Нет! «Жираф» – не упаднический. «Жираф» – лирика. Там нет обреченности. В конце концов, там все живы остаются.

– Отличный аргумент! Это стихи! Это чувства! А не живы – погибли.

Екатерина и Генрих, улыбаясь, смотрели на спорщиков. Парочка выглядела комично. Оба покраснелись. На лице Алексея еще ярче проступили веснушки. Серые глаза Надежда горели и метали молнии.

– А где Владимир Николаевич? – осторожно поинтересовалась Екатерина.

– Владимир пошел общаться с нужными людьми и заводить новые знакомства, – не без иронии пояснила Надежда, поймав удивленный взгляд Екатерины. – Попросил Алексея Михайловича развлекать меня. Вот мы и развлекаемся! Нет, «Ягуар» – упадничество! Вы только подумайте!

– А что же это? Лирические стихи о любви, по-вашему? – саркастически поинтересовался Алексей.

Наконец они оба немного успокоились. Надежда посмотрела на Екатерину и ее «жениха» и видя их недоумение, откровенно призналась:

– Я не какая-нибудь ветреная кокетка. Привыкла говорить без обиняков. Чтобы вы не думали обо мне плохо – наша предстоящая женитьба с Владимиром – идея родителей. Владимир в этом году окончил Университет в столице. Теперь вернулся после шести лет обучения в Златогорск и намерен продолжить здесь семейное дело. Он очень энергичный и деятельный. Пожалуй, даже слишком. Но мы уважаем друг друга. Он не ревнив, и я тоже. А любовь, возможно, придет. Или нет. Тогда это будет продолжение рода. В Североамериканских Штатах это обычное дело и называется бизнес. Это просто слияние капиталов.

Генрих и Екатерина переглянулись. Было уже одно слияние капиталов. И вот результат – Екатерина стала охотником на ведьм, а дочь банкира Розенфельда до сих пор так ни с кем не слилась.

– Катя, забыл тебе сказать, я переехал, – радостно сообщил Алексей. – Меня повысили на

службе. Теперь я снял целый дом в центре. Громко звучит, конечно. На самом деле небольшой домик, но это уже не квартира. Два этажа, на втором, правда, пока ремонт. Не знаю, когда закончится, но мне и одного хватает. Буду рад видеть вас с Генрихом у меня в гостях. Вас, Надежда Дмитриевна, я тоже приглашаю, но ваш жених вряд ли будет заинтересован в продолжении знакомства со мной...

– Да и пусть не заинтересован! – решительно заявила Надежда. – Пойдет как миленький – мне есть, о чем с вами беседовать, обсуждать и спорить. Кстати, с «Ягуаром» мы еще не закончили! И не надейтесь! Я люблю поэзию, и Володя полюбит. Куда он денется? Я тут подумала, может, мне литературный салон открыть? Или литературную гостиную, не знаю, как правильно это называется...

– Боюсь, в вашем салоне будет полтора человека, включая меня. У нас публика практичная, литературой не особо интересуется, – Алексей смотрел на Надежду с нескрываемым восхищением.

Девушка энергично встряхнула головой:

– Ничего, я придумаю, чем привлечь горожан. Буду приобщать их к прекрасной поэзии. Это лучше, чем ходить в синематограф на фильмы о роковой страсти или смотреть третьесортный водевиль с пошлыми шуточками.

К маленькой компании подошел князь Апухтин – давний друг Германа, приятный мужчина лет тридцати пяти, брюнет с небольшой щегольской бородкой. Этот убежденный холостяк обладал изящными манерами и был галантным кавалером.

Екатерина поняла, что с Алексеем князь теперь достаточно близко знаком. А ведь совсем недавно Сергей Сергеевич Апухтин был секундантом на дуэли между Алексеем и Генрихом. Как лихо у Алексея все получается! Как быстро он завел себе новых приятелей.

И наверняка опять он познакомился с князем благодаря Генриху. Теперь, возможно, вместе ходят по ресторанам, клубам. И к мадам Лулу тоже, наверное, заглядывают... Вообще у мужчин все очень просто. Были врагами. Напились. Стали друзьями.

Девушка снова отогнала навязчивую ревность к другу детства. Или к Генриху? Барон проводит больше времени со своими приятелями, чем с ней. Так она же ему не настоящая невеста... Между ними никогда ничего не произойдет, они сами так решили. Так что же она сходит с ума? Глупо, ужасно глупо.

Князь галантно поцеловал руку Екатерины, и она представила его своей новой подруге. Завязалась непринужденная беседа. Надежда, несмотря на ее явную смелость в одежде, граничащую с вульгарностью, была интересным собеседником. Четыре года, проведенные в Америке, наложили на нее неизгладимый отпечаток. Она смело высказывала свои взгляды и не боялась их отстаивать.

Вскоре вернулся жених Надежды. Энергичный молодой человек очень обрадовался знакомству с князем. Было очевидно, что Владимир не чужд тщеславия и намерен в ближайшее время обзавестись нужными связями. Его не смущало, что он всего лишь сын купца, пусть и очень удачливого. Вряд ли родовитые дворяне будут рады близкому знакомству с ним. Но господин Белов с напором шел на штурм высшего общества, и ничто не могло остановить его в борьбе за место под солнцем.

Глава 14

Летний зной нехотя уступал место прохладе. Август в Златогорске редко бывал жарким. Князь Апухтин планировал в ближайшее время организовать в своих обширных лесных угодьях охоту на кабана. Сергей Сергеевич очень любил устраивать подобные развлечения. На них всегда приглашались многочисленные знакомые и друзья, и охота проходила с королевским размахом.

Барон фон Берг передал Екатерине, что их пригласили на охоту. И князь не принимает отказа – он давно не проводил подобных увеселений и очень хотел видеть на нем своего друга с невестой. Сергей Сергеевич всегда был очарован Екатериной. Он был рад за Генриха – такая милая и искренняя девушка стала его невестой.

Екатерина и Генрих сидели в кабинете фон Берга в поместье барона и изучали старинные фолианты. По крупницам они находили интересующую их информацию. Похоже, Полине удалось заполучить в свое распоряжение ценные книги с описаниями магических обрядов. Она сумела стать такой опасной и злобной ведьмой не случайно, а целенаправленно.

– Думаю, нам пора отдохнуть, – заметил Генрих. – У меня уже в глазах рябит от этих рукописей.

– У меня тоже, – призналась девушка, поднимаясь из-за стола. Она распрямила плечи, потерла поясницу и откинула голову назад. – Страшно спина затекла. Может, пройдемся по парку и продолжим чуть позже?

Они вышли из полутемного кабинета на яркий солнечный свет, и Екатерина невольно зажмурилась – нельзя так долго сидеть над книгами. Легкий ветерок шумел в кронах деревьев. В воздухе пахло спелыми яблоками – две корзины с ними стояли на полу открытой веранды. Это был подарок от соседа-помещика Кудрявцева. Генрих взял одно из них и с наслаждением вдохнул аромат:

– Какой запах! Обожаю яблоки.

Екатерина невольно улыбнулась – все-таки мужчины сродни детям. Они не спеша пошли по липовой аллее.

– Вы, помнится, говорили, что уже принимали участие в охоте на кабана? – вспомнил барон.

– Да, но давно. Отец брал меня несколько раз с собой на охоту. В том числе на кабана. Обычная забава небогатого дворянина. Я, конечно, самолично кабана не убивала, – она усмехнулась. – Мне тогда было всего четырнадцать. Но впечатление от охоты осталось на всю жизнь. Азарт просто бешеный. Хотя, о чем я говорю?

– Да уж. С настоящей охотой и азартом вы уже познакомились. А охота у князя больше похожа на пикник. Много нарядных дам и кавалеров, много собак. И в лучшем случае, один кабан. Если его, конечно, раньше времени не испугает тот невообразимый шум, который поднимут охотники, лошади, собаки, егеря и слуги. Зато все радуются возможности ощутить себя настоящим смелым охотником, готовым рисковать жизнью. Вам будет скучно, – заметил Генрих. – Зато сможете отдохнуть и набраться новых впечатлений от общения со сливками общества. После вашей самоотверженной работы на благотворительном аукционе все только о вас и говорят. И о вашей новой подруге. Теперь дамы будут переносить тяжелые предметы на глазах губернаторши, чтобы заслужить такую же похвалу. Кстати, Ольга Васильевна там тоже будет.

– Перестаньте иронизировать, – шутливо насупилась девушка. – Я не переносила ничего тяжелого. Коробка с пряниками весит не больше кошки. А вот Надя и правда силачка. Представляете, она легко поднимает ящик с шампанским!

– Представляю, – Генрих не мог скрыть улыбки. – Надежда настоящая русская красавица – кровь с молоком, крепкая, сильная. Да еще и с американскими взглядами на жизнь. Она милая девушка и не боится настоящей работы. В отличие от светских дам и барышень. Отец Нади приобщает ее к своему делу. Он ею очень гордится. Жаль, жених у вашей подруги, мягко говоря, напористый.

- Говорите откровенно – беспардонный. Я же его видела.

- Да, беспардонный. Но такая навязчивость вряд ли принесет ему желаемый результат.

Незаметно они дошли до пруда. Разрушенная беседка отражалась в черной воде, как в зеркале. Девушка решительно направилась к ней и уселась на обломок колонны. Не стоит бояться призрачных воспоминаний.

Так же она сидела здесь всего пару месяцев назад. А Генрих пытался перед ней оправдаться за то, что представил ее отцу как свою беременную любовницу, на которой он просто обязан жениться. И все ради того, чтобы избежать брачного союза с дочерью банкира Розенфельда.

Екатерина посмотрела на своего наставника:

- А знаете, я ни разу не пожалела, что стала охотником.

- Знаю. Но все равно это получилось у нас с вами ужасно глупо. Вот уж поистине – ирония судьбы, – Генрих сел на другой обломок. – Вы так неожиданно обрели дар видеть ведьм. Если бы я вас не обидел, вы бы меня не укусили так сильно.

Екатерина задумчиво улынулась:

- Не проглотила бы вашей крови и не обрела этот дар. Училась бы сейчас в Университете, а не охотилась на ведьм. «Если бы да кабы», как говорила наша кухарка... Но что ни делается, все к лучшему.

- Вы становитесь философом, – заметил барон.

Девушка провела рукой по изъеденной временем поверхности мрамора. Она была шершавой и теплой под лучами полуденного солнца.

- Да, пожалуй. Кто бы мог подумать, что все так обернется? И для меня, и для других.

Тонкий ручеек фонтана вытекал из расколотой вазы и, журча, устремлялся в пруд, вызывая легкую рябь на зеркальной водной глади. Фон Берг вымыл яблоко и разломил его на две части.

- Хотите? – он протянул половинку Екатерине.

Она взяла ее. Яблоко хранило тепло его руки. Девушка тоже глубоко вдохнула сладкий яблочный аромат. Пахло уходящим летом.

- И я люблю яблоки, – Екатерина откусила от половинки и снова подумала о том, как много у нее с Генрихом общего.

Даже в мелочах. Или это ей только кажется?

Планировалось, что на предстоящую охоту гости начнут прибывать с вечера. Обширный загородный дом князя мог легко вместить всех приглашенных. Его окружал вековой сосновый лес. Парк при доме был очень небольшим – Сергей Сергеевич любил охоту и не видел пользы от клумб и декоративных деревьев. Прямые корабельные сосны своими кронами смыкались высоко над головами редких путников. Многолетняя опавшая хвоя упруго пружинила под ногами и заглушала звуки шагов. Чистый и свежий воздух бодрил. В угодьях князя водилось много дичи. Но он сам больше всего любил псовую охоту на кабана. Немудрено, что князь держал довольно большую псарню.

В представлении князя Апухтина приглашенных было немного. Он решил ограничиться кругом избранных – всего-то человек тридцать-сорок. Самыми дорогими и почетными гостями были, конечно же, губернатор с супругой. Его превосходительство слыл заядлым охотником, чего нельзя сказать об Ольге Васильевне. Но она во всем поддерживала своего мужа и сопровождала его даже на охоте. Ей это не составляло особого труда, тем более что она любила быть окруженной восторженными дамами, и ей нравилось чувствовать себя центром местного общества.

Генрих предложил Екатерине отправиться на охоту верхом рано утром. Загородный дом

князя располагался недалеко от поместья фон Бергов. Погода прекрасная, а начало охоты назначено на девять утра. Можно не торопясь доехать к назначенному времени, если подняться рано.

Екатерине нравилось ездить в мужском седле – так она чувствовала себя увереннее, чем сидя боком. Мадемуазель Корде подобрала для нее очень интересный и смелый костюм для верховой езды – плотно облегающие брюки, высокие черные сапоги и широкая юбка до щиколоток с глубоким разрезом впереди. Французская модель из мягкой замши цвета шоколада для амазонки в мужском седле. Необычно и экстравагантно. Екатерине этот костюм понравился. Генрих его тоже одобрил – ни грамма вульгарности. И при этом подчеркивает все достоинства девушки.

По меркам высшего общества конюшня фон Бергов была небольшая. Верховых лошадей всего три, но все племенные, с прекрасной родословной и отличными качествам.

Любимый вороной жеребец Генриха носил имя Агат. Горячий и непокорный, он идеально подходил своему хозяину.

Екатерине Генрих предложил коня своего отца – спокойного, белоснежного, с длинной гривой. Просто конь для сказочной принцессы. Даже имя подходящее – Диамант.

Белоснежного красавца вывели во двор. Тот шел не торопясь, словно боясь уронить собственное достоинство. Девушка погладила его. Конь не шевельнулся и даже не глянул в ее сторону.

Екатерина с насмешкой посмотрела на барона:

– Очень красивый и напоминает мраморный памятник. Он вообще бегать умеет?

Генрих тоже улыбнулся – этот красавец был страшно ленив. Отец редко ездил верхом.

– Вы же не собираетесь преследовать кабана? Дайте шанс губернатору и Сергею Сергеевичу. Дамы будут просто красиво фланировать верхом на заднем плане и демонстрировать свои туалеты. Это вам не Братство, тут четкое разделение женщин и мужчин. А вы на этом великолепном создании будете просто вне конкуренции – посмотрите, какая длинная грива, какой волнистый хвост. Все дамы умрут от зависти. И мне будет спокойно – скачет он очень медленно. Скорее даже не скачет, а просто ходит.

– Прекратите издеваться. Он, конечно, прекрасен, но, тем не менее, можно мне другого коня? Этот очень красивый, но уж слишком величественный и неспешный. На нем только на официальные церемонии ездить или парад принимать.

Барон подвел девушку к гнедому коню с белой полосой на горбатом носу.

– Вот, посмотрите на этого. У нас небольшой выбор верховых лошадей, – заметил Генрих. – Не такой красивый, как Диамант. Самая обычная масть, но резвый. Зовут Ромео – отец любит Шекспира.

– Меня масть не интересует. Я давно не ездила верхом, хочу получить удовольствие и немного развлечься. Обещаю кабана не преследовать и в охоту не ввязываться. Я в ней все равно ничего не понимаю – толпа людей пытается убить одного кабана. В чем удовольствие и интерес? – девушка погладила Ромео по крутой шее, и он замотал большой головой, фыркая и кося на нее большим лиловым глазом. – Хороший, хороший, не пугайся...

– Но вы все же не будете носиться сломя голову? – с надеждой спросил барон.

– Нет, я буду носиться как ветер! – мечтательно отозвалась Екатерина.

– Я тоже не люблю такую охоту. Мне вполне хватает нашей. Так что не надейтесь, я буду рядом и не позволю вам рисковать попусту.

– Все как всегда – будете меня оберегать?

– Буду, – кивнул Генрих. – Я за вас в ответе.

Фон Берг и его ученица выехали рано утром. Не успели они миновать ворота, как Екатерина прищипорила коня и понеслась по дороге, наслаждаясь его быстрым и легким бегом. Ветер охлаждал лицо, и она чувствовала себя летящей птицей – свободной и стремительной.

Но скоро барон догнал ее, и они перешли на шаг. Вороной Генриха был намного сильнее и быстрее. Агат грыз удила и нетерпеливо вертелся на месте, требуя продолжения скачек. До имения князя добрались очень быстро, соревнуясь и давая волю застоявшимся в конюшне лошадям.

Екатерина покраснелась, ее волосы растрепались, она была возбуждена и очень довольна стремительной скачкой. Когда девушка и ее наставник подъехали к загородному дому Апухтина, перед ним на площадке уже собралась изрядная толпа из охотников, слуг и егерей.

Загородный дом князя напоминал роскошью небольшой королевский дворец. Апухтин любил комфорт, и свое холостяцкое жилище приказал оборудовать по последнему слову техники. Однако старый парк давно зарос и напоминал лес.

Было шумно – собаки, натасканные на зверя, громко лаяли, лошади ржали, гости пытались докричаться друг до друга через этот гам. Дамы в роскошных амазонках гарцевали на холеных лошадях. Кавалеры проверяли ружья и обсуждали предстоящую забаву. Между лошадьми с опаской сновали слуги и разносили напитки. Все действие напоминало светский раут, но никак ни охоту.

– Почему вы без ружья? – поинтересовалась Екатерина, поняв, что барону для охоты чего-то явно не хватает.

Он очаровательно улыбнулся, откинул назад тоже растрепавшиеся от быстрой езды длинные светлые волосы:

– Я уже говорил – мне вполне хватает нашей охоты. Буду сторонним наблюдателем. Да и просто приятно отдохнуть на свежем воздухе. Князю принадлежат прекрасные лесные уголья, есть, где дать волю Агату – он давно не покидал своего стойла. Вы же знаете, совсем нет свободного времени из-за работы на заводе.

К ним подъехал Апухтин и критично смерил взглядом своего друга.

– Генрих, ты, как всегда, в своем репертуаре – на охоте без ружья. Могу одолжить – у меня отличная коллекция подходящего к этому случаю оружия, даже лук есть. А хочешь – арбалет? Недавно приобрел в Варшаве – все тебе будут завидовать, – не удержался от иронии князь.

– Нет, благодарю. Я только что сказал Екатерине, что равнодушен к этому развлечению. Уж кто-кто, а ты об этом знаешь.

Апухтин махнул рукой и оставил друга в покое:

– Ты совершенно неазартный человек – охоту не любишь, в карты не играешь.

Екатерина невольно улыбнулась – она-то знает правду.

Суета перед домом продолжалась довольно долго – то что-то забыли, то кому-то из охотников понадобилось зачем-то сменить ружье, у одной дамы возникли проблемы с уздечкой, и ей потребовалась помощь конюха. Охота в девять утра, конечно же, не началась. Наконец кавалькада двинулась в сторону леса.

Егеря доложили князю, что кабан найден, и можно начинать его загон. Мужчины устремились в чашу. Дамы, естественно, не присоединились к охотникам, и большинство осталось на поляне обсуждать светские новости. К Екатерине подъехала супруга губернатора на великолепном сером иноходце в яблоках и милостиво поздоровалась с девушкой.

– Хорошо, что вы чаще стали появляться в обществе. Вам давно надо было прекратить жизнь затворницы. На благотворительном аукционе вы мне очень помогли, и я вам бесконечно благодарна.

– Рада была помочь, – девушка не знала, что еще сказать в ответ на такое внимание. – Мне было не сложно это сделать.

– Ваша скромность вас украшает, – Ольга Васильевна была искренна.

Дамы из окружения губернаторши расплылись в счастливых улыбках – они тоже рады, что госпожа Несвицкая присоединилась к их тесному кругу. Девушку мутило от такого лицемерия. Еще недавно почти все они знать ее не желали. Екатерина неопределенно улыбнулась и тихонько отъехала от дам. Пусть продолжают сплетничать – ей это не интересно.

Она направила своего коня по просеке, подальше от общества, просто наслаждаясь окружающей красотой и вдыхая свежий воздух полной грудью. Шум охоты перемещался из одного конца леса в другой. Собаки бешено лаяли. Видимо, охота проходила успешно, и кабана должна была скоро настигнуть его печальная участь.

В конце просеки на своем вороном коне показался Генрих – он не принимал участия в загоне. Конь гарцевал под ним и горячился. Фон Берг махнул ей рукой, приглашая куда-то. Девушка пустила коня галопом, и они понеслись в глубь соснового бора.

Через некоторое время раздались беспорядочные выстрелы и собаки стали захлебываться от лая. Кони вздыбились и нервно заржали. Прошло несколько минут, и раздался одиночный выстрел – контрольный. Охота закончилась. Они повернули на лай собак и скоро оказались на поляне, где собралось все общество.

Посредине поляны лежал крупный кабан с огромными желтыми клыками. Под ним растекалось пятно крови. Рядом с ухом виднелся след от последнего выстрела, сделанный практически в упор – кабана не так просто убить. А раненый зверь готов дорого продать жизнь. Собаки лаяли и сходили с ума от желания вновь вцепиться в свою жертву. Они были, как всегда, отважны, и смело висли на кабана, задерживая его бег до того, как подоспели охотники.

В эффектной позе с роскошным ружьем наперевес, стоял губернатор. С него можно было писать парадный портрет. Статный мужчина лет пятидесяти с роскошными пышными усами и бакенбардами, тронутыми сединой, походил на мужественного короля. Его ружье было произведением оружейного искусства – серебряные накладки с гравировкой и тонкой резьбой, инкрустация перламутром. Конечно же, первый меткий выстрел, сваливший кабана, принадлежал ему. Остальные охотники открыли огонь только после него – субординацию никто не посмел бы нарушить. А контрольный выстрел произвел егерь – он отвечал за безопасность охоты. Даже теперь острые клыки матерого кабана внушали ужас.

Неожиданно раздался протяжный вой. Собаки тоже завывали и заметались. Одинокий выстрел пронзил лес. Несколько охотников и егерь поскакали на его звук. Екатерина и Генрих присоединились к ним.

– Похоже, это волк, – заметил барон.

Через несколько минут они добрались до нужного места и Генрих резко осадил вороного. Охотники окружили лежащую на земле большую волчицу. Ее подстрелил один из егерей – она давно совершала набеги на ближайшую деревню и задрала уже не одну овцу.

Агат храпел и не желал приближаться к мертвому зверю. Генрих спешил и подошел ближе. Из чащи вышел егерь, держа за шкуру на вытянутой руке волчонка. Тот скулил, огрызался и беспомощно мотал лапами.

– Нашел волчье логово. Странно, что в нем был всего один щенок – возможно, остальных она успела спрятать в безопасном месте. Крупная, зараза, – егерь кивнул на волчицу.

Екатерина соскользнула с коня и подошла к Генриху. Егерь отпустил волчонка на землю, и тот стал затравлено озираться по сторонам. Он был маленький и пушистый, как обычный щенок. Екатерина подошла к нему и присела рядом на корточки.

– Осторожнее, это зверь, – тревожно предупредил ее барон. – Ему уже месяца два и зубы у него острые. Это не собака, учтите.

- Он очень напуган. Весь дрожит...

Девушка медленно протянула к нему руку в кожаной перчатке и осторожно погладила по голове и спине. Он уткнулся ей в ноги и замер.

- Что будет с волчонком? - спросила Екатерина, поднимаясь в полный рост.

Все молчали и смотрели на Генриха. Вопрос задала его невеста, и решение оставалось за ним.

- Не знаю. А что вы хотите? Забрать его? - поинтересовался он у девушки.

- Я не хочу, чтобы его убили. Ведь его убьют?

- Вряд ли кто-то в деревне захочет держать на своем подворье волка, - уклончиво ответил барон.

Волчонок сидел в ногах девушки и не двигался. Будто искал у нее защиты.

- Так можно мне его забрать?

- Да, безусловно. Но куда вы его денете?

- Не знаю. Не в квартире же его держать. Но я не могу его здесь оставить.

Губы фон Берга тронула невольная улыбка:

- Я понял. Вы хотите, чтобы я взял его в поместье. Правильно?

- А можно? - с надеждой спросила Екатерина.

Она была похожа на маленькую девочку, которая очень хочет забрать несчастного волчонка, но не знает, позволят ли ей.

- Можно. Только наши собаки будут первое время сходить с ума. Ладно, потерпим. Может, со временем они его признают. Что не сделаешь ради вашего удовольствия, - обреченно произнес барон.

Если бы они были вдвоем, девушка закричала и запрыгала бы от радости. Но теперь она только благодарно смотрела на фон Берга и глупо улыбнулась.

- Может, его возьмет Егор? - предположила она.

- Приедем в поместье - узнаем, придет ли Егор в восторг от вашего подарка, - скептически заметил барон.

Генрих протянул егерю деньги - все-таки надо было как-то его поощрить. Тот принял их с благодарностью и вызвался отвезти волчонка в имение барона. Генрих выяснил у егеря, что это волк-мальчик и сообщил об этом девушке.

- И как вы его назовете? - поинтересовался он.

- Пока не знаю, надо подумать. Я вам так благодарна! Вы даже не представляете, - Екатерина взяла фон Берга под руку. - Он был такой беззащитный, и мне его стало ужасно жалко.

- Надеюсь, вы примете участие в воспитании этого зверя. Мой дед держал волка. Я тогда был ребенком, лет семи-восьми. Даже играл с ним. В принципе, ничего особенного - собака, как собака. Только выл очень громко.

Они вернулись к остальным участникам охоты. Все уже знали, что барон позволил своей невесте взять волчонка. Супруга губернатора была в восторге от этого благородного поступка.

- Вы такая добрая девушка, - не могла удержаться от очередной похвалы Ольга Васильевна. - Как хорошо, что ваш жених понимает вас и во всем поддерживает. Увы, теперь это такая редкость...

Дамы умилялись. Екатерина порадовалась, что волчонка уже забрал егерь – здесь его бы затискали, и он, вероятно, в конце концов, кого-нибудь укусил. А от разъяренной светской дамы даже Генрих его вряд ли смог бы спасти.

К ним подошел Сергей Сергеевич и сочувственно посмотрел на фон Берга:

– Ты представляешь, что будет с твоими собаками? Они же за версту волка чуют. А лошади? И где вы его держать будете?

– Пока не знаю, – пожал плечами Генрих. – Что-нибудь придумаем.

Екатерина виновато вздохнула и посмотрела на князя:

– Мне стало так жалко волчонка – он маленький и беззащитный. И Генрих позволил мне его взять.

Она всегда с трудом изображала из себя невесту барона. Ей было невероятно сложно называть его при посторонних просто по имени, и она каждый раз странно волновалась.

Екатерине не хотелось фальши в их отношениях. Но теперь все было так запутано. Генрих понял, что не в состоянии забыть Полину. Больше того, он признался, что любил ее, и до сих пор любит. И она должна уважать его чувства и помнить – ведь насильно мил не будешь...

Глава 15

К вечеру должны были приготовить кабана, и охотникам предстояло насладиться плодами своей победы. В имении князя Апухтина повара умели готовить дичь, и Сергей Сергеевич этим очень гордился. Кабана разделали по всем правилам и теперь жарили тушу на открытом огне на вертеле в огромном очаге на кухне.

Большой стол начали накрывать на площадке за домом. Слуги суетились и беспорядочно носились в кухню и столовую, принося фарфоровую посуду, хрусталь и столовое серебро. Для удовольствия дам на столе поставили несколько ваз с великолепными букетами. Ради них пришлось специально ездить в город – в парке князя клумб не было, и там росли только полевые цветы и сорняки.

Екатерина по настоянию губернаторши присоединилась к дамам, и они отправились гулять по небольшому парку князя. Подразумевалось, что это парк в английском стиле, максимально приближенный к природе. На самом деле он просто хаотично зарос деревьями, и только дорожки из белого песчаника и старинные скульптуры, жутковато торчащие из кустов, отличали его от леса. Апухтин не видел смысла в поддержании порядка в парке – деревья везде одинаковые, так зачем их стричь или сажать ровно – пусть растут, как хотят. Иногда в парк из леса заходили косули, однажды даже забрело семейство кабанов с выводком поросят. А лисы и зайцы были постоянными посетителями английского парка.

Фон Берг отошел подальше от общества и уселся на край давно пересохшего мраморного фонтана. Мрачные мысли обуревали барона, и он никак не мог от них отвлечься. Генрих сорвал длинную травинку и задумчиво жевал ее, глядя вдаль. Но вскоре к нему подошел князь.

– Вижу, скучаешь? – сочувственно поинтересовался тот.

– Нет, что ты... Спасибо, что пригласил на охоту – давно не ездил верхом. Все больше на автомобиле.

– Ты даже ружья не взял. Какая же это охота? – насмешливо поинтересовался Сергей Сергеевич.

– Я равнодушен к самому процессу, ты же знаешь. Но кабанину попробую – у тебя отличный повар. И дичь я очень люблю.

Апухтин уселся рядом с другом:

– Объясни мне, на кой ляд тебе волк? Праздный вопрос, конечно. Но что вы с ним будете делать?

– Не знаю... – Генрих был задумчив. – Зато Екатерина счастлива.

Князь пытливо посмотрел на своего друга:

– Удовлетвори мое любопытство.

– Спрашивай.

– Почему вы с Екатериной Павловной до сих пор на «вы»? Или это не мое дело?

Генрих пожал плечами:

– Так нам привычнее.

– Ладно, зря спросил. Понял, это не мое дело.

Фон Берг промолчал – его друг задел больное место. Он не хотел об этом говорить. Даже думать не хотел, особенно сейчас.

– Хватит тебе здесь сидеть, – хлопнул его по плечу Апухтин. – Пойдем к гостям. Только что сложилась компания картежников. Хотя, ты картами не увлекаешься... И охоту не любишь. Еще и курить бросил. Просто ангел во плоти. Чем же тебя развлечь? Может,

сыграем в бильярд, что ли?

– Не надо меня развлекать, – улыбнулся ему барон. – Я же не барышня. Лучше занимайся гостями. У меня была безумная неделя на заводе, ужасно устал. Так что я просто наслаждаюсь сегодняшним бездельем. Не беспокойся, я не скучаю.

Сергей Сергеевич внимательно посмотрел на своего лучшего друга, убедился, что с ним все в порядке и отправился составить партию в карты.

Вскоре на аллее, ведущей к высохшему фонтану, Генрих увидел группу дам, сопровождавших Ольгу Васильевну. Она величественно шла среди них подобно императрице в окружении фрейлин. Фон Берг понял, что его заметили, и уйти теперь с его стороны будет просто невежливо. Он обреченно ждал приближающихся к нему весело щебетавших женщин.

Сейчас они его насмерть заговорят о волчонке. И он не ошибся. Не все дамы успели удовлетворить свое любопытство, и теперь снова посыпались восторженные вопросы о том, как все произошло, и что будет дальше. Среди дам была и Екатерина. Наверняка они ее уже обо всем подробно расспросили и не раз. Но, видимо, хотели услышать еще и версию барона.

Фон Берг терпеливо и любезно отвечал на все вопросы. Да, волчонка хотели убить. Да, Екатерина спасла волчонка от верной гибели. Нет, имя ему еще не дали. Имя ему выберет Екатерина. Можете предлагать варианты ей, если желаете. Да, он согласился взять его в поместье. Да, из него вырастит настоящий большой волк. Нет, он никого не съест, когда вырастит. Он будет умным и добрым. Очень добрым. И хорошо воспитанным.

Наконец, Ольга Васильевна решила, что ее фрейлины довольно помучили фон Берга и удовлетворили свое неумное любопытство. Она предложила всем пройтись до живописного пруда и полюбоваться ручными лебедями. Екатерина осталась с Генрихом. Губернаторша одобрительно улыбнулась ей и заговорщицки подмигнула. Было заметно, что ей нравится эта влюбленная пара. Хорошо, что она находится в таком приятном неведении.

– Вы не представляете, сколько вопросов мне задали по поводу этого волчонка, – призналась Екатерина, невольно вздохнув.

– Еще как представляю. Я только что на них же и отвечал, – парировал Генрих, улыбаясь.

Девушка присела рядом:

– Зря я уговорила вас взять его?

Она чувствовала себя будто виноватой. Наивная и добрая – пожалела волчонка и теперь волнуется, что у кого-то возникнут трудности. Ну, если только у Егора... А тот уж как-нибудь это переживет, ему не впервой выполнять дурные прихоти. Правда, раньше эти прихоти исходили только от барона, а теперь еще и от его ученицы.

– Нет, почему зря? – Генрих был сегодня очень благодушно настроен. – Я же говорил, у нас когда-то был волк. Так что пусть живет, не жалко.

– Спасибо. Я буду ним заниматься, правда.

– Верю. Вы сейчас очень похожи на девочку, у которой исполнилось заветное желание, – он по-доброму посмотрел на нее.

Екатерина задумчиво улыбнулась:

– Да, заветное желание маленькой девочки... Жаль, нельзя вернуться в детство. Там все было по-другому. И желания были простые и понятные...

О чем она сейчас думает? Какие у нее желания теперь? Пожалуй, лучше об этом не знать. А ей лучше забыть о некоторых своих желаниях, иначе потом будет очень больно. И он снова станет тому причиной.

Вскоре всех пригласили к столу. Гости постепенно собралось за домом и продолжили обсуждать удачно завершённую охоту. Длинный стол был накрыт белоснежной скатертью. В его центре на огромном серебряном блюде лежал кабан, целиком зажаренный на вертеле. После того, как кабана разделили, он казался уже не таким большим.

Кабанью голову отдали на чучело для коллекции его превосходительства – тот собирал свои охотничьи трофеи и с гордостью размещал их в домашнем кабинете. Сегодняшний трофей займет достойное место где-нибудь над камином.

Тем не менее, размеры жареного кабана все равно внушали уважение. Стол ломился от изысканных кушаний и дорогих напитков. На правах хозяина князь отрезал от туши куски мяса и передавал лакеям. Те быстро и бесшумно подносили их гостям. Радушие и любезность Сергея Сергеевича не имели границ.

Специальные серебряные приборы для дичи с ручками из рога оленя были массивны и изящны одновременно. Лезвия ножей были странной формы с раздвоенным кончиком.

Фон Берг заметил, что Екатерина не знает, как с ними обращаться. Редко кто пользовался такими приборами. Это была дань последней моде в высшем обществе. А Сергей Сергеевич любил следовать моде и делал это с большим вкусом.

– Я предпочитаю есть дичь с ножа, – заметил барон. – Но увы, в обществе так не принято. Поэтому берите пример с меня – сначала порежьте весь кусок, потом пользуйтесь вилкой.

– Но эта вилка такая огромная, ужасно непривычно. У нее всего два зуба – просто средневековое какое-то.

– Так оно и есть – это старинные столовые приборы. Не средневековые, конечно. Это ренессанс. Сергей Сергеевич тонкий ценитель произведений искусства. Эти приборы он купил во Франции на аукционе. Он мне об этом рассказывал и очень гордился своим удачным приобретением. Красивые, но непривычные. За столом несколько комплектов, и все похожи между собой – князь ужасный эстет. Думаю, вы это уже давно заметили.

Екатерина кивнула:

– Да, он однозначно утонченный ценитель прекрасного. Я сегодня видела его коллекцию морских пейзажей. А еще он очень приятный и интересный собеседник. Хороший у вас друг – веселый и галантный.

За столом было оживленно. Кто-то предложил тост за удачный выстрел его превосходительства. Губернатор расплылся в довольной улыбке. Надо отдать ему должное – он был отличный охотник. Потом губернатор предложил выпить за радужного хозяина, который сумел так прекрасно организовать охоту. Далее последовали тосты за прекрасных дам, за удачу, за доблесть и смелость охотников...

Ужин продолжался долго и проходил оживленно. Наступила ночь. Губернатор с супругой и ближайшим окружением отбыли в экипажах в город. Многие гости остались в доме радужного хозяина.

Генрих предложил Екатерине вернуться в поместье утром. Ему не хотелось ночью верхом возвращаться домой – какой смысл тащиться по темной дороге через лес. Лошади могут испугаться ночной птицы или зверя и еще чего доброго понесут. А в темноте это может плохо кончиться. Девушка согласилась.

Оставшиеся гости, видимо, не собирались спать всю ночь. Образовалось несколько групп из игроков в карты. Дамы обсуждали последние новости. Из гостиной доносились звуки рояля. Несколько человек играли в бильярд.

Генрих зашел в библиотеку. Он знал, где может быть его подопечная. И не ошибся. Екатерина сидела там с томиком Шекспира. Видимо, общения с гостями князя на сегодня ей было достаточно.

– Утомились? – спросил ее фон Берг.

Она вздрогнула от неожиданности и улыбнулась:

- Вы меня напугали. Пожалуй, немного устала. Давно не ездил верхом, получила огромное удовольствие. Ромео такой резвый, но очень послушный. Видимо, мне стоит совершенствовать навыки верховой езды.

- Да, это не будет лишним, - согласился барон.

Он подумал, что хорошо было бы составить ей в компанию в верховых прогулках. Но делать этого не стоит. Особенно теперь. Они научились соблюдать дистанцию и при этом сохранили доверительные отношения. Сумели удержать хрупкий баланс, который так легко нарушить.

Девушка вернула книгу в шкаф и повернулась к Генриху:

- Сегодня был очень насыщенный день - я никогда не бывала на подобной охоте. Так много народа. И все наряжены, как на бал. У нас в имении все было просто, и охоты проходили очень незамысловато - двое или трое соседей, скромный ужин.

- Вам не понравилось? Вы еще не освоились в высшем обществе. Безусловно, лицемерие очень утомляет.

- Ольга Васильевна приятная дама, а вот ее окружение и правда любого может свести с ума. Весь день только и разговоров, что о моде и последних сплетнях. Правда, волчонок затмил все. Однако уже очень поздно.

- Да, пора спать. Завтра надо пораньше вернуться домой. Мне нужно на завод. А вам проведать волчонка. Надеюсь, он ведет себя прилично.

- Я тоже на это надеюсь. Вдруг собаки сейчас сходят с ума от его присутствия?

- Это вряд ли. Думаю, Егор пристроит его в подходящее место, чтобы он никого не беспокоил.

Барон проводил Екатерину до ее комнаты:

- Спокойной ночи. Постарайтесь хоть немного поспать - завтра отправимся домой очень рано.

Девушка открыла дверь и оглянулась через плечо, задержавшись на пороге.

- Спокойной ночи. Спасибо вам за волчонка и за то, что потакаете моим капризам.

Она замерла на мгновение и хотела сказать что-то еще. Но передумала, только застенчиво улыбнулась на прощание. У Генриха снова защемило сердце. Он знает, отчего она задержалась на пороге. Можно удержать ее, взять за руку, обнять... Но он этого не сделает и не воспользуется ее минутной слабостью.

Только под утро в доме наступила тишина. Гости, наконец, разошлись по комнатам. Пора было ложиться, но фон Берг не хотел спать. Он сидел на подоконнике и смотрел, как светлеет небо на востоке. Где сейчас Полина? Какие злобные мысли зреют в ее воспаленном мозгу? Он обязан остановить ее. Но ничем хорошим все это не кончится...

Глава 16

Утренняя свежесть холодила лицо, а легкий ветерок игриво трепал волосы. Кони горячились и постоянно переходили с шага на галоп. В воздухе пахло свежескошенным сеном. Екатерина надвинула цилиндр низко на глаза, чтобы защититься от острых косых лучей яркого солнца. Длинный газовый шарф спадал с тульи и развивался у нее за спиной.

Девушка украдкой наблюдала за своим наставником и ругала себя за нерешительность. Почему она ничего не сказала ему? Ведь хотела... Да и говорить ничего не надо было. Просто поцеловать. Разве это так трудно? Да, она нарушила бы данное слово. Но ведь Генрих ждал этого. И пусть он ее не любит. Она ему нравится, если не сказать больше. И это очевидно. Однако скромность остановила девушку. Возможно, она еще не раз пожалеет об этом.

Екатерина глубоко вздохнула и пришпорила коня. Он стремглав понесся вперед, и девушка снова почувствовала себя птицей – свободной и одинокой. Но вскоре наставник догнал ее и взял Ромео под уздцы.

– Я же просил вас не носиться сломя голову, – укоризненно произнес он.

– Простите, не удержалась и поддалась искушению, – теперь она не могла посмотреть ему в глаза.

Она стеснялась своих откровенных мыслей. Да, лучше бы она поддалась искушению этой ночью.

Вернувшись в имение, Екатерина первым делом направилась провести волчонка. Вчера его поместили в сених в доме Егора. Волчонок был накормлен и крепко проспал до утра, свернувшись калачиком в углу на подстилке. Собаки не беспокоились, так как не чуяли его, и ночь в имении прошла спокойно. Обо всем этом девушке рассказала кухарка, которой волчонок тоже понравился. Вечером она долго возилась со зверьком и накормила его до отвала.

– Кто бы мог подумать – дикий зверь! Настоящий волк. А такой хорошенький. Хвостиком виляет, как обычный щенок. Игручий. Толстый – видать, мамка его хорошо кормила. Все-таки жаль ее, хоть и шалила она в деревне. А как волчонок ел жадно – настоящий обжора, – без остановки тараторила кухарка. – Как его Егор прокормит? Придется помогать. Будет в имении настоящий большой волк, как у деда молодого барина. Я того волка хорошо помню – умный был, страсть какой. И не злой вовсе.

Екатерина поняла, что ей предстоит еще долго слушать разговоры о волчонке. Ну, что ж, с этим ничего не поделаешь – не каждый день приносят маленького хищника из леса. Всем любопытно, какой он и что с ним будет. А что может быть дальше? Вырастит большим и красивым волком, умным и ручным. Только надо ему уделять должное внимание и правильно воспитывать. А вот Егору-то все это надо?

Девушка вошла в дом кучера. Тот сидел на табурете и играл с волчонком, пытаясь отобрать у него кусок растерзанного половика. Зверек мотал головой, упирался всеми лапами и игриво рычал.

– Егор, тебе он нравится? – издалека начала девушка. – Его вчера могли убить. А он такой маленький... Прижался ко мне, будто просил защитить. Ну, я его и забрала. Генрих Александрович мне позволил. Мы с ним подумали, вдруг, он тебе приглянется, и ты его возьмешь себе?

Она посмотрела на Егора исподлобья. Может, он все-таки не будет возражать? Тот широко улыбнулся и погладил пышные усы:

– Мне уже сказали, что это ваш подарок для меня.

– Так ты не будешь против? – с надеждой спросила Екатерина. – Он такой милый.

– Нет, конечно. Спасибо. Волчонок мне тоже нравится. Давно хотел завести овчарку. А этот намного лучше.

- Я буду тебе помогать его воспитывать, - пообещала девушка. - Правда.

В комнату вошел фон Берг. У его ног вилась любимая борзая по кличке Вьюга. Он придерживал ее за ошейник.

Волчонок подбежал к борзой и уселся рядом, глядя на нее снизу вверх. Вьюга понюхала щенка, тот ловко лизнул ее в морду и улегся рядом с ее длинными ногами. Собака была поражена такой наглостью. Морда борзой вытянулась еще больше, и глаза округлились до неестественных размеров. От неожиданности она села, с удивлением глядя на маленького нахала. Волчонок снова лизнул ее. Борзая тихо зарычала, и шерсть на ее загривке угрожающе поднялась. Барон крепче взял собаку за ошейник и потрепал по холке:

- Ну, ну... Не злись, Вьюга. Не злись...

Но волчонок рычание не остановило, а только раззадорило. Он радостно рыкнул и кинулся лизать собаку уже без остановки. Борзая обреченно вздохнула и тоже лизнула волчонка в ответ. Тот пришел в неописуемый восторг и радостно завилял хвостом. Вьюга признала его - все-таки это всего лишь маленький щенок, только пахнет лесом.

- Похоже, они подружились, - заметил Генрих.

Он отпустил Вьюгу, и та растянулась на полу, позволив волчонку уткнуться ей в бок. Он видимо, принял ее за волчицу и доверчиво прижался к ней.

- Все идет к тому, что, Вьюга тоже останется жить у меня, - Егор уже был согласен и на это.

- Надеюсь, остальные собаки со временем привыкнут к нему, - фон Берг почесал борзую за ухом и погладил волчонка. - Вы придумали ему имя?

- Может, Грей? - предложила Екатерина.

- Выбор за вами. Но, по-моему, хорошее имя для волка. Егор, а ты что скажешь? Это же тебе подарок, - усмехнулся Генрих.

- Мне тоже нравится это имя. Грей так Грей, - кивнул Егор. И добавил, видимо, заметив усмешку фон Берга. - Я очень доволен подарком, Генрих Александрович. Давно хотел завести собаку. А это волк! Просто отлично.

- Грей по-английски значит «серый», - пояснила девушка Егору.

- I know what this word means, - Егор невольно рассмеялся.

Генрих тоже не смог сдержать широкую улыбку - удивление Екатерины выглядело очень забавно.

- Егор, ты говоришь по-английски? - Екатерина была поражена.

- Yes, my lady, - Егор продолжал улыбаться во весь рот, - Я окончил курсы водителей и механиков в Лондоне. Так захотел Генрих Александрович. Пришлось учить язык.

- Чего еще я не знаю про вас обоих? - поинтересовалась девушка, шутливо изображая возмущение.

- О, много чего еще, - в тон ей ответил фон Берг. - Но все в свое время.

- Егор, ты меня так удивил. Какой же ты молодец!

- Ну, это надо было для дела.

В это время волчонок отошел от Вьюги и начал жевать край скатерти.

- Фу, - резко прикрикнул на него Егор. - Нельзя, Грей.

Волчонок отпустил скатерть и с интересом посмотрел на хозяина - и зачем так кричать? Он уселся на пол, наклонив голову набок.

- Шустрый, много всего порвет и погрызет, пока маленький, - заметил Егор, - Но ничего, будем его учить. Видно, что он смысленный.

Екатерине была приятна поддержка Егора. А Генрих вчера сомневался, что тот обрадуется подобному подарку. И совершенно зря.

- Рад, что тебе понравился подарок Екатерины Павловны. Я не был уверен, что тебе нужен волк, - искренне признался барон. - Хорошо, что все так сложилось. Надеюсь, после следующей охоты она не подарит тебе медведя.

Екатерина звонко рассмеялась:

- Обещаю медведя не дарить.

- Очень на это рассчитываю, - улыбка снова тронула губы Генриха.

- Значит, его имя будет Грей, - констатировала Екатерина и погладила волчонка по спине.

Тот вразвалку подошел к ногам девушки и лизнул ей руку. Видимо, волчонка переполняли благодарность и признательность. А по-другому свои чувства он выражать не умел. Девушка взяла его на руки. Волчонок был тяжелый и пушистый. Он не сопротивлялся и попытался теперь уже лизнуть Екатерину в нос. Она отстранилась и засмеялась:

- Какой он хороший. На волка совсем не похож.

- А на кого же он, по-вашему, похож? - поинтересовался Генрих, невольно усмехнувшись. - На крокодила?

- Не вредничайте. Он похож на щенка овчарки. А вы еще сомневались, понравится ли он Егору? Видите - понравился. Правда, Егор?

- Я уже говорил - очень понравился, - заверил ее Егор.

- Главное, его теперь правильно воспитать. Если ним не заниматься, превратится в обычного дикого зверя, - заметил Генрих.

- Я обещала Егору, что буду ему в этом помогать. Отец в поместье держал собак, и я знаю, как это делать.

Девушка была рада, что Егор не возражал и взял волчонка себе. Нельзя дарить человеку то, что ему совсем не нужно. Конечно, Генрих нашел бы выход. Но опять от нее были бы одни проблемы. Спасла волчонка, а куда его деть, не знает.

Екатерина снова вспомнила о своей страшной ошибке, в результате которой фон Берг едва не погиб. Неприятный холод шевельнулся в душе, и озноб пробежал по телу. Девушка не могла простить себе своей растерянности и беспомощности. Она так подвела своего наставника. Конечно, она уже стала охотником. Но Генрих прав - ей не хватает опыта, выдержки и умения. Ей еще учиться и учиться.

Все книги и рукописи в поместье были прочитаны и подробно изучены. По крупичкам барон и его ученица собрали сведения об опасных ведьмах, их обрядах и способах получения силы. Конечно, целиком картина так и не сложилась. Но подобные книги изучали и другие охотники. Все вместе они обязательно сумеют остановить Полину. У них просто нет другого выхода - необходимо предотвратить гибель невинных людей.

Екатерина привычно собрала старинные книги, сложила их в большой сейф и заперла его. Последнее время она одна читала эти фолианты и делала необходимые записи. Егор и Генрих постоянно были заняты. Девушка не задавала им вопросов - будет надо, сами расскажут. Она не проявляла излишнего любопытства и безоговорочно доверяла своим товарищам.

Однако беспокойство за фон Берга не оставляло девушку. Его любовь к Полине не вызывала ревности, но причиняла боль. Или все-таки она ревновала? Екатерина старалась гнать от себя эти навязчивые мысли.

Она не могла понять, что так привязало Генриха к этой взбалмошной и жестокой женщине. И это ее злило. Неужели он ослеп от своей страсти к роковой красавице? Вот уж кому нужны очки, а не ей! Не вина фон Берга, что Полину он встретил раньше, чем познакомился с ней. Но если Генрих опять не сможет убить Полину, она-то уж наверняка не промахнется. Графиня люто ненавидит своего бывшего любовника и готовится страшно отомстить ему.

Екатерина даже не вспоминала, что Полина пообещала сначала разделаться с ней. За себя девушка не боялась и была уверена в своих силах. Она не испытывает к графине ничего, кроме злости. А вот Генриху с его любовью сейчас очень тяжело. Что он должен теперь чувствовать и как сможет жить с этим?

Ее тревожные мысли нарушил фон Берг. Он вошел в кабинет и протянул девушке большое румяное яблоко.

– Опять Кудрявцевы прислали. Этим летом очень много яблок. Хороший год. Я велел сварить варенье – отец очень любит яблочное и будет рад, когда вернется. А самое красивое принес вам. Кстати, отец написал, что скоро возвращается из своей затянувшейся деловой поездки. К середине сентября будет дома.

Екатерина взяла яблоко двумя руками и погладила его глянцевую кожицу. Оно и в правду было очень красиво – ярко-желтое, с румяным боком. Фон Берг мог очень трогательно порадовать ее какой-нибудь мелочью. Девушка на мгновение задумалась и наконец сказала то, что ее давно тяготило:

– Я думаю, нам пора разорвать нашу фиктивную помолвку. Нехорошо продолжать обманывать вашего отца. Мне всегда было стыдно перед ним за нашу ложь. Александр Львович отнесся ко мне как к родной, а я поступила так вероломно.

– Меня это тоже не украшает. Но я не хочу, чтобы пострадала ваша репутация. Мы будем продолжать появляться на людях вместе. С этим ничего не поделаешь, пока вы моя ученица. И неизвестно, как долго это будет продолжаться.

Легкая улыбка тронула губы девушки:

– Знаете, за это короткое время я многому научилась в Братстве. Меня совсем перестала волновать моя репутация. Пусть думают и говорят все, что угодно, мне все равно. И это мне нравится. Я избавилась от условностей и стала свободна, – она положила яблоко на стол и задумчиво провела по нему тонкими пальцами.

Генрих понимающе кивнул:

– Это хорошо, но ваша репутация должна остаться незапятнанной. Это важно для меня. Поймите, в том, что сейчас происходит, моя вина. И неважно, что вы меня простили. Но если вы так решили, мы разорвем помолвку через месяц, как вернется отец. Вернее, вы ее разорвете. Потому что я не оправдал ваших надежд. Все, как договорились.

– Путь будет так. Я знала, что вы поймете мое решение.

Фон Берг прошелся по кабинету и уселся на край стола. Что-то было не так. Он поправил чернильный прибор и задумчиво произнес:

– Хотя, пожалуй, вы совершенно правы. Если наша фиктивная помолвка сильно затянется, она помешает вам найти достойного человека.

– А вот об этом вам беспокоиться не стоит. Я не хочу, чтобы вы принимали за меня подобные решения, – девушка начала сердиться.

Она не желает, чтобы Генрих так заботился о ней. Свою жизнь она устроит сама, и так, как посчитает нужным. Не ему решать, будет она искать достойного человека или нет.

– Не сердитесь. Я не собираюсь принимать за вас важные решения, поверьте. Безусловно, это не мое дело.

– Да, это вас совсем не касается. Мы договорились, что не будем обсуждать подобные вещи, – она метнула в его сторону гневный взгляд.

Ей тяжело об этом говорить, а он будто нарочно заботится о ее личной жизни и хочет сделать счастливой насильно.

– Да, я помню, и сожалею, что рассердил вас.

– Я не рассердилась, – это была ложь, и девушка решила сменить тему разговора. – А вот что действительно надо обсудить, так это то, что мы будем теперь говорить вашему отцу и как объясним нашу неожиданную дружбу после разрыва помолвки. Или тесное общение, не знаю, как это правильнее назвать, чтобы не вызывать лишних вопросов. Пожалуй, я согласна считаться вашей любовницей. Тем более, вы меня именно так и представили отцу в свое время.

– До сих пор не можете простить мою дурацкую выходку? – Генрих усмехнулся, видимо, вспомнив, чем это закончилось.

– Я уже говорила – простила и не сержусь. Выходка хоть и была дурацкая, но благодаря ей я стала охотником. Но мы отклонились от темы разговора. Помнится, вариант с любовницей вы в свое время рассматривали. Теперь я согласна, все будет выглядеть вполне логично. И прекратите уже заботиться о моей репутации. Я с этим разберусь как-нибудь сама, без посторонней помощи.

– Нет, теперь я не соглашусь на это. Тогда я еще не знал вас и мог предложить подобную бестактность. Теперь однозначно нет – я слишком вас уважаю. Что говорить отцу, мы придумаем позже. Сейчас я хотел бы поговорить с вами о другом. Собственно, за этим я и искал вас.

Екатерина насторожилась. Генрих последние дни был очень задумчив и отстранен. Это стало особенно заметно после их встречи с Полиной. Конечно, ему сейчас очень тяжело. Он пытается защитить Екатерину, заботится о ней, а она так накинута на него.

– Так о чем же вы хотели поговорить? – ее голос звучал теперь немного мягче.

– На днях меня и Егора вызывал Магистр. Стало более или менее понятно, что произошло с Полиной, и как она стала такой опасной. Если она и правда хочет собрать под свое начало других ведьм, ей придется позвать их всех на шабаш в полнолуние. Надо будет провести сложный обряд. Без этого они не смогут набраться сил. А Полине после ранения это особенно нужно. У Братства есть осведомители, и мы почти наверняка знаем место, где они соберутся. А полнолуние наступит очень скоро.

– Значит, мы сможем с этим покончить раз и навсегда? – девушка дипломатично не употребила слово «уничтожить».

Ведь среди них будет Полина. А ее надо ликвидировать в первую очередь.

– Да, и этот шанс упустить нельзя, – он взял со стола нож для бумаг и повертел его в руках.

Генрих что-то не договаривал. Екатерина смотрела на своего наставника и ждала, что он скажет дальше. Молчание затягивалось.

– Сегодня днем было заседание Совета, – продолжил Генрих. – На шабаше будет немного ведьм, это известно доподлинно. Полине пока не удалось собрать многочисленную армию последовательниц, о чем она так мечтала. И это хорошо. Она не сможет быстро осуществить свой чудовищный план.

– Да, это действительно доброе известие, – согласилась Екатерина.

Она была по-прежнему насторожена. Генрих внимательно рассматривал нож для бумаг.

– Совет выбрал охотников, которые пойдут туда. Мы с Егором в их числе.

– А я? – Екатерина все поняла.

Ее не берут, потому, что ей не доверяют. Она беспомощна, нерешительна, труслива, и вообще, она – каменная баба. Магистр был абсолютно прав на ее счет.

– Нет, вас там не будет, – подтвердил фон Берг и твердо посмотрел ей в лицо. – У вас не хватает опыта.

– Говорите правду, – у Екатерины срывался голос. – Мне не верят из-за того случая, когда вы едва не погибли. Я жалкая бездарность, на которую нельзя положиться. Это так и есть. Все правильно.

Она села на диван, и вся поникла. Девушка была раздавлена и несчастна. Барон присел рядом с ней и взял ее за руку:

– Нет, это не так, поверьте. Но не хочу лгать. Да, я был против, чтобы вы пошли с нами. И Егор тоже. Но не потому, что не доверяю вам. Вовсе нет. У вас пока и правда недостаточно мастерства. И вы об этом сами отлично знаете.

– Неужели лишний охотник вам мешает? – она посмотрела ему в глаза и поняла, что он просто беспокоится о ней. Генрих ей доверяет. Тут дело совсем в другом. – Пожалуйста, скажите правду, почему вы против?

– Вы еще не закончили обучение, у вас недостаточно хорошая реакция. Вы бываете невнимательны, на тренировках часто пропускаете удары. Не обижайтесь, но вы будете мне только мешать. Мне придется постоянно следить за вами, и это будет меня отвлекать. И меня, и Егора. Мы ваши товарищи, и оба не можем просто оставить вас без присмотра. Вместо того чтобы сосредоточиться на ведьмах, я буду наблюдать за вами. И там будет Полина... – он замолчал.

Видимо, мысли о бывшей любовнице не оставляли его ни на минуту. Фон Берг прошелся по кабинету, сел на край посменного стола и продолжил:

– Ваше присутствие не облегчит мою задачу – я обязан уничтожить Полину. А у нее на вас определенные планы, если помните. Так что я должен буду постоянно находиться рядом с вами.

– Да, конечно, я все понимаю, – беспомощность и ненужность удручала девушку. – И вы, как всегда, правы.

– Не расстраивайтесь понапрасну. Вы уже многое сделали для Братства. А ведь вы в нем всего-то два месяца. Вы ухитрились за короткое время просмотреть мою обширную библиотеку и найти очень важные для нас сведения. Не говоря уже о вашей первой ведьме – вы справились с ней в одиночку.

– Да уж, ценный охотник, который сидит в библиотеке и переписывает книги, – Екатерина горько усмехнулась. – Не пытайтесь убедить меня в моей пользе для Братства. А моя первая ведьма была не опасна. Магистр сам сказал об этом. От меня одни проблемы. И вы это тоже прекрасно знаете.

Наставник тепло посмотрел на свою ученицу, и легкая улыбка тронула его губы:

– Вы закончите обучение и будете приносить еще больше пользы и Братству, и городу. Приободритесь. Всеу свое время. Научитесь ждать – это очень важно. Вот чего вам действительно не хватает, так это выдержки. Вы ведете себя сейчас как ребенок, который хочет быстрее вырасти и сердится от того, что это невозможно.

Конечно, он был прав. Екатерина пристально посмотрела ему в глаза:

– Вы обещаете, что будете осторожны?

Он не отвел взгляда, но смотрел на нее как-то по-особенному:

– Конечно, я буду осторожен.

Что-то тревожное невесомой тенью коснулось ее. Что-то было не так в его взгляде. Она чувствовала это.

– Я не знаю, что со мной, – призналась девушка. – Я словно боюсь чего-то. И я волнуюсь за вас.

– Не стоит, поверьте. Конечно, Полина и мои чувства к ней... – он осекся, видимо поняв, что сказал лишнее. – Все образуетя. Не принимайте все так близко к сердцу.

Зачем он опять вспомнил графиню? Екатерина все прекрасно поняла еще на заводе. И сказала ему об этом. Но все-таки ее злит эта необъяснимая страсть Генриха к высокомерной красавице графине. Так зачем он снова травит душу и себе, и ей? Словно нарочно хочет разозлить ее...

Она ощутила злую досаду и неприятный приступ ревности. Все-таки в глубине души она ревновала, хотя и пыталась убедить себя в обратном. Даже когда Полина будет убита, это чувство не покинет ее. Генрих любит эту порочную женщину вопреки здравому смыслу. Так любовь всегда идет вопреки чему-то. И Екатерина тоже не сможет изменить своим чувствам к этому упрямому барону. Она не менее упряма.

Что он только нашел в этой графине? Конечно, она безумно красива, а для мужчины это очень важно. Важнее, чем характер и душа. Мужчины любят глазами, это доподлинно известно.

Однако теперь Екатерину волновало что-то совсем другое, а не роковая любовь ее наставника к Полине. Знать бы еще, что именно...

Глава 17

Больше они не возвращались к этой теме. Все шло своим чередом, один день сменял другой. Никаких поручений от Братства Екатерина не получала, все книги в поместье по ведьмам она выучила почти наизусть и ничего нового найти в них уже не могла.

По утрам Екатерина занималась в фехтовальном зале с Генрихом или Егором. Или, когда ночевала в городе, ходила к своему тренеру. Тот хвалил девушку, но каждый раз повторял, что ей еще многому надо научиться. А Екатерина считала, что ее умение владеть ножом близко к совершенству. Тем более что ее способность усиливать удар давал явное преимущество перед противником. Серебряный перстень с изумрудом, подаренный господином Маришем, оказался очень полезен. Он улучшал реакцию и периферийное зрение, что немаловажно для охотника. Но для своих товарищей Екатерина все еще оставалась учеником. Однако теперь девушка относилась к этому спокойно – с ними ей пока в мастерстве все-таки не сравниться, так что им виднее.

Последние дни перед новолунием Екатерина почти все время проводила в поместье. Она помнила свое обещание и помогала Егору воспитывать Грея. Волчонок и правда оказался очень смышленным. Он быстро освоил основные команды, перестал грызть мебель в доме своего хозяина и даже не задушил ни одной курицы во дворе. Собаки тоже привыкли к волчонку, а Вьюга взяла его под свое покровительство. Они подружились и вместе весело носились по всему поместью.

Странное предчувствие больше не посещало девушку, и она решила, что это просто нервы и обида от того, что ее все еще считают недостаточно опытным охотником.

Но о Полине и Генрихе она думала непрестанно. И чем больше пыталась понять эту странную и болезненную любовь ее наставника к жестокой преступнице, тем больше злилась. Сколько бы девушка ни убеждала себя, что барон не виноват в своих чувствах, она не могла найти ему оправдания и понять это. Как он может не видеть, что Екатерина готова на все ради него? А ведь Полина не любит никого, кроме себя. И никогда не любила. Но мужчины очень странные существа. И ужасно упрямые. Если бы фон Берг понял свою ошибку, ему стало бы намного легче, и не было бы этих душевных терзаний. Ни у него, ни у Екатерины.

Новолуние приближалось, но беспокойства это у девушки не вызывало. Екатерина смирилась с тем, что пока не готова к выполнению серьезных заданий Братства. Она и правда только помешает. Генрих как всегда прав. Он будет отвлекаться на нее, а это подвергнет его опасности. Надо набраться терпения и научиться ждать.

Алексей несколько раз заезжал в поместье. Он теперь не чувствовал себя здесь неуютно, ведь кроме Екатерины он еще посещал и Генриха. Они сидели втроем, пили чай и болтали о пустяках. Девушка перестала сердиться из-за их общения – в конце концов, это не ее дело. Конечно, глупо ревновать своего лучшего друга к наставнику – мужская дружба понятна только мужчинам. Пусть они вместе ходят по ресторанам и клубам. Даже к мадам Лулу. У мужчин свои интересы, они же не монахи. Насчет девочек мадам Лулу она, конечно же, лукавила. Ходит ли туда Алексей, ее не волновало. Но Генрих... Она очень надеялась, что ее друг детства скажет правду и барон больше не является завсегдатаем этого закрытого мужского клуба.

Все чаще Екатерина возвращалась к мысли о том, что готова занять место на втором плане в сердце своего наставника. Если только такое бывает. Генрих ее не любит, но она пойдет за ним, куда бы он ни позвал. Ведь очевидно, что фон Берг все-таки неравнодушен к ней. Пусть и не любит, но он... Желает ее? Жаль, что его благородство мешает сделать этот последний шаг и переступить черту условностей и приличий. Безусловно, фон Берг никогда не поставит ученицу в один ряд со своими бывшими любовницами или девочками мадам Лулу, даже если она не будет возражать...

От таких откровенных мыслей Екатерине становилось стыдно. Неужели она готова стать любовницей? Пожалуй, если нет других вариантов. Хоть ненадолго ощутить иллюзию любви. Но у таких отношений нет будущего. Так и у ее чувств тоже нет будущего. Однако Генрих никогда не посмеет предложить ей что-то подобное. Он сам говорил об этом, и не раз. Слишком ее уважает и ценит. И она не сможет произнести подобное вслух.

В поместье князя Апухтина, когда они ночью стояли на пороге ее комнаты, девушка перехватила взгляд барона. Он смотрел на нее по-особенному. Но как? С любовью? Или с вожделением? Нет, это было не просто желание, а нечто большее. Пусть не любовь. Но что тогда? Сотни вопросов теснились в голове девушки. Почему она сама ничего не сказала и не сделала? Ведь ей безумно хотелось, чтобы он ее обнял, поцеловал. Как совсем недавно, когда они были так недолго счастливы. Тогда фон Берг не думал о Полине. Так почему все поменялось, что произошло?

Но Генрих не хочет видеть Екатерину своей любовницей. Точнее, боится оскорбить и обидеть девушку. Он не любит ее, и не может сделать несчастной ради минутной мужской слабости. Девушка почувствовала, как слезы подступают к горлу и глаза становятся влажными. У ее любви нет будущего...

Накануне полнолуния Генрих остался в поместье. Он собирался вместе с Егором отправиться в назначенное место, где должен был состояться шабаш ведьм. Где-то за городом, в заброшенной мельнице на ручье. Для него подобное являлось обычным делом – через сколько опасных испытаний он уже прошел. Екатерина видела, что ее наставник собран и спокоен, и тоже не волновалась. Рядом с ним будет много охотников и все опытные и умелые. Они всегда помогают и страхуют друг друга.

Для Екатерины такая крупная операция была в новинку. То, что на шабаше будет так много охотников, говорило о масштабе и опасности предстоящего сражения. И ближе к вечеру ее начало обуревать беспокойство. Но девушка не подавала вида, чтобы попусту не волновать своих товарищей.

Екатерина проводила Генриха и Егора. Они простились буднично, будто отбывали не на опасную охоту, а просто по делу на завод или в город.

Кровавое солнце коснулось горизонта. Через несколько минут наступили вечерние сумерки. Стало свежо. Застрекотали кузнечики. Дым далекого костра низко стелился по земле. В воздухе пахло приближающейся осенью. Огромная розовая луна поднялась в небо и придала пейзажу фантастический и загадочный вид.

Девушка не собиралась ложиться до возвращения своих товарищей. Она пошла в кабинет Генриха и снова принялась изучать старинные книги. Не потому, что в этом была необходимость, а просто, чтобы скоротать время. Теперь она подбирала материал по минералам и их применению в медицине. Она увлеклась разбором фолиантов и закончила делать пометки, когда уже начало светать.

Екатерина поняла, что Генрих и Егор сильно задерживаются. Шабаш должен был начаться в полночь. Сражение не могло занять несколько часов. Возможно, возникла необходимость что-то обсудить, или Магистр пожелал зачем-то собрать всех вместе. Но время шло, и она начала волноваться.

Небо на востоке неумолимо быстро светлело. Взошло солнце. Девушка вышла на террасу и зябко закуталась в шаль – утренники были уже очень свежи. Дорога оставалась пуста и безлюдна. Теперь ее накрыла паника. Сердце бешено билось в груди, подобно пойманной птице. Что-то однозначно случилось! Они должны уже давно вернуться.

Екатерина быстро вернулась в кабинет Генриха и позвонила доктору Никитину – он тоже должен был участвовать в операции. Врач трубку не взял. Так что же все-таки происходит? Она начала нервно ходить по кабинету. Ее ладони стали холодными, и озноб пробежал по всему телу.

Больше звонить было некому – из-за конспирации в Братстве телефонами не пользовались. А девушка не знала, кто еще из ее знакомых мог принимать участие в операции и кому можно позвонить и узнать, что случилось. Оставалось добраться до города и пойти в Братство, но это займет много времени. Однако другого выхода нет. Екатерина решительно направилась к двери, чтобы немедленно собраться и поехать в Златогорск.

Неожиданно она услышала шаги и испугалась. Шел один человек, и это был Егор. Конечно, шаги Генриха она никогда не спутает. Екатерина бросилась к двери и порывисто распахнула ее. Егор молча вошел в комнату. Он не смотрел на нее.

- Что? - выдохнула она и не узнала свой внезапно охрипший голос.

Егор молчал. Он был бледен. Левая рука перебинтована. Кровь на его виске запеклась и была черна.

Егор протянул руку и разжал кулак. На ладони лежал гладкий стальной медальон на длинной цепочке. Такой был у каждого охотника, с гравировкой внутри, его именем, датами рождения и обретения Дара.

Девушка дрожащими пальцами дотронулась до испачканного в крови медальона, и ее словно пронзило электрическим током. Она все поняла. Ее сердце сжалось и упало в холодную бездну.

- Их было слишком много, - тихо сказал Егор. - Мы не ожидали...

Екатерина подошла к столу и начала складывать книги. Она долго и аккуратно собирала их, затем приблизилась к сейфу и положила книги на место. Заперла его и обернулась к Егору. И тут поняла, что не может говорить.

Девушка села на край дивана, продолжая сжимать в руке ключ от сейфа. Она ничего не чувствовала. Внутри была пустота и сама она оказалась словно в вакууме. Слез не было, отчаяния не было. Не было даже мыслей.

Резкий ветер распахнул окно, тонко и жалобно звякнули стекла. Он пронесся по комнате и обдал Екатерину холодом. Егор сел рядом с ней. Он тоже молчал. Говорить было не о чем. Громко стучали напольные часы в застекленном футляре. Этот мерный звук раздавался в ее голове, как удары похоронного колокола. Екатерина не знала, сколько это продолжалось. Егор осторожно тронул ее за руку. Она не реагировала, продолжая сидеть так же неподвижно.

- Екатерина Павловна, - тихонько позвал он.

Девушка молчала и смотрела в пустоту остановившимся взглядом.

- Дать вам воды? Или, может, вина немного?

- Нет, - Екатерина покачала головой и не узнала свой голос, он звучал где-то далеко и был чужим. - Ничего не надо. Со мной все в порядке. Иди. Я еще посижу здесь. Иди...

Егор ушел, но через несколько минут вернулся с крепким и сладким чаем. Она молча и покорно выпила его. Все ее действия были механическими.

- Вам лучше прилечь. Пойдемте, я провожу вас в комнату, - Егор заботливо тронул ее за локоть. - Прошу вас, пойдемте.

- Нет, я останусь здесь, - девушка говорила спокойно, но без эмоций.

Она положила бархатную подушку около подлокотника дивана и легла, свернувшись калачиком. Егор принес плед и укрыл ее. Он осторожно забрал ключ, который она продолжала держать в руке. Екатерина покорно отдала его. Пришла ее горничная Аннушка. Спросила, не желает ли девушка хоть немного поесть. Нет, она ничего не хотела. Ей было просто все равно. Аннушка села в кресло, стоявшее в углу. Егор неслышными шагами вышел из кабинета и тихо закрыл двери.

Девушка видела и слышала все, что происходило вокруг с необыкновенной ясностью. Она замечала все мелочи, и они безжалостно врезались в ее мозг как осколки стекла. Но Екатерина будто наблюдала за всем со стороны.

Впереди у нее ничего не было. Сегодня ее жизнь закончилась.

Глава 18

В полутемном захламленном кабинете зазвонил телефон. Доктор Никитин болезненно поморщился и не спеша снял тяжелую трубку. Он уже знал, что это Егор. Врач ждал его звонка. С Екатериной плохо, Никитин даже не сомневался, что это именно так. Он не ошибся. Егор рассказал, как девушка приняла тяжелое известие, и просил помощи. Доктор внимательно выслушал рассказ своего товарища и согласился поехать с ним, посмотреть, что можно сделать, или хотя бы попытаться поговорить с Екатериной и вывести ее из этого странного состояния. Никитин не сомневался, что это апатия, а для молодой девушки это может быть очень опасно.

Конечно, сама Екатерина с горем не справится. Такой удар трудно перенести без последствий. И Егор мало чем сможет ей помочь. Нетрудно было догадаться, что для бедной девушки гибель ее наставника станет страшным потрясением. Тем более, она его любит. Это очевидно даже для слепого. Врач видел, как девушка переживала за фон Берга, когда того серьезно ранила Полина. Это было не просто сочувствие ученицы к своему наставнику. Да она его, собственно, и спасла своим даром. Врач помочь при таком серьезном ранении уже ничем не мог, хотя и приложил все усилия. А она сидела около фон Берга всю ночь и сумела вернуть к жизни. Буквально вытащила с того света. И барон к ней тоже неравнодушен – как он держал ее за руку, как смотрел на нее! На тот момент это выглядело забавно и глупо. Ловелас и эгоист безумно влюблен в наивную неопытную девушку.

Тогда врач задавал себе единственный вопрос – зачем Екатерина вообще сдалась фон Бергу, что он с ней будет делать? Как любовница она, скорее всего, никакая. Скромная, застенчивая. Уж точно с роскошной графиней Рокотовой не сравнить. Как жена тем более неинтересна. Еще и бесприданница. Но оказалось, что он очень глубоко ошибался. Циничный доктор был приятно удивлен. А уж его удивить было очень сложно. Все-таки есть на свете настоящая любовь. Тем печальнее, что все так обернулось.

Никитин сердито прошелся по комнате и уставился в мутное зеркало на стене. Надо приказать его вымыть. С противоположной стороны запыленного стекла на него смотрел недовольный человек неопределенного возраста с залысинами и в пенсне на широком носу. Мерзкая циничная рожа. На душе у доктора стало совсем пакостно. Беспомощность злила его и сводила с ума. Он был раздражен, и это не имело никакого смысла. Так бывало всегда, когда он не мог помочь своим товарищам.

Никитин нервно закурил и рухнул в глубокое кресло, где обычно сидели его пациенты. Кресло жалобно скрипнуло. Доктор стряхивал пепел прямо на пол. Искать пепельницу не хотелось. Да и где ее в этом беспорядке найдешь? Служанка будет недовольно бухтеть, ну и ладно. Это ее обязанность, он ей за это платит. Так что пусть делает свое дело как положено. И вообще пора привести кабинет в надлежащий вид. Раз хозяин занят, можно ничего не делать, и пусть дом станет похож на свинарник? Слово ее это не касается. Марфа здесь уже неделю не убирала, не меньше. Дура и лентяйка. Никитин отогнал от себя злые мысли. Служанка не дура, конечно. И не виновата в его отвратительном настроении. Никто не виноват. Никитин глубоко затянулся сигаретой и начал внимательно изучать потолок. Идиотская ситуация. Абсурдная.

Его обязанность помочь несчастной девушке. А как это сделать, он не знает. Егор рассказал о ее состоянии в общих чертах. Естественно, хорошего мало. Она молода, должна справиться. А если не сможет? Кто будет во всем этом виноват?

Егор приехал, когда уже наступили сумерки. Он вошел в кабинет доктора и остановился на пороге. Никитин тяжело поднялся ему навстречу и пожал руку.

– Все так же? – спросил он.

Бессмысленный вопрос, раз ответ очевиден. Что могло измениться за это время? Ничего... Абсолютно ничего...

– Да, все так же. Не знаю, что делать, Викентий Васильевич, – озабоченно признался Егор. – Она словно окаменела. Не плачет. Просто лежит и даже не шевелиться. Не ест, не пьет. Спать тоже не хочет. Смотрит в пустоту, даже страшно становится. Будто умерла...

- Это очень плохо, – безжалостно констатировал доктор и с шумом выдохнул. – Апатия до добра не доводит, зловредная штука. Никогда не знаешь, чем она может закончиться. Лишь бы руки на себя не наложила, или с ума не сошла от горя. Надо за ней постоянно присматривать.

- На этот счет не беспокойтесь, тут все в порядке. Аннушка присматривает. Глаз с нее не сводит.

- Хотя это хорошо, – удовлетворенно хмыкнул врач. – Курить будешь?

Никитин протянул Егору портсигар, хотя и знал, что тот давно уже не курит. Но в такой ситуации вполне мог вернуться к вредной привычке. Тот отрицательно мотнул головой.

- Нет, не буду, спасибо... Если с ней что-то случится, я этого себе не прощу, – сокрушенно произнес Егор. – На нее невозможно смотреть, сердце кровью обливается.

- Надеюсь, все обойдется. Все-таки она молода и рассудительна. Хотя, о чем я говорю? Какая рассудительность? Я себе тоже не прощу, если с ней что-нибудь случится. И не только я. Нам с тобой оторвут головы, и это будет правильно. Поехали, посмотрю, что можно сделать, и чем я могу помочь. Не хотелось бы давать ей морфий, но, возможно, она без него не уснет.

Никитин еще раз проверил содержимое своего врачебного саквояжа, с сомнением покрутил в руках какую-то склянку с таблетками, вернул ее на место, с шумом захлопнул чемоданчик и последовал за Егором к выходу.

Екатерина все так же лежала на диване в кабинете Генриха. Грустная горничная доверительно сообщила, что девушка не ела весь день и не спала ни минутки. Просто лежала с открытыми глазами и смотрела в пустоту. Аннушка была печальна. Все это время она сидела в углу, наблюдая за своей госпожой и украдкой вздыхая.

Врач шумно пододвинул стул и присел рядом с диваном. Резкий звук диссонансом разнесся по комнате. Екатерина безразличным голосом ответила на приветствие и даже не взглянула на Никитина. Он наклонился к девушке и стал расспрашивать о ее самочувствии. Екатерина равнодушно отвечала на все вопросы, не поворачивая головы и не глядя на собеседника. Нет, у нее ничего не болит. Она не хочет есть. Не хочет спать. Она хочет, чтобы все ушли. Не надо о ней беспокоиться. Все нормально.

- Нет, голубушка, так нельзя, – доктор сочувственно смотрел на нее. – Вам надо хотя бы немного поесть. Пусть через силу, заставьте себя.

- Зачем? – бесцветным голосом спросила Екатерина.

Врач пощупал ее пульс – он был ровный и спокойный.

- Екатерина Павловна, я не уйду, пока вы не поедите, – категорично заявил врач. – Вам необходимо набраться сил. Вы на себя не похожи, бледны, как мел. Вы в голодный обморок упасть можете.

Девушка ничего не ответила. Возможно, она даже не слышала, что сказал доктор. Аннушка принесла на подносе два пирожка и чай и поставила на стуле перед диваном. Девушка села, поджав под себя ноги. Она была бледна, ее взгляд потух. Екатерина покорно съела пирожки и запила их чаем. Она снова легла на диван и натянула на себя плюшевый плед. Будто закрылась в раковине от всего мира. Как до нее теперь достучаться?

- Ну вот, это уже хорошо. Теперь вам надо поспать, – ласково сказал доктор, погладил девушку по плечу и протянул ей две таблетки и стакан воды. – Выпейте это и сможете заснуть.

- Нет, не надо. Я не буду спать.

- Вы должны поспать, слышите? Должны, – продолжал настаивать врач.

- Я не буду спать, – повторила девушка.

- Почему? - всегда циничный доктор сегодня был деликатен и терпелив как никогда.

- Если я усну, я забуду, что произошло. А когда проснусь... не сразу вспомню, что случилось. И все повторится снова. Я не могу спать.

- Милая моя, вам надо пережить эту утрату. Это больно и тяжело, но вы молоды, у вас все впереди. Жизнь не кончена, поверьте.

- Для меня кончена. Я не хочу жить. Не могу...

- Я понимаю, что вы любили своего наставника. И он не хотел бы, чтобы вы потеряли всякий интерес к жизни. Да вы и сами знаете об этом. Ведь, правда?

- Нет, я не любила его, вы заблуждаетесь, - голос ее по-прежнему звучал спокойно, без эмоций. - Я люблю его. И всегда буду любить. А остальное теперь неважно.

Врач понимающе смотрел на нее, но мягко продолжал настаивать:

- Прошу вас, выпейте. Вы ничего не забудете, но наберетесь сил. Это вам теперь просто необходимо.

- Пожалуйста, идите. Я хочу остаться одна.

- Через день возвращается Александр Львович, ему нужна будет ваша поддержка. Он потерял старшего сына. Кто лучше вас сможет стать ему опорой в это тяжелое для него время?

- Я ничем не смогу ему помочь. Я больше ничего не могу.

Доктор понимал, что Екатерина находится в полной апатии, и как ее вернуть к действительности, он не знал. Всегда циничный и беспардонный, он сейчас переживал за девушку, как ни за кого другого.

Сколько на своем веку он видел страшных ранений, скольких своих товарищей по Братству не смог спасти. Его цинизм частенько помогал пережить эти тяжелые потери. Но теперь он был беспомощен, и его сердце сжималось от жалости к несчастной девушке.

- Послушайте меня, прошу вас. Я разделяю ваше горе, - врач боялся произнести имя барона, чтобы еще больше не ранить Екатерину. - Мы были товарищами, и мне тоже сейчас тяжело. И не мне одному. Подумайте о Егоре. Об отце и младшем брате вашего наставника. Так не усугубляйте нашу печаль вашим состоянием. Мне невыносимо видеть вас такой.

- Вы требуете от меня невозможного. Но я постараюсь.

Она взяла у доктора таблетки и на мгновение замерла.

- Вам меня жаль? - спросила она, странно глядя в глаза врача.

Он молча кивнул, и его пенсне печально блеснуло в полумраке комнаты. Конечно, ему бесконечно жалко эту молодую девушку, которая так рано столкнулась с безутешным горем. Он готов помочь, но не знает, как это сделать.

Екатерина продолжала смотреть ему в лицо, и в ее глазах будто вспыхнул странный свет. Она несколько оживилась, но это не предвещало ничего хорошего. Доктор понял, что она задумала что-то страшное, и невольно содрогнулся. Об этом нетрудно было догадаться, и именно этого Никитин боялся больше всего.

- Дайте мне много таблеток. Я не хочу больше просыпаться. Прошу вас, - Екатерина умоляюще смотрела на него. - Или еще чего-нибудь. Вы же понимаете, о чем я?

Врач с ужасом посмотрел на девушку и сердито замахал руками:

- Вы с ума сошли! Так нельзя. Нет, нет, и еще раз нет!

- Я трусиха. Сама не сумею. Помогите мне, пожалуйста...

– Нет, Екатерина Павловна. Даже не смейте думать об этом, – уже мягко произнес доктор. – Что бы сказал на это ваш наставник? Подумайте о тех, кому вы дороги. Считаете, им мало одной потери? Это будет жестоко по отношению к ним. Вы молоды и обязаны продолжать жить, хотя бы ради Александра Львовича. У него слабое сердце и ему как никогда будут необходимы поддержка и сочувствие. Именно ваши. Ведь ближе вас у него теперь никого нет. Андрей еще слишком мал, ему вообще пока ничего не сказали. Вы должны приободриться, и это нужно не только вам.

Врач сумел разговорить Екатерину. В ее глазах отразилось сожаление. Хотя какое-то проявление чувств.

– Простите, вы правы. Так нельзя. Я веду себя как последняя эгоистка. Я совсем забыла о других. Конечно, плохо не только мне.

– Обещайте, что не будете больше думать о таких ужасных вещах, – попросил доктор.

– Не буду. Не беспокойтесь об этом, – кивнула Екатерина.

Пожалуй, она сдержит слово. Никитин надеялся, что больше дурные мысли не посетят бедную девочку. Ей надо продержаться около месяца. Потом станет легче, и жизнь пойдет на лад. Молодость всегда берет свое, а Екатерина не исключение.

Девушка выпила таблетки и закрыла глаза. Скоро она погрузилась в сон. Врач снова пощупал ее пульс. Он был по-прежнему ровный. Апатия Екатерины беспокоила его. Она не плакала, не билась в истерике, как на ее месте вели бы себя большинство женщин. Ее горе забилося внутрь и сжигало девушку медленно и безжалостно. Она очень молода... Как ей пережить такой удар?

В комнате было очень тихо. Аннушка продолжала сидеть в углу в кресле и боялась пошевелиться, чтобы не разбудить Екатерину. Господин Никитин мог уходить – девушка уснула. Но то был не сон, а, скорее, тяжелое забытие. Ее веки болезненно вздрагивали, дыхание стало неровным. Но, по крайней мере, хоть какие-то эмоции. Врач прекрасно понимал, что такой сон не принесет облегчения его пациентке. Но сил у нее прибавится. До утра она не выйдет из этого странного состояния.

Совсем недавно Екатерина была готова убить циничного доктора за то, что он не мог помочь ее наставнику. Она кричала на него, злилась, умоляла. А теперь девушка как окаменела. Ни горя, ни слез, ни гнева.

Доктор понял, что не может оставить ее без присмотра. Выполнит ли она свое обещание? Или это просто отмашка, чтобы ее оставили в покое? Что еще придет в голову отчаявшейся девушке? Как вернуть ее к жизни? Никитин осторожно поставил кресло у дивана и накинул себе на ноги плед. На ночь он останется здесь. Он будет рядом, сколько потребуется, и постарается помочь. Только чем тут поможешь? Никитин смотрел в лицо девушки – бескровное, печальное. Завтра она проснется и будет по-прежнему несчастна. Вскоре задремал и доктор.

Кабинет погрузился в тяжелую липкую тишину. В воздухе витал запах лекарств и спирта. От этого комната становилась похожей на палату в больнице. Ночник светился слабым болезненным светом и отбрасывал причудливые тени на пол и на стены.

Врач сказал правду. Когда Екатерина очнулась от тяжелого сна и открыла глаза, она все помнила. Доктор сидел рядом. Он был тут всю ночь, переживал за нее, оберегал ее сон. Он вовсе не циник, а деликатный человек и хороший врач. Только ей помочь ничем не сможет. Так зачем же тратить на нее время попусту?

В комнате по-прежнему царил полумрак. Окна были задернуты плотными серыми шторами. Со стены на девушку смотрели портреты родителей Генриха. Ей всегда нравилось, что Генрих так трогательно любит их. Теперь они, как показалось Екатерине, укоризненно глядели на нее.

Доктор прав, Александр Львович в своей жизни терял много близких – дважды овдовел, теперь погиб его старший сын... Она должна поддержать его, стать сильной. Только это очень и очень трудно. Где взять эти силы?

Никитин по-доброму посмотрел на девушку и взял за руку.

– Как вы себя чувствуете? – осторожно спросил он, словно боясь невольно обидеть ее таким вопросом.

Какой он тактичный. Но ей это не нужно. Ей ничего не нужно.

– Хорошо, – чуть слышно ответила Екатерина.

Это была правда. Раз ничего не болит, значит – хорошо. Как может болеть пустота? А у нее пусто и на душе, и на сердце. Врач снова пощупал ее пульс – бесполезное занятие, он теперь всегда будет ровным. Всю оставшуюся жизнь. Она сможет смотреть ведьме в глаза, и та ее не заметит. Не надо будет скользить взглядом, унимать сердцебиение. Ведьмы чувствуют эмоции и переживания охотника. У Екатерины их теперь нет.

– Я приду вечером, – тихо сказал Никитин.

– Не стоит. У вас есть настоящие пациенты. Не тратьте на меня свое время. Я хорошо себя чувствую, правда. И ничего с собой не сделаю, обещаю. Идите, идете... – Екатерина по-прежнему говорила спокойно и отрешенно.

Доктор раскланялся и молча вышел из комнаты.

Все происходящее дальше девушка видела словно со стороны. Даже себя. Она машинально поднялась с дивана, прошла к себе в комнату. Ей казалось, что шла она очень долго. Коридор был бесконечным.

За окнами светило солнце и бросало яркие блики на пол. Стайка стрижей с писком весело носилась в воздухе. Любимая борзая Генриха бегала по двору, играя с волчонком. Грей был рад и весело вилял хвостиком. Сейчас все это выглядело неуместно.

Дойдя до своей комнаты, Екатерина села на кровать – она обессилела, и ей не хватало воздуха. Она долго не могла отдышаться, не могла даже просто пошевелиться. Высокое напольное зеркало было затянуто черной тканью и напоминало дверь, ведущую в другой мир. Уйти бы туда навсегда... Наконец, девушка поднялась с кровати и пошла в ванную. Умылась и причесалась, все, как делала каждый день. Буднично и привычно.

Подошла к шкафу и открыла резные дубовые дверцы. На нее пахло терпким горьковатым ароматом заграничных духов. Генриху они нравились. Он говорил, что не любит приторные запахи. Эти она выбирала специально для него. И не ошиблась.

Девушка скользнула взглядом по своему гардеробу. Черное шелковое платье было вечерним, вызывающе красивым. Его она надевала, когда вместе с Генрихом отправлялась в загородный ночной клуб «Летучая мышь». Екатерина скользнула ладонью по блестящему шелку. Он был прохладный и гладкий. Можно теперь кому-нибудь отдать его. И бальное платье тоже. Больше они ей не понадобятся, а кого-то могут порадовать.

Надо позвонить мадемуазель Корде и заказать траурное платье. Но она этого делать не будет. Подобная суеда ни к чему. Фальшивая невеста, несостоявшаяся любовница, бездарная ученица – кого она должна поразить показным горем?

Екатерина сменила свое легкомысленное модное сиреневое платье на скромное темно-серое, которое носила, когда еще работала в поместье гувернанткой. Ей было безразлично, что надеть – какое это теперь имеет значение? Траур она носить не будет – траур у нее в сердце. А что подумают люди – все равно.

Позже зашел Егор. Он виновато смотрел на Екатерину:

– Как вы?

– Все хорошо.

Глупый вопрос, такой же глупый ответ. Она не спрашивала о подробностях гибели ее наставника. Он не решался рассказать об этом.

– Завтра приедет Александр Львович. Вчера вечером пришла от него телеграмма. Он распорядился дать в городской газете небольшой некролог. Официально – несчастный

случай. Андрею пока ничего приказано не говорить. Он останется у дяди.

Девушка молча кивнула:

- Егор, не переживай за меня. Это ни к чему. Похороны завтра?

- Да, - ему было тяжело говорить, и он смотрел в сторону. - Будет узкий круг самых близких родственников и друзей. Александр Львович хочет, чтобы все прошло скромно.

Екатерина вспомнила, что фамильная усыпальница фон Бергов располагалась на краю парка. Девушка была рядом с ней всего пару раз. Небольшая светлая ротонда с колоннами из серого гранита посреди старинной дубовой рощи. Красивое и печальное место.

- Я могу его увидеть? - страшный вопрос девушка задала все тем же ровным голосом.

- Нет. Не на что смотреть... - Егор осекся. - Все произошло... быстро и страшно. Простите...

- Полина?

- Нет, ее там не было.

- Потом, позже, если сможешь, расскажешь мне... как все случилось. Я должна знать. Но не сейчас.

Он молча кивнул в ответ. Только теперь Екатерина поняла, как Егору тяжело. Генрих был его товарищем в Братстве, и они вместе через многое прошли. Нельзя быть такой эгоисткой. Все боятся задеть ее чувства, оберегают, щадят. А она и правда ничего не чувствует. Вообще ничего.

- Егор, - девушка старалась говорить мягко, - я понимаю, как тебе сейчас плохо. Прости, что я такая равнодушная. На самом деле это не так. Просто у меня внутри что-то сломалось. Не знаю, что со мной, но я изменилась. Навсегда. Я не могу сочувствовать, не могу плакать.

- Я знаю. Вы не равнодушная. Боль придет через несколько дней. Мы будем рядом. И я, и Александр Львович, и товарищи из Братства.

- Спасибо, Егор. Нам всем надо быть вместе.

Екатерина уселась за туалетный столик и начала медленно снимать с себя украшения - жемчужные сережки, колечки, браслет. Она сложила их в шкатулку и убрала в ящик, с глаз долой. Зачем они теперь ей? Это все неуместно.

Екатерина не видела, как ушел Егор. Девушка снова прилегла на кровать и закрыла глаза. Спать не хотелось. Вспоминать было страшно. Будущего не было...

Глава 19

В доме было тихо, как в могиле. Прислуга ходила бесшумно, на цыпочках. Только со двора иногда доносились лай собак и ржание лошадей. Эти резкие звуки бесцеремонно врываются в мертвую тишину, царившую в комнатах. Многочисленные зеркала были задернуты черным крепом, что добавляло трагичности в и без того мрачную обстановку.

Екатерина никуда не выходила из комнаты. Она или лежала на кровати, или сидела у окна, бессмысленно глядя в пустоту. Аннушка доложила ей, что вернулся Александр Львович. Трагическое событие прервало его деловую поездку. Девушка все так же машинально спустилась в гостиную. Ему сейчас не менее тяжело. Но чем она может помочь? Только выразить свое сочувствие, а оно сейчас бессмысленно.

Старый барон стоял у высокого окна, выходящего в парк. Он обернулся на тихие шаги девушки и подошел к ней.

– Как ты, Катенька? – с тревогой спросил он, тепло и сочувственно глядя на нее.

– Все хорошо, – ответила она.

Что тут можно ответить? Все плохо? Это и так очевидно. Все очень плохо.

Александр Львович осторожно привлек ее к себе и обнял. От него пахло табаком. Этот запах она запомнит на всю жизнь. Все чувства были обострены до предела. Мелочи болезненно врезались в мозг. Они никогда не отпустят ее, буду всегда напоминать о потере и безжалостно терзать душу.

После полудня в поместье начали прибывать немногочисленные родственники. Они много и приглушенно говорили, видимо, изображая скорбь, вспоминали, деланно вздыхали и смахивали несуществующие слезы. Все это угнетало девушку – зачем они вообще здесь? Конечно, это не ее дело. Старый барон лучше знает, кто должен присутствовать на похоронах.

Девушка вернулась к себе в комнату. Она не хотела никого видеть, не хотела слушать пустые слова соболезнований. Для них она навсегда останется чужой. Нищей выскочкой, которая скорбит от того, что не успела стать законной женой и прибрать богатство фон Бергов к рукам. Они ее никогда не поймут и не признают. А ей их мнение безразлично. Пусть судачат о ней и осуждают.

В четверном часу небольшая печальная процессия отправилась к дубовой роще, где располагалась фамильная усыпальница фон Бергов. Александр Львович вел Екатерину под руку. Невеста, овдовевшая до свадьбы. Ее серое платье выделялось из толпы, но старый барон не возражал. Он, безусловно, понимал, что девушке не до показного траура. Екатерина шла с трудом, опираясь на руку старого барона. Она была слаба от горя, свалившегося на нее.

Кое-кто из родственников фон Берга неодобрительно косились на нее – ни траурного платья, ни слез. Хороша безутешная невеста! Но Екатерину это не волновало, ни все ли равно, что о ней думают? Она продолжала видеть все происходящее будто со стороны, безучастно и безразлично.

Все шло чинно, неспешно. Гроб внесли в усыпальницу и закрыли высокие металлические двери, на которых был изображен герб фон Бергов – три горные вершины и над ними цветок эдельвейса.

Александр Львович держался очень стойко и старался как мог ободрить девушку. К ним подходили люди, говорили слова, обычные для такого печального случая. Она тихо отвечала что-то соответствующее, давно знакомое, заученное: «Благодарю... Ваше внимание меня тронуло... Ваша поддержка мне очень важна...»

Наконец, обряд принесения соболезнований закончился.

– Катя, пойдем, – Александр Львович тронул ее за плечо.

– Идите. Я еще хочу побыть здесь. Одна.

Он молча склонил голову и направился к дому. Недалеко под раскидистым дубом рядом с садовой скамьей стоял Егор. Девушка подошла к нему:

– Уходи и ты. Оставь меня.

– Я не буду вам мешать. Но одну не оставлю. Пройдусь по дубраве.

Она не стала спорить. Девушка подошла к усыпальнице и достала из маленькой бисерной сумочки засушенные цветы эдельвейса – фамильного цветка фон Бергов. Они украшали ее прическу на балу, когда Екатерину захлестнуло наваждение, и она поняла, что кроме Генриха для нее никто не существует. Эти цветы стояли в маленькой вазочке на ее туалетном столике и напоминали о коротких счастливых мгновениях. Она бережно хранила их, даже когда поняла, что на взаимность ей рассчитывать не стоит.

Екатерина положила эдельвейсы перед дверями усыпальницы. Легкий порыв ветра разметал их по холодным гранитным ступеням. Она прижала ладони и лоб к металлическим дверям и ощутила пронзительный холод. Все, больше ничего не будет.

Девушка опустилась на ступени и замерла. Много противоречивых мыслей проносилось в ее голове. Теперь пришли воспоминания.

Как все глупо начиналось... И чем закончилось. Невинная афера с помолвкой и вот она уже ученица, а ее злейший враг – заботливый и опытный наставник. Кто бы мог подумать, что светский повеса на самом деле благородный человек, отважный и добрый? А потом бал, их танец в пустом и темном зале. Именно тогда она поняла, что полюбила. И полюбила на всю жизнь. Полина с ее безграничной злобой уже один раз едва не убила Генриха. А теперь ее последовательницы довели начатое ею до конца.

Екатерина сожалела и корила себя за то, что так и не решилась сказать Генриху о своих чувствах. Главные слова не были произнесены. Скорее всего, он и сам все видел и понимал. Но не любил ее, только уважал и оберегал от всех неприятностей.

Девушка достала из-за корсажа нож. Его подарил Генрих. На лезвии был выгравирован герб фон Бергов. Екатерина положила его на раскрытую ладонь. Так делал фон Берг, когда в лесу ее ранила рыжая ведьма. Первая ведьма, которую она смогла увидеть. Тогда стало понятно, что она обрела дар. Как же ей хотелось в тот момент убить Генриха – безответственного негодяя, из-за которого так резко поменялась ее размеренная жизнь. С тех пор прошла всего-то пара месяцев или чуть больше, а как все изменилось. Безвозвратно и навсегда.

Лезвие на ладони покрылось целебной росой. Прозрачные тяжелые капли падали с ножа на гранитные ступени и растекались темными пятнами. Тонкое лезвие легко войдет между ребер с левой стороны. Больно не будет. Она на мгновение задумалась. Рядом с ней стоял Егор. Екатерина не заметила, как он подошел, но очнулась от страшных мыслей. Нет, нельзя, она обещала доктору. И ее самоубийство добьет Александра Львовича.

Девушка перехватила тревожный взгляд Егора и виновато улыбнулась.

– Вы же ничего плохого не задумали? – спросил тот, пытливо глядя ей в глаза.

– Нет, ничего. Правда. Я знаю, что не имею права думать о таких вещах. И не нарушу обещания. Поверь, все со мной нормально.

Не выпуская из руки ножа, Екатерина обняла колени и положила на них голову. Егор присел рядом с ней и молчал, глядя куда-то вдаль. Верный товарищ, который ее никогда не оставит. Ему сейчас тоже плохо. О чем он думает, что вспоминает? Он знал фон Берга очень давно, их многое связывало, они через многое прошли вместе.

Скоро она забыла о Егоре, который сидел рядом. Воспоминания не оставляли ее. Они снова и снова возвращались, как в безумном холодном вихре. Девушка не знала, сколько это продолжалось.

– Екатерина Павловна, пойдемте домой, пора. Уже смеркается, – осторожно обратился к ней Егор, тронув за руку.

– Иди, Егор, иди. Не жди меня. Я скоро тоже пойду, – ей не хотелось уходить.

Но нельзя сидеть здесь бесконечно долго. Время шло, и надо двигаться дальше.

– Я не оставляю вас и тоже побуду здесь, – ответ Егора убедил ее, что она никогда не останется одна.

Все о ней беспокоятся, только это ей совсем не нужно. Но обижать Егора она не хотела. Екатерина молча кивнула. Егор тихонько вздохнул и отошел к раскидистому дубу, рядом с которым стояла садовая скамья. Он сел на нее и продолжил смотреть на девушку. Это ее не смущало и не раздражало. Егор был другом Генриха, так почему она должна прогонять его?

Солнце коснулось горизонта. Где-то рядом в траве громко стрекотал одинокий сверчок. Вскоре сумерки окутали дубраву, и стало свежо. Пора уходить, но Екатерина не могла подняться и заставить себя покинуть это печальное место.

Неожиданно раздался звонкий серебристый смех. Дерзко и не к месту. Девушка вздрогнула. Она узнала его. На карнизе усыпальницы сидела Полина, закинув ногу на ногу и приняв эффектную позу.

– Добрый вечер, милая. Приношу свои соболезнования, – она снова залилась счастливым смехом. – Какая, однако, трогательная картина – невеста на ступенях гробницы своего жениха. Безутешная и несчастная.

Екатерина резко вскочила на ноги и крепче сжала нож:

– Что тебе надо, гадина? – хрипло крикнула она.

От ненависти у нее перехватило дыхание и в глазах потемнело. Полина лучезарно улыбалась. Ее прекрасное лицо светилось от удовольствия. Она вскинула брови и с издевкой посмотрела на девушку сверху вниз с видом триумфатора.

– Как грубо. Отсутствие воспитания заметно. Повторяю, прими мои соболезнования. Мне очень, очень жаль, – Полина делано вздохнула и смахнула несуществующую слезу. – Я же говорила, сначала должна была умереть ты. Но так тоже неплохо. Твои душевные терзания меня вполне удовлетворяют.

К Екатерине стремительно подошел Егор и встал рядом. В руке он тоже сжимал нож.

– Как вы оба агрессивны, однако. Вдвоем, с оружием, на слабую женщину, – недобрая ухмылка тронула полные чувственные губы графини. – Жаль моих последовательниц. Охотники убили их всех. Но не обольщайтесь – это только начало. И нас будет очень, очень много. Всех не уничтожите! Как же я вас всех ненавижу! Сколько обид, унижений, косых взглядов я вынесла в этом мерзком городишке! Пришло время расплаты. Теперь он захлебнется в крови!

Полина откинула назад свои пышные золотистые волосы и наклонила голову набок:

– Лакей и несостоявшаяся невеста – тоже неплохой альянс. Точнее мезальянс. Вы вполне подойдете друг другу – смелые охотники на невинных женщин. Катя, милая, этот слуга вполне может заменить твоего дорогого Генриха в постели. Но, кажется, фон Берг не удостоил тебя этой чести? Так и не сделал тебя своей любовницей, не так ли? Интересно, почему? Чем ты его так прельстила? Своей невинностью? Удивительно, что он в тебе нашел? Даже хотел на тебе жениться. Как мило, благородно и глупо. А теперь тебе придется обойтись слугой. Говорят, простолюдины очень в этом умелы. Не мне, конечно, судить, но для тебя сойдет. Вряд ли на тебя кто еще позарится.

Ненависть переполняла ведьму, и ее лицо исказилось от злости. Губы кривились в холодной усмешке, синие бездонные глаза горели яростью и презрением.

– Я доберусь до вас обоих. И месть моя будет жестока. Вы пожалеете, что встали на моем пути. А ты, милочка, проклянешь тот день, когда Генрих обратил на тебя внимание. Твои сегодняшние страдания покажутся мелкими неприятностями. Я вырву твое сердце, и ты будешь медленно умирать у моих ног. Жаль, фон Берг этого уже не увидит. А я так мечтала об этом.

Полина снова зло расхохоталась и улеглась на карнизе, томно выгнувшись и поглаживая себя по бедрам и животу. Она запрокинула голову и страстно вздохнула.

– Убирайся отсюда, – крикнул ей Егор.

Ведьма вспорхнула на купол ротонды и раскинула руки в стороны, взмахнув волосами – она наслаждалась вседозволенностью. Волосы темным золотом вспыхнули в сгущающихся сумерках. Ее прекрасное тело матово светилось в темноте. Полина грациозно спустилась к карнизу и прошла по его краю:

– С какой стати мне подчиниться? Я буду делать все, что захочу. Вам меня здесь не достать. Так что слушайте, что я буду говорить, и не перебивайте. Вам меня не остановить. Ты посмел изуродовать мне ногу, скотина! В свое время ты за это заплатишь. Ты даже не представляешь, как скоро это произойдет. Кстати, рана уже почти затянулась, – Рокотова нежно провела рукой по шраму на бедре. – Видишь? Скоро и следа не останется.

Екатерина взяла Егора под руку:

– Пойдем отсюда.

– Уходите? Так быстро? – крикнула им вслед Полина. – Закончила скорбеть, маленькая дрянь?

Но ее уже не слушали. Ведьма зло расхохоталась и, взметнувшись в темное небо, растворилась среди звезд. Как только она исчезла, Екатерина выронила нож, закрыла лицо руками и разрыдалась в голос. Она не могла допустить, чтобы Полина видела ее слабость и держалась до последнего. Егор погладил ее по голове, взял за плечи и потечески привлек к себе. Девушка уткнулась ему в грудь не переставая рыдать.

– Поплачьте, поплачьте. Вам будет легче, – он осторожно погладил ее по голове.

Почти три дня слезы копились в ее душе, и теперь Екатерина не могла остановиться. Скоро она начала задыхаться. Егор достал фляжку с водкой и поднес к ее губам. Она выпила, закашлялась, но это помогло – девушка смогла дышать. Она тихонько, судорожно всхлипывала. Егор был прав. Теперь пришла боль, и ей хотелось кричать.

Они медленно вернулись в дом, и Екатерина прошла к себе, стараясь никому не попадаться на глаза – она хотела остаться одна. Девушка упала на кровать и зарылась в подушку. Слезы не переставая текли из глаз, и Екатерина не пыталась больше их сдерживать. Наконец, она забылась тяжелым сном.

Глава 20

После похорон прошло несколько бесконечно долгих дней. Они были однообразные, тихие, печальные. Но Екатерина изменилась – встреча с Полиной неожиданно вернула ее к жизни. После гибели наставника она впала в апатию, но теперь у нее появилась цель – ей необходимо уничтожить эту злобную тварь. Она отомстит проклятой ведьме за все – за убийство фон Берга, за невинных людей, жизнь которых прервала Полина по своей дурной прихоти. За свои страдания. Теперь ненависть к Полине расцвела в душе девушки огненным цветком. Она жаждала мести.

Екатерина честно призналась себе, что раньше ее снедала ревность к роковой графине. И, конечно, она в глубине души завидовала ей – красива, умна, и ее любит Генрих. Любит, несмотря ни на что, зная, что она убийца и чудовище. Видимо, любовь прощает все, даже такие страшные вещи. Но зачем теперь обманывать себя? Это уже не имеет никакого смысла... Да, это была именно ревность, которую девушка прятала от глаз Генриха, и в чем боялась признаться самой себе.

Старый барон был рад перемене, произошедшей с Екатериной. Он очень беспокоился за девушку, постоянно украдкой наблюдал за ней, хотя и старался не становиться навязчивым. Однако это было заметно и выглядело трогательно. Девушка не хотела лишний раз попадаться ему на глаза, чтобы не расстраивать.

Но теперь Екатерина опять разговаривала, спала, ела. Конечно, горе не отпускало ее, но она начала снова жить. Возможно, Александр Львович думает, что со временем у нее все будет по-прежнему, она вернется к обычной жизни. Как же он ошибается! Для нее прежней жизни не будет уже никогда...

У Екатерины появилась цель, к которой она стремилась безоглядно. Этой целью стала Полина Рокотова. Девушка пообещала себе стереть ее с лица земли любой ценой. Ведьма это заслужила, и должна заплатить за все.

Екатерина тренировалась до полного изнеможения и выматывала не только себя, но и Егора, и тренера. По правде сказать, она просто загоняла и себя и их, как скаковых лошадей. Каждый день, по несколько часов, пока хватало сил держать нож в руке. Попытки вразумить Екатерину не увенчались успехом, но ее умение владеть оружием заметно улучшилось. Такая одержимость пугала Егора. Он пытался урезонить девушку, убеждал побережечься и быть осмотрительной. Она соглашалась, кивала в ответ, но было очевидно, что слова Егора ничего не изменят.

Девушка много времени проводила в поместье. На этом настоял Александр Львович – он считал Екатерину родной, хотя она так и не успела стать его невесткой. Старый барон стойко перенес гибель своего старшего сына. Он старался всеми силами оберегать девушку от печалей и как мог отгонял ее грустные мысли. Вечерами они играли в шахматы, ездили верхом или гуляли по обширному парку. Они почти не говорили, просто шли рядом и любовались прекрасными видами. Это приносило умиротворение им обоим.

Екатерина много времени проводила за чтением книг о ведьмах – ей надо знать о них абсолютно все. Каждая мелочь может пригодиться в дальнейшем. Книги девушка брала в библиотеке Братства. Там ей шли навстречу и позволяли забирать старинные фолианты с собой. Все-таки она потеряла наставника и ей нужна поддержка товарищей. Их забота была Екатерине необходима и приятна, но бредила рану в душе.

Девушка садилась за письменный стол Генриха в его кабинете, читала и перечитывала книги, большинство из которых знала почти наизусть. Екатерина выискивала тонкости, которые могла упустить.

Все в этой комнате напоминало ей о наставнике. Боль не проходила, но она научилась с ней жить. Ненависть к Полине подогревало ее желание постичь совершенство и стать достойным охотником. Магистр больше не будет на нее гневаться, он оценит ее умение и сможет гордиться и ею, и ее наставником.

Частенько девушка занималась с Греем – волчонок рос на глазах и оказался оченьмышленным. Он быстро учился. Екатерина гладила его шерстку, чесала за ушком, и он

благодарно лизал ее пальцы. Маленький хищник тоже напоминал о Генрихе. Тут ничего не поделаешь, воспоминания о нем всегда будут рядом и никогда не покинут ее истерзанную душу.

Как-то утром девушка сидела на заднем дворе и играла с волчонком. Глядя на Грея, она снова и снова вспоминала охоту у князя Алухтина, Генриха и то, как хотела, но не решилась позвать его ночью в свою комнату. Да он и не пошел бы. Он ее слишком уважал и совсем не любил. Жаль, что Генрих всегда так трепетно относился к ее чувствам и был слишком благоразумен по отношению к ней. А ведь она была готова на все. Однако, теперь уже нельзя ничего изменить. Девушка невольно вздохнула. Все надо делать вовремя, потом ничего не исправишь.

К ней подошел Егор:

– Завтра назначено собрание Братства. Магистр позволил вам не приходить, он все понимает и очень вам сочувствует.

Приятно, что ей сочувствуют, плохо, что жалеют. Жалость не только унижает, она делает человека слабым. Екатерина вскинула голову и посмотрела в глаза Егору. И он тоже ее жалеет, наклонился и гладит Грея, не хочет встречаться взглядом. Видимо, так будет всегда.

– Я обязательно пойду, и не пытайся меня оберегать от всего на свете, – твердо произнесла девушка. – Спасибо тебе за заботу, но я больше в ней не нуждаюсь. Все изменилось. Не обижайся.

– Хорошо, как скажете. Завтра в десять утра нам надо быть на месте.

В просторном холле Братства собралось много народа. Высокие окна, задернутые плотными портьерами, не пропускали в помещение яркие солнечные лучи. Пахло табаком – многие курили в ожидании начала собрания. Когда Екатерина с Егором вошли в холл, все повернулось в их сторону, и в воздухе повисла напряженная неловкая тишина – ученица и близкий друг фон Берга вызвали сострадание. У девушки снова сжалось сердце.

Директриса Института благородных девиц бросила в пепельницу недокуренную сигару и подошла к своей бывшей воспитаннице. Она легонько погладила ее по руке и участливо произнесла:

– Мне очень жаль. Но вы хорошо держитесь.

– Благодарю. Теперь со мной все нормально, – девушка слабо улыбнулась Миргородской в ответ. – Как дела в Институте?

Екатерина хотела сменить тему разговора. Елена Михайловна все поняла, она была прекрасным педагогом и отличным психологом:

– В Институт совсем скоро придут новые воспитанницы. Сентябрь не за горами. Заходите, при случае поболтаем, выпьем чаю. Погуляем по парку, осенью он особенно красив.

– Непременно. Мне надо продолжать жить, хотя это и не просто.

– Вы очень сильная девушка и я горжусь вами, – Миргородская не смогла сдержаться и тяжело вздохнула. Она искренне уважала и любила фон Берга. – Не падайте духом.

Елена Михайловна по-мужски хлопнула Екатерину по плечу, отвернулась и отошла в сторону. Когда-то Миргородская сказала девушке, что Генрих будет следующим Магистром Братства, если доживет. Ее слова оказались пророческими. Он не дожил...

В Братстве сочувствие выражали сдержанно, но искренне. И это радовало девушку. Показные и ничего незначащие соболезнования родственников Генриха не утешали, а только еще больше расстраивали.

Присутствующих пригласили в зал заседаний. Екатерина села в последнем ряду, с краю. Рядом с ней расположился Егор. Он по-прежнему старался держаться поблизости и не

выпускать ее из вида, несмотря на настоятельные просьбы Екатерины. Очевидно, он понимал, что отчаяние девушки делало ее безрассудно смелой, и это могло плохо для нее кончиться.

Магистр начал собрание с минуты молчания. Это больно полоснуло Екатерину по сердцу. Погиб только Генрих. Трое были серьезно ранены. Согласно Уставу, следовало вернуть медальон фон Берга Братству. Егор достал его из нагрудного кармана и направился к Магистру.

Екатерина почувствовала, что рвется последняя ниточка, связывающая ее с наставником. Она порывисто поднялась и невольно шагнула вслед за Егором. Но силы оставили ее и девушка, как подкошенная, рухнула на пол.

Когда она пришла в себя, вокруг нее суетились люди. Миргородская протянула ей стакан воды и помогла приподняться:

– Пейте, милая, пейте.

Екатерина сделала глоток и вернула стакан:

– Простите, я видимо, подвернула ногу и упала... Со мной все хорошо. Не беспокойтесь...

Через толпу к девушке пробрался доктор Никитин и поднес ей к лицу флакончик с нюхательной солью. Девушка вздрогнула от резкого запаха и отстранила его:

– Спасибо, не надо...

– Отойдете, ей нужен воздух, – сердито потребовал врач.

Он помог девушке встать на ноги и усадил ее в ближайшее кресло. Никитин пощупал пульс Екатерины и недовольно поморщился.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался он. – Только говорите правду, не лгите. Это ни к чему.

– Нормально. Голова немного кружится, – виновато произнесла она, – Ужасно глупо. Я такая неловкая.

Подошел Магистр:

– Госпожа Несвицкая, вы еще очень слабы. Идите домой. Егор Петрович вас проводит. Ваше присутствие здесь сегодня совершенно необязательно.

Она решительно покачала головой:

– Это была минутная слабость, и такое больше не повторится. Господи Магистр, я очень прошу вас уделить мне немного времени после собрания.

– Да, конечно, я приму вас. Но вы можете не присутствовать на собрании – мы будем обсуждать тяжелые для вас вещи. Вернетесь позже, – Магистр был обеспокоен состоянием девушки и говорил мягко, что обычно ему несвойственно.

– Позвольте мне остаться. Меня теперь уже ничего не может ранить, – попросила Екатерина.

Циничный врач стал очень деликатным, а грозный Магистр проявлял исключительную обходительность. Но от этого девушке становилось только хуже. Лучше бы ее ругали за слабость и безволие.

На собрании подробно обсуждали трагические события. Кто допустил ошибку? Почему ведьм оказалось больше, чем предполагалось? Где была Полина и почему она не присутствовала на шабаше?

Екатерина мужественно слушала выступления очевидцев и перед ней возникала страшная картина гибели ее наставника. Было ясно, что товарищи щадили ее чувства и тщательно подбирали слова. На самом деле все было, конечно, намного ужаснее.

Скоро девушка опять стала видеть происходившее будто со стороны. Но теперь это происходило не от безграничного горя, а от гнева и ненависти. Перед ее глазами снова и снова проносились кошмарные события, о которых рассказывали очевидцы.

Собрание закончилось, и Екатерина направилась в кабинет Магистра. По дороге ее ненадолго задержала Миргородская:

– Госпожа Несвицкая, не считите за навязчивость. Но вам и правда надо отвлечься. Понимаю, что это непросто. Я буду рада, если вы навестите меня в ближайшее время.

– Благодарю за участие, – девушка была искренне признательна своей бывшей директрисе. – Но лучше заходите ко мне вы. Я всегда рада видеть вас. Днями я переберусь из поместья в город. Буду навещать Александра Львовича, а жить мне лучше здесь – ближе к библиотеке и фехтовальному залу. Так что жду вас.

– Договорились! – Елена Михайловна удовлетворенно кивнула и раскурила свою любимую гаванскую сигару.

Пока Екатерина шла к кабинету Магистра, все участливо смотрели на нее и предупредительно расступались, давая дорогу. Тяжелую дверь в кабинет своего патрона девушка распахнула решительно и твердым шагом вошла внутрь. Ее окутала прохлада, царившая в помещении. Магистр сочувственно посмотрел на нее и заботливо усадил в кресло:

– Мы можем поговорить в любое удобное для вас время. Возможно, пока вам не стоит бередить свежую рану.

– Благодарю, но, если позволите, я хотела бы поговорить с вами сегодня. Для меня это важно.

Магистр молча кивнул, пододвинул стул и сел напротив девушки. Сегодня он был совсем негрозен и вел себя с Екатериной как с ровней, а не как начальник с подчиненной. Ничто человеческое было ему не чуждо.

– Вы не можете отдать мне медальон барона? – несмело спросила Екатерина.

Это было не главное, о чем она хотела просить, но для нее имело значение. Память о Генрихе, которого она будет любить всю оставшуюся жизнь.

– Да, конечно, – Магистр протянул его девушке.

Она надела медальон на шею и крепко прижала ладонью к груди. Прохладный, гладкий... Она согреет его, но это ничего не изменит. Девушка благодарно посмотрела на Магистра.

– Мне это очень важно. Сама не знаю, почему, – она немного помолчала и продолжила. – Еще одна просьба. Как я поняла из выступлений на собрании, Полине для реализации ее чудовищного плана не обойтись без общего шабаша.

– Да. Но мы не позволим ей сделать это. Для Братства это уже вопрос чести.

Екатерина глубоко вздохнула и произнесла:

– Я прошу вас взять меня на предстоящее дело.

Магистр должен понять ее и не посмеет отказать в такой просьбе. Но патрон нахмурился. Пусть гневается, она это переживет.

– Нет. У вас недостает опыта, и вы об этом прекрасно знаете, – Магистр был непреклонен. – Вы будете только мешать своим товарищам.

– Точно так же говорил фон Берг, – задумчиво произнесла она, печально улыбнувшись. – Но теперь все изменилось.

– Ваша просьба неприемлема, вы сами все прекрасно понимаете.

– Хорошо, тогда я не прошу, я требую. Я имею на это право. Погиб мой наставник, – она

осеклась и через мгновение продолжила. – Я люблю его, вы должны меня понять. Опыта у меня достаточно и я в себе уверена. Все время после... похорон... я усиленно занималась. Можете спросить у Егора и моего тренера. Ненависть придает мне силы. И у меня есть дар, вы же знаете. С ним я сильнее многих мужчин.

Девушке было непросто говорить о сокровенных вещах. Но и скрывать ей нечего. Патрон должен понять, что подвигло ее на такое решение. Пусть думает о ней что угодно, ее это не волнует.

Магистр не ожидал подобного заявления. Никто и никогда в Братстве не требовал что-либо от него. Это запрещал Устав.

– Нет, я не выполню ваше требование, – он мягко улыбнулся и взял ее за руку. – Это равносильно подписать вам смертный приговор. Вы явно переоцениваете свои силы.

– Нет, я знаю, что готова к схватке с этими тварями. И мой дар усиливать удар ножом в этом тоже помогает.

– Ваш наставник не одобрил бы подобного неоправданного упрямства. Согласны?

– Да, но его нет рядом. И никогда уже не будет. И это не упрямство. Это моя цель, другой нет.

– Я не могу допустить, чтобы вы так бессмысленно рисковали жизнью. Но ваше состояние мне понятно, и я хочу услышать от вас честный ответ на мой вопрос.

– Я готова отвечать честно, на иное в Братстве я не способна.

– Вы ищите смерти? – Магистр пытливо смотрел ей в глаза.

– Искала. Мне незачем было жить, и я хотела умереть. Это правда. Но все изменилось, когда я пообщалась с Полиной, – злая улыбка искривила губы девушки. – Теперь я стану себя очень беречь. Беречь как никогда. И буду уничтожать этих тварей до последнего вздоха, – в ее голосе звучал металл, а глаза вспыхнули недобрым огнем. – И никто меня не остановит, даже вы.

Магистр опешил от ее слов и тона, каким они были произнесены:

– Вы знаете, что подобное своеволие карается ссылкой на Остров? Или даже каторгой?

– И вы думаете, меня это испугает? После того, что я пережила? – Екатерина холодно улыбнулась. – Можете отправить меня туда на всю оставшуюся жизнь – хуже, чем теперь, уже не будет. Или все-таки я буду приносить пользу здесь?

– Вы и правда удивительная девушка. Вы не упрямая, вы очень решительная. Не зря фон Берг так ценил вас, – Магистр смотрел на Екатерину с нескрываемым восхищением. – Но мы не можем просто так позволить вам рисковать собой.

– Я не буду рисковать просто так. Обещаю. И продолжу постоянно совершенствовать мастерство. Я собираюсь жить долго. Очень долго. И всю жизнь буду мстить.

– Не стоит спешить, если вы собираетесь жить долго. Я прошу вас еще подумать, прежде чем принять столь важное решение. Этот бой на шабаше может стать первым и последним в вашей жизни.

– Не о чем больше думать. Я приняла решение и не изменю его, позвольте вы мне или нет.

– Хорошо. Поскольку терять вам нечего, спорить с вами бесполезно. Будь по-вашему. Я позволяю вам участвовать в операции. Но при условии, что вы будете благоразумны, и рядом с вами постоянно будет находиться господин Изварин. У вас в запасе чуть более двух недель, так что готовьтесь.

– Благодарю вас. Я буду благоразумна и осторожна, – девушка поднялась и собралась уходить.

Магистр остановил ее:

- Я выполнил вашу просьбу. А вы должны выполнить мою.

- Безусловно, я сделаю все, что вы потребуете.

- Вы постоянно будете под нашим присмотром. Пока я не решу, что в этом отпала необходимость. И это тоже не обсуждается.

Девушка благодарно улыбнулась Магистру – он вовсе не грозный, а заботливый и справедливый.

Глава 21

Август перевалил за середину и стремительно двигался к завершению. Лето уходило неумолимо, оставляя за собой след из сожалений и несбывшихся надежд. Утренники становились прохладнее, ночи длиннее. Небо все чаще хмурилось, а солнце светило хотя и ярко, но как-то болезненно. Перелетные птицы начали сбиваться в стаи, стрижи первыми улетели в теплые страны. Больше не было слышно их пронзительного и веселого писка.

Скоро настанет сентябрь, и можно поохотиться на уток. Впрочем, и в августе этого тоже никто не запрещает. Апухтин недовольно вздохнул. Сейчас нет никакого желания охотиться, настроение отвратительное, пасмурно и мерзко на душе. Сергей Сергеевич невольно вспомнил последнюю охоту и разговор с Генрихом.

Охота прошла великолепно, гости – только из узкого круга избранных, его превосходительство остался доволен. Все было прекрасно. Только вот фон Берг тогда выглядел непривычно задумчиво и отстраненно. Он совсем не походил на счастливого жениха, и это было очевидно. А как все хорошо у него складывалось – прелестная девушка согласилась стать его женой. Что еще надо для молодого, состоявшегося в жизни мужчины? Но все-таки Генрих, видимо, что-то предчувствовал, что-то тогда его уже тяготило.

Князь Апухтин частенько думал о своем лучшем друге, так рано ушедшем в мир иной. Он до сих пор не мог до конца поверить в его трагическую гибель – все произошло как-то глупо, неожиданно. Хотя беда всегда приходит внезапно. Но все же в этом было что-то странное – несчастный случай на заводе и никаких свидетелей, никого не оказалось рядом, некому было помочь.

Заросший английский парк сегодня производил на князя особенно удручающее впечатление. Возможно, это просто меланхолия. А возможно, пора его вырубить. Или привести в порядок. Или оставить как есть, и найти себе какое-нибудь полезное занятие.

Сергей Сергеевич не торопясь прошелся вдоль фасада своего дворца, с отвращением глядя на беспорядочные заросли и высохший фонтан на площадке перед домом. Фонтан надо все-таки привести в порядок – как ни как парадный подъезд к особняку. Но это когда-нибудь при случае он даст распоряжение, выделит деньги, проверит исполнение приказа. Не в ближайшие дни, однозначно. Надо на это настроиться постепенно, не торопясь, со знанием дела. А сегодня можно просто съездить в город.

Давно надо навестить Екатерину Павловну, узнать, как она. Раньше князь не хотел лишний раз бередить ей душу. Готовилась девушка к свадьбе. Видимо, уже и подвенечное платье с фатой были заказаны. А вместо этого получила похороны. Страшно, больно, горько... Невеста-вдова... На похоронах Екатерина была похожа на механическую куклу – безжизненное бледное лицо, потухший взгляд, тихий безразличный голос. На нее страшно было смотреть. Несчастливая девушка, что она пережила, и как ей теперь с этим жить?

Апухтин постоянно общался со старым бароном, будучи его деловым партнером. Инвестиции князя в оружейную империю фон Бергов приносили хороший доход. От Александра Львовича он узнал, что Екатерина немного оправилась от тяжелого удара.

Непосредственная и искренняя девушка всегда восхищала Сергея Сергеевича. Жаль, что ее любовь закончилась так трагически. Но он не будет стремиться занять место фон Берга. Его давняя дружба с Генрихом не позволит этого. Одно дело увлечение, другое – любовь и дружба.

Жаль, в поместье Апухтина нет телефона. Давно пора установить, но все руки не доходят. А всего-то надо дать распоряжение управляющему. Но это тоже не сегодня... А как было бы удобно позвонить и узнать, примет ли его Екатерина Павловна...

Однако, вполне возможно, Екатерина Павловна сейчас в городе. Если ее нет на квартире, значит, она в поместье. Больше ей быть негде. По подругам и знакомым она наверняка теперь не ходит. Надо постараться сегодня с ней встретиться, а то потом может не найтись времени и это будет уже совсем невежливо.

Князь быстро собрался и поехал в город – надо все-таки проведать бедняжку. Возможно, он сумеет помочь ей хоть ненадолго отвлечься.

Госпожа Миргородская выполнила свое обещание и навестила Екатерину в ее городской квартире. Девушка обрадовалась встрече. Она всегда искренне любила свою учительницу, несмотря на ее необычные, как теперь выяснилось, пристрастия. Раньше Екатерине казалось, что Елена Михайловна достаточно зрелая дама. Хотя для девочки-ученицы ее преподавательница чуть за тридцать лет всегда выглядит почти старухой. А Елену Михайловну Екатерина знала с семилетнего возраста, с тех пор, как отец привел ее в первый класс Института благородных девиц. Тогда Миргородская была еще простой учительницей литературы. Но амбициозная и трудолюбивая до фанатизма преподавательница быстро сделала карьеру и стала директрисой престижного учебного заведения уже через шесть лет.

И вот сегодня в результате разговора выяснилось, что Миргородской еще нет и сорока – всего-то тридцать семь лет. Как, однако, строгая одежда и более чем сдержанная манера поведения могут изменить возраст. И, увы, не всегда в лучшую сторону.

Елена Михайловна и Екатерина непринужденно разговаривали и вспоминали прошлое. Со стороны можно было подумать, что девушка почти справилась со своим горем. Но Екатерина знала, что госпожа Миргородская видит ее насквозь – она была не только опытным педагогом, но и прекрасным психологом.

Директриса курила без перерыва, и это говорило о ее волнении. Она уважала и даже боготворила фон Берга. Он нравился ей за безрассудство и отвагу. Елена Михайловна не скрывала, что ценит в мужчинах спонтанность и непредсказуемость, а у барона этого всегда имелось с лихвой. Миргородская безусловно сопереживала Екатерине. Видимо, ей тоже хотелось отвлечься от печальных мыслей, но это было непросто.

Неожиданно в дверь позвонили. Екатерина никого не ждала, но это вполне мог быть Алексей. Девушка всегда сама открывала дверь, ей нравилось встречать Генриха на пороге. Теперь необходимость в этом отпала, но привычка осталась, и она пошла впустить нового посетителя или посетителей.

К ее удивлению это оказался князь Апухтин.

– Сергей Сергеевич, какая приятная неожиданность! – лучезарно улыбнулась Екатерина.

Она была искренне рада его визиту.

– Не возражаете, что я без приглашения? – князь неловко протянул ей коробку с пирожными. – Не решался навестить раньше – понимаю ваше состояние. Надо было позвонить вам, предупредить, но все получилось как-то неожиданно... Вижу, у вас гости, я могу зайти в другой раз...

– Нет, нет! Это даже хорошо, что вы так неожиданно! Проходите, прошу. Очень приятно вас видеть. После... – она на несколько мгновений замолчала, но взяла себя в руки и продолжила. – После похорон мы с вами не виделись. Просто прекрасно, что вы зашли.

Она провела князя в гостиную, и представила его госпоже Миргородской. Сергей Сергеевич всегда был галантным кавалером. Он изящно склонился над Еленой Михайловной и поцеловал ее узкую руку:

– Очень рад знакомству.

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, – низким бархатным голосом ответила Миргородская.

Екатерина не подозревала, что директриса может так изменять тембр голоса – теперь он был обволакивающим, загадочным, даже чувственным.

Елена Михайловна метнула короткий взгляд на Екатерину, и та вспомнила необычные увлечения почтенной директрисы Института благородных девиц. Кроме сигар в свободное от пребывания в Институте время Елена Михайловна увлекалась мужчинами. Правда, об этом знали только в Братстве. Похоже, Сергей Сергеевич ей приглянулся!

Миргородская сняла пенсне в золотой оправе и небрежно сунула его в сумочку – оказалось, она прекрасно видит и без него. Видимо, это был просто аксессуар. Ее глаза оживились и заблестели. Загадочная улыбка заиграла на лице. Она больше не была сухой, блеклой и строгой учительницей. Как же легко может измениться внешность женщины, если она того желает!

Светская беседа была, как всегда, ни о чем, но протекала оживленно. Обсуждали городские новости, погоду, приближающуюся осень. Елена Михайловна продолжала дымить как паровоз – гаванские сигары были ее слабостью. Князь предпочитал сигареты. Запах дорогого табака быстро наполнил гостиную и опаловым туманом низко повис в воздухе.

И Сергей Сергеевич, и госпожа Миргородская старались отвлечь Екатерину от воспоминаний, и она была им за это признательна. Однако воспоминания никогда не оставят ее, она обречена жить с ними. Но зачем об этом знать другим? Только попусту расстраивать своих добрых друзей. Девушка улыбалась, а на душе у нее было пусто и страшно.

Все-таки хорошо, что Апухтин и Миргородская зашли к ней. Они быстро нашли общие темы для разговора – благотворительность князя известна всем в городе, а о его великолепной коллекции художественных произведений ходили легенды. Сергей Сергеевич слыл тонким ценителем всего прекрасного и изысканного. В круг его интересов, естественно, попадали и женщины, как самое уникальное и прелестное творение природы. Князь не скрывал своих пристрастий, и было заметно, что интерес к его коллекции морских пейзажей госпожи Миргородской ему льстит. Или ему льстило само внимание этой странной женщины? Кто знает, кто знает.

Елена Михайловна прекрасно разбиралась в живописи и могла составить конкуренцию любому антиквару. Разговор проходил непринужденно и глубокие познания Миргородской в данном вопросе приятно удивили князя, о чем он не преминул сообщить. Сергей Сергеевич любезно пригласил обеих дам к себе в поместье полюбоваться его собранием произведений искусства и немного развеяться, погулять по парку, покормить ручных лебедей на пруду. Приглашение было благосклонно принято и Еленой Михайловной, и Екатериной.

Госпожа Миргородская эффектно сидела на широком диване, откинувшись назад, и с наслаждением курила сигару, пуская дым кольцами. Она запрокинула голову и наблюдала за собеседниками через полуприкрытые глаза. Сейчас Елена Михайловна была если не красива, то очень привлекательна. А для женщины это главное.

Горничная бесшумно накрыла на стол и подала чай. Печенья и конфеты дополнили пирожные, принесенные князем. Они оказались очень кстати. Маленькая компания переместилась к столику у широкого полукруглого окна. Из него открывался вид на тихую улицу.

Ветки огромного дерева заглядывали в комнату, и через них пробивались косые солнечные лучи. Листья старого каштана уже пожухли и потеряли прежнюю яркость. Однако они все еще крепко держались на ветвях, листопад будет не скоро. Лето уходило, но осень пока не вступила в свои права. Причудливые солнечные блики пробивались через густую побуревшую листву и ложились на стол. Они весело играли на хрустальных гранях вазочек и вспыхивали в чае золотистыми искрами.

Елена Михайловна взяла небольшое пирожное, неловко испачкала руку в креме и виновато улыбнулась. Екатерина могла поклясться, что Миргородская сделала это нарочно. Елена Михайловна медленно и изящно облизнула тонкие ухоженные пальчики, глядя в глаза князя. Во взгляде Миргородской вспыхнул хищный огонек, и она томно прикрыла глаза. Сергей Сергеевич с нескрываемым интересом наблюдал за дамой. Странная полуулыбка коснулась его тонких губ. Князь отхлебнул ароматного чая и задумчиво провел пальцами по краю чашки, не отводя взгляда от глаз Елены Михайловны. Между ними происходило что-то странное, чувственное и необъяснимое для Екатерины. Сейчас она ощущала себя очень наивной девочкой.

Но князь и директриса, кажется, понимали друг друга без слов. Похоже, что между ними вспыхнула искра. Искра внезапной любви? Или испепеляющей страсти? Но разве так важно, что именно? Они нравятся друг другу, и это очевидно. А ведь только-только

познакомились!

Екатерина почувствовала себя здесь лишней, но у нее почему-то стало тепло на душе. Ну что же, жизнь продолжается, и это прекрасно. Не могут же все вокруг нее скорбеть и предаваться печали. Да это и не нужно. Девушка не осуждала своих гостей и невольно улыбнулась – кто знает, чем это закончится?

Глава 22

Внезапно возникшая между князем и директрисой Института благородных девиц симпатия вызывала у Екатерины удивление и радость. Пусть это радость за кого-то другого. Это тоже очень и очень хорошо. Ведь она теперь не умеет по-другому радоваться. Прекрасно, что к ней снова возвращаются обычные чувства. Трудно жить одной ненавистью и жадой мести. Обязательно должно быть в душе что-то доброе, светлое. Без этого можно и самой стать как Полина, бессердечным, надменным и злобным чудовищем.

Девушка сидела на берегу пруда, на обломке колонны, и снова предавалась воспоминаниям. Последние дни они часто влекли ее сюда, в разрушенную беседку, где все и началось, так нелепо и глупо. Екатерина не пыталась бежать от призраков прошлого. Зачем? Теперь это ее жизнь.

Девушка наклонилась, подобрала плоский камешек и пустила его вдоль водной глади. Так часто делал Генрих. Камешек запрыгал по воде, оставляя за собой круги, и с плеском пошел ко дну. Солнечные блики, как расплавленное золото, играли на водной ряби и слепили глаза. Большая зеленая лягушка сидела на мокром камне и пялила бессмысленный немигающий взгляд на девушку.

Лето еще не закончилось, а в воздухе уже пахло осенью. Скоро зарядят серые и холодные дожди. Природа погрузится в печаль, а потом лед покроет черную гладь пруда нерушимым панцирем. Такой же панцирь сковал сердце Екатерины, только он не растает весной. Да и будет ли еще весна? Теперь трудно поверить, что она когда-нибудь наступит.

После встречи с Полиной девушка изменилась. Ее душа ожесточилась, ушли сантименты и романтика. А сердце на всю оставшуюся жизнь теперь занимала любовь к Генриху. Для других там места не осталось.

Но время не стоит на месте, жизнь продолжится. Екатерина решила, что пора начать выходить из дома и снова общаться с друзьями. Они ни в чем не виноваты, переживают за нее. А она полностью погрузилась в свою скорбь, отгородилась от всего мира и никого к себе не подпускает.

Для начала надо навестить Алексея, они давно не виделись. С похорон... Видимо, это теперь всегда будет для нее точкой отсчета. Тогда Алексей заглянул всего на несколько минут, но его присутствие не одобрили родственники фон Берга. Они с показным недоумением смотрели на Алексея, явно давая понять, что его пребывание тут неуместно.

Даже старый барон не смог сгладить возникшей неловкости. Сколько же в них снобизма и жестокости. Им было неприятно само осознание того, что Генрих мог общаться с мелким чиновником, а уж тем более дружить с ним. Также они никогда не признают Екатерину ровней, но ей все равно.

Через некоторое время Екатерина планировала окончательно переехать в город. Александра Львовича она будет просто часто навещать. Он искренне привязан к девушке, но жить в поместье ей неловко, все-таки она была всего лишь фальшивой невестой. Они с Генрихом бессовестно обманывали старого барона, а теперь признаться во всем невозможно. Ведь это очернит память о Генрихе.

В ближайшее воскресенье Егор и Екатерина отправились в город. Девушка села за руль – она уже неплохо водила автомобиль, но делала это только под бдительным присмотром Егора. Возможно, подобный опыт ей еще не раз пригодится. Они ехали молча. С Егором девушка могла вести себя естественно – пожалуй, он единственный, кто знает о ней все. Екатерину уже не раздражало, что Изварин постоянно наблюдал за ней. Это его обязанность, так зачем же на него злиться? Егор желает ей только добра и оберегает от Полины. Раньше ее защищал Генрих. Теперь приходится ему. Наверняка эта ведьма просто так не остановится.

Они подъехали к дому, где теперь жил Алексей. Небольшой, современный, в два этажа. Гладкий фасад полностью облицован майоликовой плиткой молочного цвета, входной

портал в форме замочной скважины. Над высокой дверью лебедь прихотливо изогнул шею и широко распростер свои каменные крылья. В общем, типичный модерн. Кто бы мог подумать, что Алексею нравится современная архитектура? Он всегда казался Екатерине очень консервативным. Уютный мещанский домик с деревянными резными наличниками и заросшим садом больше соответствовал бы его характеру. Хотя это же съемный дом, видимо, просто подошел по цене. Но вряд ли стоит дешево – все-таки центр города, престижный район.

Девушка потянула медную, начищенную до блеска ручку звонка. Возможно, старого друга нет дома, она пришла без предупреждения. Громкий звон колокольчика приглушали дубовые двери. Екатерина почти сразу услышала торопливые шаги. Ей открыла служанка средних лет. Не успела она осведомиться, что желает Екатерина, как из глубины дома появился Алексей. Он был очень рад и удивлен, широкая улыбка заиграла на его лице. Служанка пропустила Екатерину в просторную прихожую. Чугунная лестница с ажурными перилами вела на второй этаж. С высокого потолка свешивалась длинная хрустальная люстра, похожая на сталактит. Алексей и Екатерина обнялись, и старый друг провел ее в гостиную. Там сидела Надежда. Она вскочила с дивана и радостно заулыбалась:

– Здравстуй, вот не ожидала! Давненько же мы не виделись!

Надежда подбежала к Екатерине и стиснула ее в богатырских объятиях. После первых бурных приветствий наступила неловкая пауза. Вопрос «Как дела?» был явно неуместен.

Затянувшееся молчание нарушила Екатерина.

– Ну, Леша, показывай новое жилище, – сказала она, улыбаясь своим друзьям. – Хвались. Дом у тебя очень красивый, современный. Одна лестница чего стоит – просто произведение искусства.

Алексей засмутился:

– Что тут показывать? Это – гостиная. Не такая большая, как у тебя, но уютная. Надежда говорит, ей нравится.

– Нравится, нравится, – поддержала Надежда. – Он думает, что гостиная выглядит помещански – шторы слишком яркие. Нет, все отлично, правда. Элегантно и со вкусом.

– Да, уютная, – согласилась Екатерина, обведя комнату взглядом. – А ты стал эстетом, как я погляжу!

– Сам себе удивляюсь, – усмехнулся в ответ Алексей.

Изящная мебель, мягкий ковер на полу, шелковые портьеры фисташкового цвета причудливо задрапированы. Электрическая лампа под стеклянным зеленым абажуром низко свисала над обеденным столом, покрытым белоснежной скатертью. Посредине стояла хрустальная ваза с букетом из мелких красных роз. Цветы выглядели несколько чужеродно для холостяцкой квартиры.

– Мы с Алексеем теперь по-простецки общаемся, без отчеств и на «ты» – ни к чему эти церемонии, – пояснила Надежда, предвидя недоумение подруги. – Он мне очень в организации первого салона помог. Я вообще такие условности не приемлю – слишком длинно и бесполезно – Надежда Дмитриевна, Алексей Михайлович, Екатерина Павловна. Да ты же мои взгляды знаешь, что тебе объяснять.

Алексей несколько виновато смотрел на свою подругу детства. Видимо, свалившееся на него материальное благополучие было еще очень непривычно, и он его стыдился:

– Еще спальня, кабинет, ванная и большая кухня. У меня есть кухарка, она же убирает в комнатах и следит за садом. Представляешь? Это она тебе дверь открыла. Очень милая и добрая женщина. Мне даже неловко ей что-то приказывать, непривычно. Но она здесь не живет. Приходит только на день. Так неожиданно повысили по службе, до сих пор к этому привыкнуть не могу. Я и не думал, что меня в Городской канцелярии ценят. Жалование теперь довольно высокое, так что позволяю себе немного роскоши.

– Ну, ты же всегда был ответственным и трудолюбивым, – возразила Екатерина. – Так что

я не удивлена твоим повышением. Только это должно было случиться намного раньше.

- На втором этаже хозяин пока не закончил ремонт, - продолжал Алексей.

- А там что будет? - поинтересовалась девушка.

- Там планируется еще одна спальня, кабинет, библиотека и что-то еще. На мой взгляд, много лишних комнат. Но это в будущем. Поэтому пока цена за дом для меня приемлема. И еще есть сад, но он совсем крохотный - все-таки центр города, тут не развернешься. Пойдемте, покажу.

Алексей повел девушек в сад. Он был очень маленьким - всего одна яблоня, две корявые вишни и несколько кустов смородины. Однако в саду поместились и небольшой фонтан, и пара кустов алых плетистых роз, которые буйно цвели. Яркие астры и белые хризантемы напоминали о скором завершении лета. У стены дома стояла садовая скамейка, а рядом с ней небольшой столик, на котором лежали книги. Видимо, Алексею нравилось проводить тут свободное время. Компания уселась на скамью. Журчание фонтана наполняло сад уютом и располагало к беседе.

- Очень милый садик. И такой красивый. - Екатерина была поражена обилием цветов на очень небольшом участке. - Розы прекрасно пахнут. Просто райский уголок!

- Матрена все это поливает, - признался Алексей. - У меня бы цветы давно засохли. Времени свободного очень мало. Да и садовод из меня никудышный.

- А у меня новость, - призналась Надежда, нахмурившись. - Мы с Владимиром расстались. Отцу не понравилась его бурная деятельность. Говорит, он нам всех клиентов распугает. А Владимиру не понравился мой литературный салон - слишком хлопотно и дорого. А что мне не понравилось, никого не интересует. Так что все, разбежались. Владимир теперь пытается ухлестывать за девицей Розенфельд. Он же у нас красавчик, да еще и богат, как Крез.

Надежда сердито поджала губы. Было заметно, что новое увлечение Владимира ее задевает. Алексей криво усмехнулся:

- Розенфельду нужен зять не только с наличием больших денег, но и с родословной, как у племенного жеребца. Так что вряд ли купеческий сын подойдет в качестве жениха Эвелине Карловне.

- Он думает, я переживаю, - Надежда недовольно кивнула в сторону Алексея. - Да, честно признаюсь, меня коробит, что Владимир так быстро стал искать себе подходящую партию. Но я его вполне понимаю. Жизнь не стоит на месте и все такое... Хотя нет, чего скрывать, меня это бесит! Вроде как и не любила его, а обидно! Салон ему мой не нравится! Слишком много я себе позволяю, видишь ли! Управлять делами после отца буду я, а не он. Вот он и взбеленился. Да и отцу Владимир тоже надоел со своими идеями выбиться в светское общество. Чего мы там забыли? Ладно, все теперь хорошо и хватит об этом!

Она шумно выдохнула и сердито посмотрела на Алексея и Екатерину, словно они были в чем-то виноваты. Однако молчание длилось недолго. Надежда спустила пар и уже спокойно продолжила:

- Катя, через неделю у меня опять будет литературный вечер. Придешь? Развеешься немного. На первом было очень много народа. Ну как же - вход бесплатный, и хоть залейся шампанским! Дармовщину в этом городе любят все, даже очень и очень состоятельные люди. Второй будет за символическую плату и шампанское по одному фужеру в руки - не пить сюда надо приходить, а поэтов слушать. А там посмотрим - надо же людей к высокому приобщать. Буду и благотворительные вечера проводить. Всем нравится чувствовать себя щедрыми, благородными и полезными обществу. Я это уже давно поняла. Ну что ж, буду подыгрывать, хвалить и поощрять публику. Глядишь, кого-то искренне заинтересует современная поэзия.

Деловая хватка Надежды проявлялась даже в ее стремлении организовать литературный салон. Она умела привлечь людей. Видимо, пребывание в Америке пошло на пользу ее организаторским способностям. То, что реклама - двигатель прогресса, она усвоила

отлично.

Небольшая компания еще немного посидела в садике, куда кухарка подала чай. Надежда вздохнула рассказывала о планах на ближайший литературный вечер. Алексей ее поддерживал и подавал идеи, которые благосклонно принимались. Похоже, именно этим они занимались до прихода Екатерины. После чаепития вернулись в дом, и через некоторое время Надежда засобиралась уходить.

– Как я засиделась, однако. Давно пора домой. Катя, было очень приятно тебя увидеть. Заходи в гости, всегда тебе рада. Алексей, не провожай меня, я дорогу знаю, не заблужусь, – улыбнулась Надежда Алексею как доброму другу, протянув ему руку для прощального поцелуя. – Развлекай Катю, но не утоми ее разговорами о салоне. Пусть сначала придет и посмотрит, интересно ей это или нет.

Девушки расцеловались, и Надежда величественно выплыла из комнаты, оставив за собой шлейф из запаха дорогих духов. В комнате неожиданно стало тихо.

Алексей подошел к Екатерине и взял ее за руку:

– Ты хорошо держишься.

Она печально улыбнулась в ответ:

– Ты же все понимаешь...

Они знали друг друга всю жизнь, и от Алексея не скрылось состояние девушки. Хотя она и пыталась вести себя естественно и непринужденно. Екатерина подошла к окну, отодвинула портьеру и посмотрела на улицу. Приближалась осень. Это чувствовалось во всем. Солнце светило ярко, но болезненно. Листву еще не тронуло золото, но чистый зеленый цвет за лето успел выгореть и поблекнуть. Ветер стал холодным и пронзительным.

– Скоро осень, – задумчиво произнесла девушка. – Знаешь, а я не сломалась, нет. Просто стала совсем другой. Жесткой. Ты скоро это заметишь. Постарайся понять и принять. Такой, как раньше, я уже никогда не буду. Но я об этом не жалею.

– У тебя еще будут хорошие перемены в жизни, поверь, – Алексей бережно дотронулся до ее плеча. – Надеюсь, ты когда-нибудь будешь счастлива. Иногда судьба преподносит нам неожиданные сюрпризы.

– Знаю, но для меня все уже изменилось. Больше меняться нечему, – в ее словах слышалась обреченность.

Екатерина села на подоконник и посмотрела на своего друга:

– Спасибо, что не жалеешь меня. Это очень больно. Но так будет всегда, – она вскинула голову и натянуто улыбнулась. – Довольно о печальном. Как дела у тебя? Вижу, вы с Надеждой подружились. У вас общие интересы, и это замечательно. Гумилева только вы двое и понимаете. Можно сказать, нашли друг друга. Думаю, ты единственный в городе, кто так хорошо разбирается в современной поэзии. И правда, кто лучше тебя может помочь ей в организации литературного салона? Наде нужна поддержка в таком необычном начинании.

Алексей уселся на другой край подоконника и взъерошил волосы:

– Да, мы подружились. Она необыкновенная. Так тонко чувствует стихи. Надежда очень независимая – ей абсолютно безразлично мнение окружающих. И ничто не может ее остановить в движении к цели. Удивительная девушка...

Он замолчал и тоже уставился в окно.

– Осень... Осень... Скоро осень... – задумчиво пробормотал Алексей.

– Ну, говори. Я же вижу, ты что-то хочешь мне сказать, – девушка положила руку на плечо старого друга и пытливо заглянула ему в лицо. – Что не так? Что тебя тревожит?

Тот долго подбирал слова:

– У меня все не как у людей. Так всегда было и будет, похоже... В общем, я влюбился. Не смейся, это правда. Теперь по-настоящему. Это видно за версту, и я не знаю, что делать.

– Леша, милый, это же прекрасно. Я так за тебя рада! Надежда? Да?

– Чем прекрасно? И чему тут радоваться? Да, она. Надежда. Имя-то какое! Только у меня нет надежды. Дурацкая игра слов, – он горько усмехнулся. – Чиновник средней руки и дочь миллионщика. Как в пошлой песне: «Он был титулярный советник, она генеральская дочь». Хорошо, что Надежда из-за увлечения своим салоном этого не видит.

Что тут скажешь? Хорошо и грустно. Опять у Алексея нет шансов.

– Я ей, конечно, никогда ничего не скажу. Но, боюсь, она это сама скоро заметит. И все закончится. А мне достаточно просто быть рядом с ней, видеть и слышать ее. О большем я и не мечтаю.

Он замолчал, и Екатерина не знала, что ему на это ответить. И правда, все у него нескладно получается. Сначала думал, что любит Екатерину, сходил с ума от ревности, посвящал ей стихи, не раз делал предложение руки и сердца и бесконечно страдал. Потом стал случайным любовником и безвольной игрушкой в руках графини Рокотовой. Теперь влюблен искренне и глубоко, а ничего хорошего опять его не ждет. Но Екатерина не жалела Алексея. Ему это было не нужно. Жалость унижает человека, делает его слабым и беспомощным.

Алексей сильно изменился за последнее время. Повзрослел, что ли. Его взгляды на жизнь изменились, он стал рациональнее относиться ко многим вещам. Пожалуй, в этом ему помог Генрих. Опять Генрих. Его образ никогда не оставит Екатерину. Голос Алексея вернул девушку к действительности:

– Я постараюсь, чтобы Надежда ничего не заметила и не поняла. Ей со мной тоже интересно, она этого и не скрывает. Кажется, я ей нравлюсь, но просто как друг, не более. Так что буду рядом с ней, сколько это возможно. Думаю, ее отец скоро найдет замену для Владимира. Она завидная невеста – красивая, умная, образованная. И вообще очень хорошая, добрая... Выйдет замуж, родит детей, потом начнет управлять заводом. Не до салона ей будет.

– Может, тебе стоит сказать Надежде о своих чувствах?

– Зачем? Вдруг она ответит взаимностью, и что тогда? Я и думать то об этом не хочу. У нас разное социальное положение. Ничего хорошего не получится. Она богата, мне ей предложить кроме любви нечего. Даже если меня будут постоянно повышать по службе, я не стану достаточно состоятельным для их семьи. И даже если произойдет чудо, и ее отец сойдет с ума и согласится на наш брак, я не пойду на это. Сидеть на шее богатой жены? Отличный вариант, ничего не скажешь! Муж-нахлебник!

Алексей прошелся по комнате и остановился у стола, машинально поправив изящный букет из роз в вазе:

– Хотел Надежде подарить сегодня. Просто так, от души. Не посмел...

Девушка подошла к нему сзади и обняла за плечи. В приоткрытое окно ворвался августовский ветер и резко распахнул его. Их обдало холодом. Уличная пыль вихрем закружилась по комнате и швырнула на пол несколько еще зеленых, но уже высохших листьев. Алексей со злостью захлопнул окно, стекла жалобно зазвенели.

Екатерина с сожалением посмотрела на своего друга. Ему сейчас тоже нелегко. Как это печально... Какая-то безысходность во всем. Ни у кого нет надежды на счастливое будущее. Но так быть не должно.

– Все-таки Надежда должна знать об этом, – уверенно заявила девушка. – Иначе будет так же, как у меня. Я хотела сказать о своей любви. Хотела, но не решилась. Знала, что в ответ взаимности не будет, и постеснялась. А теперь говорить о ней некому. А ведь я была готова на все. Понимаешь ли ты это? На все... Но не сделала первый шаг на встречу, побоялась, сама не знаю, чего. А может, остановили условности и правила

приличия. Но теперь это уже неважно. Теперь ничего не изменить. Все кончено. Так что не надо бояться своей любви, иначе может стать слишком поздно. Я часто думаю, если бы он знал о моих чувствах, было бы мне легче? Неверное. А теперь я не хочу жить. Да я уже и не живу. Просто существую. Иногда мне хочется умереть, но как подумаю об Александре Львовиче, тебе, друзьях... Знаю, что надо взять себя в руки, но это очень трудно.

Алексей смотрел на Екатерину с ужасом:

– Катя, Катя, да ты что говоришь?! Очнись, так нельзя. Жизнь не кончена. Пройдет время, все наладится. Поверь, все у тебя будет хорошо. Только наберись терпения. Тебе надо пережить эти трудные времена.

– Ты мой друг детства, я знаю тебя вечность и могу перед тобой открыть душу. Ты меня поймешь, я знаю. Для меня будущего нет. Мне сейчас не просто тяжело, я умерла вместе с ним. Но не переживай за меня, – холодная улыбка коснулась ее губ, а в глазах загорелся злой огонь. – Мне еще многое надо сделать. А это была просто минутная слабость и теперь все прошло.

Ее взгляд стал жестким. Она заметила, как Алексей с тревогой смотрит на нее и по-доброму ему улыбнулась:

– Я тебя напугала, прости. И не волнуйся за меня понапрасну.

– Ты сильно изменилась. Но я тебя понимаю.

– И еще хотела тебе сказать... – на Екатерину снова нахлынули воспоминания. – Никогда не надо решать за двоих, что так будет лучше. Даже из хороших побуждений. Человек сам должен принимать решение, а не подчиняться чужой воле, которую ему навязывают по доброте душевной. Если бы ты только знал, как я жалею, что послушала его. Так что Расскажи Надежде о своих чувствах, а уж она сама решит, нужен ты ей или нет и в качестве кого. Даже если она тебя отвергнет, ты, по крайней мере, попытался.

Глава 23

Приближалось полнолуние. Златогорск жил своей привычной жизнью. На рабочих окраинах с раннего утра до поздней ночи бурлила жизнь. Мещанская слобода пребывала в ленивой дреме. А в центре города благополучие и тщеславие выставляли себя напоказ, вызывая зависть и возбуждая самые низменные инстинкты. Все шло своим чередом, и ничто не предвещало беды. Обыватели не подозревали, какая страшная опасность нависла над ними. Братство Трех Полумесяцев было обязано защитить жителей города от надвигающегося кровавого кошмара.

Последнее время Екатерина ездила в город почти каждый день. Магистр открыл ей полный доступ к уникальным рукописям, которые запрещено выносить за пределы библиотеки Братства. Поэтому девушка много часов проводила в крохотном и душном читальном зале. Она была одержима желанием узнать как можно больше о ведьмах, их сильных и слабых сторонах.

Почти всегда в городе ее сопровождал Егор. Если его по каким-то причинам не оказывалось рядом, девушка обязательно видела кого-то, кто наблюдал за ней. Иногда это был торговец с лотка, иногда старая крестьянка, скучающий мещанин с газетой, бородатый купец и, видимо, еще кто-то, на кого девушка уже просто не обращала внимания. Вначале это раздражало – она сама может за себя постоять, вовсе нет необходимости оберегать ее и ходить за ней повсюду хвостом. Тем более что днем Полина силой не обладает. Думают, она может подослать наемного убийцу? Вряд ли такое возможно. Хотя конечно, кто ее знает... Полина просто обезумела от злобы и ненависти. Но потом Екатерина смирилась с наблюдением за ней – это же проявление заботы. К тому же она обещала Магистру, что безропотно примет его условие, а дав слово, надо его держать, даже если это тебе не по душе.

Накануне полнолуния Егор зашел к Екатерине и в очередной раз спросил:

– Вы не передумали? – конечно, он отлично знал, что ответит девушка. – Повторю, в вашем участии нет необходимости. Я бы предпочел, чтобы вас там не было. Все-таки вы еще недостаточно опытные.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Все давно решено, и ты это прекрасно знаешь. Магистр позволил мне. Я должна быть там. Обязана. Это – цель моей жизни.

– Хорошо, но я должен был спросить. Я знаю, что вы настроены решительно. Но, возможно, вам стоит все-таки набраться терпения.

– Нет у меня терпения. И довольно об этом. Ты же все понимаешь, правда?

– Правда. Переубедить вас невозможно, это пустая трата времени, – Егор вздохнул и криво усмехнулся.

– Вот и отлично. Тогда давай поговорим о другом. Много ли последовательниц могла найти Полина за это время, как думаешь? – Екатерину всегда интересовало, сколько женщин последует за безумной ведьмой.

Неужели так легко манипулировать людьми, обещая им золотые горы взамен на душу?

– Насколько известно, более чем достаточно, – задумчиво ответил ей Егор. – Она сулит своим адепткам власть и деньги – будем терроризировать город, будем брать дань. И никто не сможет нас остановить. Или что-то в этом роде. Не сомневаюсь, она может быть убедительной. Красноречия и притворства ей всегда было не занимать. Как-никак служила в театре, хоть и недолго.

– Рокотова с ума сошла от вседозволенности. Хотя, имея такие возможности, как у Полины, проще просто грабить дома безнаказанно и брать все, что можно унести. Зачем же еще запугивать и убивать людей?

– Она стремится к власти и ненавидит всех своих вольных или невольных обидчиков. По полученным сведениям, Полина очень активно ищет адептов среди местных ведьм и

многие ее поддержали. Но одна из них посчитала, что лучше об этом доложить куда надо. Одно дело привороты, заговоры и зелья, другое – убийства и откровенные грабежи. Закрытое Министерство не зря отслеживает всех ведьм, знахарок и ведуний. Там она когда-то получала разрешение на свою деятельность, туда и обратилась. Очень разумный поступок. Если начнется паника, полетят головы у всех ведьм без разбора. Толпе все равно, кто из них конкретно убивает. Самосуд – страшная вещь. Никто не будет разбирать, кто прав, кто виноват. Остановить разъяренных и напуганных людей сложно даже вооруженной полиции. Так что и место проведения шабаша, и примерное количество ведьм, которые собираются на него прийти, нам известно. Сдала их благоразумная ведьмочка с потрохами. И правильно сделала.

– А Полина не может заподозрить, что ее предали?

– Думаю, ей все равно. Чем занимается Братство, она толком не знает. И размах нашей организации ей наверняка неизвестен. Возможно, считает, что охотников всего несколько человек. А полиции чего бояться? Такую ведьму, как она, ночью ни одна пуля не возьмет. И обычное холодное оружие ей не страшно. К тому же, до адептов ей, видимо, особо дела нет. Получится – хорошо, нет – найдет других. Но время тоже не на ее стороне, и Полина наверняка это понимает. Хотя она, похоже, считает себя всемогущей. Что ж, мы ее в этом скоро разубедим.

– Хорошо, значит, покрываемся, – Екатерина недобро усмехнулась. – Как же я ненавижу Полину! И я уничтожу ее. Завтра же.

– Только я буду рядом с вами. И не кидайтесь в драку сломя голову. Не надо искать Полину среди других ведьм. Вы должны выполнять приказ и делать то, что требуется, а не мешать другим, – Егору не нравился боевой настрой девушки. – Это приказ Магистра, вы ему обещали и это не обсуждается. И еще вы обещали беречь себя. Помните?

– Не беспокойся, я обещала, что буду себя беречь и выполняю обещание. Но если увижу Полину, вряд ли смогу сдержаться. Тогда не пытайся меня остановить. И будь что будет.

– Не забудьте надеть изумрудный перстень, – напомнил Егор. – И ваша одежда должна быть удобной, но не привлекать внимания, пока мы в городе. Можете переодеться перед началом операции, у нас будет на это время.

– Это слишком хлопотно. Я надену амазонку, она не сковывает движения и не бросается в глаза. А перстень я даже ночью теперь не снимаю. – Екатерина протянула правую руку, демонстрируя массивное серебряное кольцо. – Я же всегда надевала его на тренировки. Разве не заметил? Ты, как настоящий мужчина, не обращаешь внимания на женские украшения, – она невольно улыбнулась Егору. – Перстень просто фантастически улучшает реакцию. Да и боковое зрение с его помощью тоже заметно обостряется. Ну, что же, очень надеюсь, что завтра мы возьмем реванш. Месть будет жестока и сладка. Только мне успокоения она не принесет. Жаль, что это ничего ни изменит...

Шабаш должен был состояться за городом, в подвале заброшенного чугунолитейного завода. Когда-то на этом месте располагалось языческое капище, и оно с тех пор считалось у ведьм местом силы. Этот завод местные жители всегда обходили стороной, уж очень странные и жуткие звуки доносились оттуда по ночам. А блуждающий по пустым и темным этажам слабый зеленоватый свет вселял мистический ужас в сердца обывателей.

В городе и его окрестностях было несколько мест, где ведьмы обычно собрались на шабаша для подпитки сил и обретения могущества – полуразвалившаяся мельница в пустынном пригороде, странная башня на краю леса, руины поместья с темной и кровавой историей. На этот раз их выбор пал на заброшенный завод.

Очевидно, Полина должна понимать, многие ведьмы могут еще и передумать. Так что она не будет ждать и воспользуется ближайшим шабашем. Она не упустит свой шанс. Все-таки далеко не все ведьмы желали вставать под ее начало, даже ради получения невероятной силы. Кто-то из их со временем мог отказаться от этой безумной и кровавой затеи, и Полине надо было ковать железо, пока оно горячо.

К назначенному времени все охотники, участвующие в операции, должны были занять свои места вокруг заброшенного завода. Магистр и его советники распределили роль

каждого охотника. План завода подробно изучили. На завод заранее выходить было строжайше запрещено. Мудрое решение – пока охотники осматривали место предстоящего шабаша, их могла заметить какая-нибудь ведьма, заподозрить неладное.

Екатерина несколько раз перерисовывала план завода, чтобы лучше его запомнить, и теперь он стоял у девушки перед глазами. Она была уверена, что легко разберется на месте и без труда сумеет сориентироваться. Безусловно. На этот раз промашки быть не должно – на карту поставлены жизни многих жителей города.

Егор оставил автомобиль на окраине Златогорска, во дворе дома одного из товарищей по Братству. Дальше они с Екатериной долго шли пешком, сделав большой крюк и хоронясь в тени деревьев. До полуночи надо было добраться до места. Полная луна освещала их путь неверным светом, придавая знакомым предметам причудливые и зловещие очертания. Они пробирались к заводу тихо, оглядываясь по сторонам, прислушиваясь к любому шороху и замирая при каждом подозрительном звуке.

Нервы Екатерины были на пределе. Нет, она не боялась, она сгорала от нетерпения. Девушка мечтала встретиться с Полиной лицом к лицу и вонзить нож в ее черное сердце. В своей победе она не сомневалась, ведь это будет справедливое возмездие.

Екатерина и Егор обязаны были стоять на первом этаже завода у разрушенной лестницы, ведущей в подвал, и останавливать ведьм, которые попытаются вырваться с шабаша. Колдовской ритуал начинался ровно в полночь. Ведьмы никогда не выставляли дозорных – для обретения силы в шабаше должны участвовать все присутствующие без исключения. Это давало охотникам огромное преимущество.

Все дальнейшее происходило с молниеносной быстротой. Где-то глубоко под землей раздались крики и рычание. Из темного провала стремительно вылетело несколько ведьм. На Екатерину налетело сразу три озлобленных особи. Их длинные когти едва не вонзились в девушку. Но она ловко увернулась, и уверенно разделалась со всеми тремя. Ненависть и злоба придавали ей сил. Девушка ринулась в подвал. Она не слушала грозных окриков Егора. Екатерина видела цель и безрассудно стремилась к ней. Никакие приказы не могли сейчас остановить ее.

В подвале ведьм было много. Намного больше, чем охотников. Ведьмы с рычанием и визгом метались по помещению, сбивая со стен светильники и пытаясь выбраться из ловушки. Огонь на жертвеннике и еще не успевшие погаснуть факелы освещали подвал кровавым светом. Черные тени плясали по стенам и потолку в безумном танце. Но силы были равны. С ведьмами сражались опытные и смелые охотники. Екатерина бросилась в самую гущу боя. Она уверенно орудовала ножом, и скоро черная кровь забрызгала лицо и платье девушки. Все было кончено в течение нескольких минут.

Екатерина прислонилась к холодной влажной стене подвала, откинула с лица растрепавшиеся волосы и вытерла со лба пот тыльной стороной ладони. Кровь размазалась по ее лицу. Она достала платок и начала машинально вытирать её. К Екатерине подошел Магистр и одобрительно положил руку на ее плечо:

– Поражен вашей смелостью и мастерством. Выше всяких похвал. Теперь вы настоящий охотник.

– У меня был прекрасный учитель. Это дань его памяти, – Екатерина небрежно вытерла лезвие о подол амазонки и убрала его за корсаж.

– Вы были отважны и безрассудны, но этому есть оправдание, – продолжил Магистр. – Теперь идите, отдыхайте. Я очень доволен, мы не понесли потерь, есть раненые, но не серьезно. Город очищен от опасных тварей и жителям отныне ничего не грозит. Наша задача выполнена. И выполнена блестяще.

– А Полина? – спросила с надеждой девушка.

Возможно, она просто не попалась ей на глаза?

– Ее тут не было. Но это уже неважно. Она не скоро сможет снова собрать вокруг себя адептов, – мы уничтожили почти всех, вырвались всего две или три, но они не опасны – обряд не довели до конца. Силу, как у Рокотовой, они не обрели. Мы их рано или поздно

найдем и ликвидируем. Уверен, другие ведьмы теперь не рискнут поддержать Полину. Так что на некоторое время можем почитать на лаврах.

Магистр тоже был утомлен. Его возраст все-таки давал о себе знать. Мужчина тяжелой походкой направился в сторону жертвенника, на ходу перекидываясь короткими фразами с охотниками. Магистр не скрывал глубокого удовлетворения и не скупился на похвалу своим подчиненным. На смену себе он готовил фон Берга. Кто теперь может занять его место и возглавить Братство?

К девушке подошел Егор:

– Пойдемте домой. Можем дать себе отдых, мы это заслужили. Вы сегодня удивили всех, – он улыбнулся Екатерине. – Бесплезно было зывать к вашему благоразумию. Вы же меня не слышали?

– Нет, конечно. Не до того было. Я искала Полину. Жаль, но она оказалась слишком осторожной и предусмотрительной. Ничего, поквитаемся позже. Я ее из-под земли достану, будь уверен.

– Возможно, сумею вас опередить. Тогда не обижайтесь, – усмехнулся Егор.

– Не буду возражать. Главное, она должна заплатить за все. А кто ее уничтожит, неважно.

Девушка посмотрела на перстень с изумрудом, надетым на правую руку, и погладила прозрачный зеленый камень, стирая с него черную кровь. Изумруд ярко вспыхнул тонкими гранями в колеблющемся свете факелов.

– Подарок господина Мариша мне очень помог. Реакция у меня сегодня была просто молниеносной. И чувство опасности обострено до предела. Пойдем, Егор, я сегодня впервые буду спать крепко и без кошмаров. Я слишком устала и это прекрасно.

Девушка глубоко вздохнула и не торопясь направилась к выходу. На ступенях она обернулась и окинула взглядом помещение. Посреди большого подвала догорал огонь на импровизированном алтаре. Егор задержался на пару минут рядом с ним, разглядывая жертву. Похоже, это была крупная черная собака. Вокруг алтаря лежали лохматые туши, залитые кровью. Кровь была везде – на полу, на стенах, на кирпичных сводах потолка. Охотники ходили между тушами и срезали пряди волос с загривков чудовищ. Екатерина некоторых охотников видела впервые. Видимо, Магистр обратился за помощью к другим филиалам Братства – все-таки это была очень ответственная операция. К ней подошла госпожа Миргородская:

– Вы были великолепны. Невольно вспомнила вашего наставника – он отлично обучил вас. А я допустила ужасную промашку – упустила одну особь. Никогда себе этого не прощу.

Елена Михайловна страшно расстроилась. На ее репутации опытного охотника появилось жирное пятно. Естественно, что она переживала и была раздосадована.

Можно было возвращаться домой. Екатерина решила, что переночует в городской квартире. Впервые со дня гибели Генриха. Екатерина поняла, что сегодня она изменилась безвозвратно. Она стала бесчувственной ко всему, безразличной и одновременно беспощадно жестокой к ведьмам. И больше она не хотела умереть – она хотела мстить.

Егор поднялся по полуразрушенной лестнице и подошел к девушке. Она взяла его под руку:

– Я останусь в городе, подвезешь меня до квартиры?

– Да, само собой, но сначала надо бы привести себя в порядок.

– И так сойдет. Ужасно хочу спать. Ночью никто не заметит, что я вся в крови. Оставайся у меня, в квартире есть свободная комната.

– Нет, это недопустимо и может вас скомпрометировать.

- Поверь, меня это совершенно не волнует. Но, возможно, ты прав. Не стоит давать пищу для пустых сплетен, – она протянула ему ключи. – Это от квартиры Генриха... Генриха Александровича. Он отдал их мне за несколько дней до гибели. Переночуй там, до поместья ехать далеко, а ты тоже устал.

- Вы очень добры, благодарю вас, но я лучше вернусь в имение. Утром я могу понадобиться Александру Львовичу.

- Хорошо, как знаешь, – кивнула девушка. – Тебе виднее. За меня больше не беспокойся. Со мной теперь все будет хорошо.

- Не сомневаюсь. Вы снова начали жить. Пусть вы живете ненавистью, но живете. А потом кто знает? Все может наладиться со временем... Рад за вас, и теперь я спокоен.

- Да, жизнь продолжается, и я поняла, что многие во мне нуждаются. Больше дурные мысли меня посещать не будут, – она недобро усмехнулась. – И Полина пока еще жива, а это придает мне силы.

Глава 24

Госпожу Миргородскую дожидались трое ее товарищей по Братству, с которыми она добиралась до заброшенного завода. Они направились на постоянный двор на краю города, принадлежавшему одному из них. Там небольшая компания смогла привести себя в порядок.

– Желаете остаться здесь до утра, или подвезти вас в город? – поинтересовался хозяин постоянного двора. – Мы отправляемся к мадам Лулу, можем проводить вас до дома.

– Нет, благодарю, до дома не надо, – Елена Михайловна была утомлена и печальна от неудачи на охоте. – Я предупредила в Институте, что меня не будет два дня – надо немного отдохнуть. Как же я вам завидую – для мужчин придумано столько увеселений. Отвезите меня в ресторан «Европа», это же недалеко от вашего любимого заведения. Хочу немного прийти в себя и развеяться. Выпью бокал вина и послушаю музыку – у них прекрасный скрипач и великолепная певица.

– Мы можем позже зайти за вами и проводить домой, – предложил ей один из товарищей. – Не стоит одной ходить по темноте. Ведьма может поджидать вас в самом неожиданном месте.

– Хотите сказать, я больше не способна справляться с этими тварями? – горько усмехнулась Миргородская.

– Нет, конечно. Но вы устали и расстроены. А после посещения ресторана будете еще и невнимательны.

– Я не собираюсь напиваться, несмотря на расстройство. Не злоупотребляю такими вещами, – она сердито насупилась.

– Ничего подобного я не имел в виду. Просто нам не сложно проводить вас, – миролюбиво улыбнулся в ответ ее товарищ. – А ведьмы очень мстительны, как вы знаете. Они не прощают своих обидчиков.

– Ах, не напоминай о моей ужасной промашке, – с досадой отмахнулась Миргородская. – Чувствую себя последней идиоткой.

– Не стоит так расстраиваться, – подбодрил ее другой товарищ. – Ведьм было очень много, никто не осуждает вашу ошибку, поверьте.

– Я осуждаю, и мне этого довольно. Повела себя как неумелая дура. Ну да ладно, поехали, а то за разговорами до утра не доберемся до места, – она сердито вскинула голову и решительно направилась к выходу.

До города доехали быстро. Миргородская распрощалась со своими товарищами и вошла в сверкающий яркими огнями холл ресторан. Метрдотель проводил ее в зал. Из-за позднего времени публики было немного. Елена уселась за свой любимый столик в углу, заказала бокал белого вина и немного отварной осетрины. Певица на эстраде исполняла что-то на французском языке, чувственно и с прононсом.

Елена Михайловна рассеяно скользнула взглядом по залу и отхлебнула вина. Сегодня вечером она была одинока. Очень одинока и печальна. Можно было послушать совет товарищей, вернуться домой, на квартиру при Институте благородных девиц и разбудить бестолкового и красивого садовника. Возможно, он бы сумел развеять ее грусть.

Но сегодня ей было не до того. Она чувствовала себя отвратительно. Досадная промашка неимоверно раздражала ее. Как такое могло произойти с ней, опытной, умелой и удачливой? Позор на все Братство!

Елена Михайловна снова пригубила вина, глубоко вздохнула и перехватила взгляд молодого мужчины за соседним столиком. Миргородская присмотрелась к нему. В полумраке зала она не сразу узнала князя Апухтина. Зато он, похоже, узнал ее и очаровательно улыбнулся. Сергей Сергеевич поднялся и галантно раскланялся. Он подошел к Елене Михайловне и поцеловал протянутую руку:

– Как неожиданно встретить вас здесь в столь позднее время, госпожа Миргородская, – признался князь. – Позвольте составить вам компанию?

– Буду рада, – милостиво улыбнулась она в ответ. – Мне сегодня просто необходимо общение с приятным человеком. Очень тяжелый был день, надо немного развеяться.

Они слушали музыку, пили вино и приятно беседовали. Через пару часов певица ушла, и музыка смолкла. Вскоре князь и Миргородская остались в зале вдвоем. Одиноким официант обреченно маялся у дверей в надежде, что и они скоро уйдут. В ресторане существовало неписаное правило не торопить последних клиентов.

– Пожалуй, нам пора, – заметила Елена Михайловна, перехватив молящий взгляд уставшего официанта.

Сергей Сергеевич галантно накинул ей на плечи легкое летнее пальто, и Миргородская взяла его под руку. Они вышли на улицу. Было очень прохладно. Небо на востоке еще не начало светлеть. Город, погруженный в темноту, мирно спал. Его жители никогда не узнают, от какой опасности их избавили сегодня ночью.

Пара медленно шла по бульвару, освещенному электрическими фонарями, которые отбрасывали резкие длинные тени на блестящую брусчатку. Неожиданно в темноте мелькнуло светлое пятно и ведьма, будто возникнув ниоткуда, бросилась на них. Это была та самая особь, которую Миргородская упустила на шабаше. Елена с молниеносной быстротой выхватила нож и вонзила его в ведьму. Раздался громкий рык и на мостовую упала лохматая туша, заливая ее черной кровью. Елена Михайловна смачно ругнулась. Князь ошарашенно посмотрел на нее:

– Что это было?

– Простите, не сдержалась, – она вытерла нож о кожу животного, отрезала прядь шерсти с загривка зверя, завернула в платок и аккуратно убрала вместе с ножом в сумочку. – Ужасный сегодня был вечер. А ночь и того хуже.

Сергей Сергеевич склонился над зверем.

– Что это такое? – повторил он свой вопрос.

– Видимо волк, – пожала плечами Миргородская. – Я плохо разбираюсь в зоологии, увы.

– Нет, это не волк. Похоже, это из тех зверей, которых в последнее время часто находят убитыми в городе. – Апухтин внимательно смотрел в лицо Миргородской. – Как легко и ловко вы расправились с этим монстром. Но мне казалось, на нас летела крупная птица.

– Как-то невольно получилось, – ответила Елена Михайловна, скромно склонив голову и пряча улыбку. – А птицу я не заметила.

– Вы владеете ножом не хуже опытного охотника или профессионального убийцы, – подозрительно заметил князь.

– Одиноким женщинам надо уметь защитить себя в случае необходимости, – она кокетливо поправила выбившуюся из-под шляпки прядь волос.

– Кто вы? – князь осторожно взял ее за плечи и заглянул ей в глаза.

Свет уличного фонаря освещал его лицо теплым светом. Сергей был красив, как античный бог. Это она заметила еще на квартире Екатерины. Но сегодня он был просто великолепен. А вот насколько сообразителен? Через пару мгновений это станет понятно. Миргородская не отвела взгляд и неопределенно улыбнулась:

– Пойдемте отсюда, князь. Я ужасно устала и сегодня мне страшно одиноко и холодно.

– Вы не будете возражать, если я предложу вам свое общество на остаток этой фантастической ночи? – осторожно поинтересовался Апухтин.

Князь был догадлив, и это порадовало Елену Михайловну. Было заметно, что Апухтина недает любопытство, но он проявлял тактичность и больше не задавал вопросов.

Елена Михайловна поняла, что не ошиблась в князе, и молча кивнула. Он взял ее под руку и повел в небольшую гостиницу, расположенную неподалеку. Гостиница носила скромное название «Белая акация» и пользовалась популярностью у холостых состоятельных мужчин. По правде говоря, это были дорогие номера, доступные только узкому кругу избранных. Было очевидно, что князя там знали и никаких праздных вопросов не задавали. Портье учтиво поприветствовал их и протянул Апухтину ключ:

– Ваши апартаменты. Приятного вечера.

А вот последняя фраза была явно лишней. Не его это дело. Тем более, что уже глубокая ночь, а не вечер. Ну да ладно, возможно, здесь так принято. Елена была уверена, что князь не поведет ее в сомнительное заведение.

Апухтин положил руку ей на талию. Елена не возражала. Они молча поднялись на второй этаж. Сергей Сергеевич открыл дверь и пропустил даму вперед. Роскошное помещение гостиничного номера приятно удивило Миргородскую. Огромная кровать с балдахином в стиле Людовика XIV была центром этой маленькой вселенной. Елена Михайловна сняла шляпку и небрежно бросила ее на туалетный столик. Сумочка и перчатки оказались там же.

Апухтин подошел к Елене сзади, порывисто взял за плечи и резко повернул к себе. Пальто соскользнуло с ее плеч и упало к их ногам.

– Подождите, подождите, – попросила Миргородская, слегка отстраняясь.

– Вы удивительная женщина, я не могу ждать, – он обнял ее, подхватил на руки и закружил по комнате.

Она невольно засмеялась и прильнула к нему. Ей было легко и хорошо рядом с этим мужчиной. Апухтин бережно опустил Елену на широкий подоконник и нежно поцеловал в губы. Она обвила его шею руками и ответила на призывный поцелуй. Елена почувствовала, как рука князя скользнула по ее лодыжке, осторожно, трепетно, коснулась округлого колена в шелковом ажурном чулке. Надо было его остановить, но не хотелось этого делать. Сергей медленно вел ладонью по ее левому бедру все выше и выше. Наконец, ладонь добралась до подвязки чулка, легла на рукоять ножа и замерла.

– Что это? – уже в который раз за ночь спросил князь.

– Я же просила вас немного подождать, – чуть виновато улыбнулась Миргородская.

Она убрала его руку, неспешно достала из-за подвязки нож, другой извлекла с правого бедра, закинула ногу на ногу и из голенища высокого шнурованного ботинка вынула еще один. Отстегнула кожаный ремешок на запястье и достала из рукава тонкий и длинный кинжал. Весь арсенал Миргородская сложила на подоконнике рядом с собой.

– Кто вы? – снова спросил Сергей.

– Одинокая старая дева, сухарь и синий чулок, – хищно улыбнулась в ответ Елена, страстно прикусив нижнюю губу белоснежными зубами. – Никогда не спрашивайте меня об этом и забудьте все, что видели сегодня. Для вашего и моего блага.

Князь молча кивнул. Она резко выдернула из волос черепаховый гребень и взмахнула головой. Темные волосы густой волной накрыли плечи. Ее глаза горели страстью, нетерпением и обещали блаженство. Апухтин с нескрываемым восхищением смотрел на нее. Он нежно провел рукой по ее волосам, зарылся в них лицом и поцеловал в шею. Елена судорожно вздохнула, томно прикрыла глаза и откинула назад голову. Сергей осторожно прикусил мочку ее уха:

– У вас много седых волос, но это только придает вам шарма.

– Работа такая. Огромная ответственность за воспитанниц. Хоть кто от этого поседеет, – Елена медленно растегнула его рубашку и провела прохладной ладонью по широкой груди.

– Диана-охотница, – прошептал ей на ухо Сергей.

- Не называйте меня так, - теперь она поцеловала его долгим и страстным поцелуем и запустила руку в его роскошную шевелюру.

- Тогда прекрасная Елена. Вы сводите меня с ума своей непредсказуемостью. Я очарован и окончательно потерял голову.

- Что ж, это великолепно, - она взяла его руку и положила себе на бедро. - Итак, на чем мы остановились?

Железные кованые ставни маленького дома на окраине мещанской слободы были плотно закрыты и крепко заперты. Их не открывали уже два дня. Видимо, обитатели куда-то уехали. Соседи на это внимания не обращали - вдова Калинина была замкнута и необщительна.

Внутри дома царил полный разгром. Мятая и порванная бумага валялась повсюду. В дело пошли газеты и вырванные страницы из книг. Два женских трупа лежали в гостиной на первом этаже. Большая лужа крови под ними уже давно засохла и почернела. У одной женщины было разорвано горло, у другой в груди зияла страшная рана.

Полина неспешно спускалась по лестнице со второго этажа, обильно поливая ее из бутылки керосином. Она бросила презрительный взгляд на трупы - две идиотки, которым захотелось снять недорогое жилье у нуждающейся вдовы. Кто они были при жизни? Не все ли равно? Может, сестры, может, мать и дочь. Полина их не разглядывала, когда убивала. Халява до добра не доводит - позарились на дешевую квартиру, и вот результат.

Все произошло за два дня до полнолуния. Надо было заранее приготовить пути отступления, если что-то пойдет не так. Увы, так оно и случилось. Но для Полины это еще далеко не конец. Полина небрежно бросила бутылку на диван и откупорила новую. Она тщательно облила трупы женщин горючей жидкостью. Как же она презирает таких тупых и недалеких баб.

Графиня взяла со стола спички, зажгла одну и задумчиво посмотрела на огонь - красивое всепожирающее пламя таилось в слабом огоньке на конце крохотной лучины. Она эффектным жестом бросила горящую спичку на один из трупов. Пламя мгновенно охватило его и заиграло зловещими бликами на стенах. Рокотова подхватила тяжелый саквояж, наполненный старинными книгами и снадобьями. Эти сокровища она из рук не выпустит и не доверит никому.

Полина вышла из дома, заперев за собой дверь и выбросив ключ в кусты. Она быстро пересекла сад и открыла маленькую калитку, ведущую в темный переулок. Рокотова без труда добралась до пустыря. Если бы кто-то попался ей на дороге, она не задумываясь убила бы ненужного свидетеля. Рядом с пустырем в небольшом экипаже ее ждала горничная.

- Поехали отсюда. Быстро! - приказала Полина.

Больше она не вернется в этот мерзкий грязный городишко. Генрих получил по заслугам. Его пассия рано или поздно засохнет от горя, в этом можно не сомневаться. Печаль сожжет ее изнутри. Да и вообще эта серая мышь Полину больше не интересует. Ее врагом был фон Берг, а эта наивная глупышка всего лишь способ причинить ему боль. Жаль, что отличный план не сработал, но так тоже неплохо - барон мертв, а его невеста будет мучиться всю оставшуюся жизнь. Полина удовлетворенно усмехнулась.

Экипаж выехал за город и покатыл по проселочной дороге, ведущей в деревню - не стоило ехать по тракту и привлекать лишнее внимание, лучше сделать большой крюк. Полина достала паспорта и документы убитых женщин и бегло просмотрела их. Итак, вдова Калинина и ее кухарка пали жертвой жестокого ограбления. Теперь в экипаже сидели купчиха и ее падчерица. Падчерица правила экипажем, а купчиха задумчиво смотрела по сторонам. Фамилия Кривошеева графине не понравилась. Но уж что получилось, не было времени выбирать жертвы по звучной фамилии, главное, что возраст подошел.

Она больше никогда не вернется в этот город. Стоит отряхнуть его прах со своих ног.

Полина посмотрела на модные ботинки. Откуда эта фраза? Неважно, но звучит актуально. Впереди ждет Европа. Вот уж там она развернется как следует. Графиня поежилась, достала из-под сидения шерстяной плед и завернулась в него – было холодно.

За спиной Полины в светлеющем небе поднимался зловещий столб черного дыма. Тревожно ударил колокол на пожарной каланче. Прошлые Рокотовой сгорало вместе с домом. В очередной раз она круто меняла свою судьбу.

Глава 25

Надежда вихрем влетела в гостиную Екатерины и рухнула на диван, шумно зашуршав тяжелой шелковой юбкой. Ее прическа немного растрепалась, а на щеках играл яркий румянец. Она заговорила быстро и без остановки, словно боясь, что подруга перебьет ее на полуслове:

– Катя, я так рада, что ты согласилась со мной встретиться. Когда я позвонила тебе, то не была уверена, что мой неожиданный визит тебя не побеспокоит. Если я не вовремя, могу уйти. Мне просто надо с кем-то поговорить. Очень-очень! А ты моя лучшая подруга. И единственная. Ты же знаешь об этом, правда?

Было очевидно, что уходить Надежде совершенно не хотелось, и она надеялась, что подруга ее не выпроводит, даже если она пришла не вовремя. Екатерина улыбнулась, какая все-таки Надя непосредственная и искренняя. Хорошая девушка, добрая. А сейчас ей нужны поддержка и понимание.

– Отдышись и успокойся, – попросила ее Екатерина. – Ты мне совсем не помешала.

Но Надежда не могла перевести дыхание. Ее грудь высоко вздымалась в глубоком декольте. Возможно, виной этому был слишком тесный корсет. Или волнение?

– У тебя веер есть? – поинтересовалась Надежда. – Не могу вздохнуть, даже голова кружится. И бросает то в жар, то в холод.

– Конечно, – Екатерина достала веер из ящичка комода и протянула подруге.

Та начала энергично обмахиваться белыми страусовыми перьями.

– Я точно не помешала? – снова осведомилась она, немного переведя дух.

– Ты же знаешь, я всегда тебе рада. Но я так поняла, случилось что-то неожиданное?

– Не то слово! Даже не знаю, с чего начать. Ты не волнуйся, все хорошо. В общем, для тебя, наверное, это покажется странным и несвоевременным.

Надежда снова начала бурно махать веером.

– Объясни толком, что у тебя произошло, – попросила Екатерина, одобрительно улыбаясь подруге. – Я все пойму, ты же знаешь.

– Отец разругался с Алексеем. Вдрызг. Они так кричали друг на друга! И на меня тоже. Оба. Правда, потом вроде как немного успокоились. А может, теперь опять ругаются. Меня они выпроводили, чтобы не мешала. А по правде сказать – выгнали!

– Алексей поругался с Дмитрием Андреевичем? – не поверила своим ушам Екатерина. – Но почему? Как такое вообще возможно? Они же едва знакомы.

– Алексей разве тебе ничего не рассказывал? Странно, я думала, ты все знаешь, – Надежда недоверчиво посмотрела на подругу и взволнованно взмахнула веером.

– Ну, что-то он мне, конечно, говорил, но в общих чертах, – неопределенно ответила Екатерина.

Девушка не хотела выдавать своего давнего товарища. Нехорошо сплетничать и обсуждать человека у него за спиной. Алексей ей открылся, но рассказывать об этом никому не просил. Тем более Надежде. Это просто нечестно и некрасиво.

– Ну ладно, ладно, не ври мне, – миролюбиво проговорила Надежда. – Ведь наверняка рассказывал, что я от него без ума? Говорил же?

– Нет, этого он не говорил. Правда.

– Тогда что говорил? – продолжала допытываться Надежда.

– Да ничего особенного. Что у вас много общих интересов, и ты ему очень и очень

нравишься. Даже, наверное, больше чем нравишься. Все. Больше ничего.

– Надо же, какой скрытный, кто бы мог подумать! – Надежда пожалала полными плечами. – Ну, тогда слушай. Только давай чаю что ли попьем, а то я вся такая взволнованная. Мне надо успокоиться немного. Все это так на меня неожиданно свалилось.

Екатерина пошла на кухню и сама заварила чай. Она догадывалась, что причиной ссоры Алексея и купца Баранова была Надежда. Неужели Алексей решился все рассказать и ей, и ее отцу? Девушка быстро и привычно накрыла чайный столик в гостиной у большого окна. Они пили чай и некоторое время молчали. Надежда мечтательно смотрела в окно и время от времени машинально мешала ложечкой сахар в тонкой фарфоровой чашке.

– Похоже, надо было выпить вина, – заметила Надежда. – У тебя не найдется?

– Увы, нет. Можно Аннушку послать в магазин, здесь недалеко.

– Не надо, пустое. Просто голова идет кругом, и мне необходимо с тобой поделиться. Хотя, все-таки, я зря пришла. Тебе не до того. Извини. Я ужасно бестактная.

– Ничего, все нормально, правда. Ты же об Алексее хочешь поговорить, я правильно поняла?

Надежда тихонько вздохнула и замялась.

– Да, о нем. Конечно, я надеялась, ждала, и боялась. Разве так бывает? В общем, Алексей признался мне в любви и сказал, что не претендует на взаимность. Очень красиво признался. Так трогательно. А потом убедительно объяснил, что мы никогда не будем вместе. Потому что он мне не ровня. Здорово! Зачем тогда надо было вообще об этом говорить? Только нервы трепать. – Надежда шумно вздохнула и по ее щеке скатилась слеза. – Ведь он же все видит, не дурак, вроде. Я с ним как только познакомились, так сразу и поняла, что влюбилась. Помнишь, как он мне «Русалку» читал? А как он смотрел тогда? На меня никто в жизни так никогда не смотрел. Алексей такой внимательный, обходительный. Меня после этого Владимир просто бесить начал своей бестактностью и напором. А потом мы с Алексеем стали организовывать литературный салон. Ну, и понеслось! Каждый день вместе. А теперь здравствуйте, я вас люблю, но не достоин. Короче говоря, я ему все высказала, что думала. Мы у нас в саду сидели. И я разревелась, как последняя дура. Он меня обнял. – Надежда счастливо вздохнула и расплылась в улыбке. – Потом мы долго целовались. Алексей сказал, что делает все, чтобы мы были вместе. Что он уже думал об этом, но не решался мне признаться. А потом пришел батюшка...

– Он вас увидел? Как вы целовались? – с испугом спросила Екатерина подругу.

Тогда Алексей легко отделался, если на него только кричали.

– Нет, что ты, что ты! – замахала руками Надежда. – Отец бы Алексея тогда просто на месте пришиб. Да и меня тоже. У батюшки такой крутой нрав. Алексей попросил у него моей руки. Сказал, что неплохо разбирается в экономике – все-таки с отличием закончил Университет. И теперь оставляет Городскую управу (а ведь его только что повысили по службе!) и намерен работать на каком-нибудь заводе в контре, чтобы набраться опыта. И еще пошел на курсы бухгалтеров. В общем, радикально меняет жизнь и будет меня добиваться. Сделает карьеру и сможет меня достойно содержать. Только просит отца дать ему полтора года, и он докажет, что это не пустые слова.

– Не может быть! – просто обомлела Екатерина. – Это на него совсем не похоже.

– Значит, плохо ты знаешь Алексея! Он такой решительный и упрямый. Я им очень горжусь.

– Упрямый, да – это точно. Он хороший, добрый. Но не предполагала, что еще и решительный.

Екатерина вспомнила, как Алексей всегда боялся прямо признаться ей в своих чувствах, как несколько лет ходил кругами, посвящал стихи, писал трогательные письма и

вздыхал. Даже серенаду сочинил. Хотя все-таки это была только иллюзия любви. Может, поэтому Алексей и был нерешителен. А теперь, кто бы мог подумать, как он изменился.

Надежда снова в волнении взяла веер и продолжила:

– Ну и я отцу твердо заявила, что только за Алексея замуж пойду, или в девках останусь. Второй Владимир мне не нужен, хватит, попробовала. Тут уж батюшка совсем на дыбы встал и сказал, что этого никогда не будет, что его не волнуют все эти глупости и указал Алексею на дверь. А Алексей ответил, что он сатрап и ничего не понимает в высоких чувствах. А потом они просто ругались, и когда я пыталась их остановить, оба орали на меня, чтобы я не лезла в мужской разговор. Вот пока и все. Я попросила Алексея прийти к тебе, когда они закончат. Если он, конечно, меня услышал.

Надежда немного успокоилась и начала в очередной раз рассказывать подруге, какой Алексей замечательный и как они друг друга любят. Екатерина слушала откровения Надежды, и у нее становилось тепло на душе.

– Я за вас обоих так рада, – призналась Екатерина.

– Ну, пока рано радоваться. Хотя я в Алексея верю. Но у батюшки тяжелый характер. Будет доводить до белого каления и меня, и Алексея, я его знаю. Ему нравится людей на прочность испытывать. Ничего, вместе мы все выдержим. Только придется набраться терпения. – Надежда снова расплылась в счастливой улыбке. – Прости меня, мне сейчас так хорошо и тревожно одновременно. И хочется с кем-нибудь подговорить об этом.

– Все правильно, – Екатерина обняла подругу. – Все у вас будет хорошо, я уверена. Вы созданы друг для друга, я это сразу поняла.

– Потому что оба Гумилева любим? – у Надежды на глазах блеснули слезы счастья.

– И поэтому тоже...

Екатерину переполняло чувство радости за подругу. Но сердце ее болело – она не могла не думать о Генрихе. У нее на глаза тоже навернулись слезы, и она украдкой смахнула их.

Скоро появился Алексей. Он улыбался, и это обнадежило девушек. Надежда бросилась ему навстречу.

– Ну, что? – она сгорала от нетерпения. – Что решил батюшка? Говори же!

– Все отлично! Дмитрий Андреевич берет меня к вам на завод. Он дает мне год в качестве испытательного срока. Сумею показать ему, на что годен – позволит нам пожениться, не сумею – сам виноват. Задал мне сотню вопросов – кто родители, какой у меня годовой доход, где расположено наше имение и еще много чего. Но, похоже, остался в целом доволен. Долго проверял мои знания в бухгалтерии. Но я курсы не зря посещаю. И как-никак Университет окончил. В общем, все теперь будет зависеть только от меня, – Алексей был доволен и не скрывал этого. Он сиял как золотой червонец. – Все-таки сумел твоего батюшку убедить.

– Я в тебе ни капельки не сомневалась, – Надежда чмокнула его в щеку. – Ты такой молодец.

Алексей крепко обнял девушку и поцеловал в губы. Эта пара была совершенно поглощена друг другом. Кажется, они забыли, что в комнате кроме них еще находится и Екатерина. Вдруг молодой человек спохватился, выпустил из объятий Надежду и виновато посмотрел на подругу детства:

– Прости, Катя. Мы ведем себя совершенно бестактно.

– Да ничего, я же все понимаю, – улыбнулась ему в ответ Екатерина. – И очень рада за вас.

– Катя, поверь, у тебя тоже все будет хорошо. Я уверен, твоя жизнь наладится.

Екатерина не стала с ним спорить и только молча кивнула в ответ. Пусть пребывает в

счастливым заблуждении. Бесполезно убеждать влюбленных и счастливых людей, что у других все может быть не так радужно.

Жизнь не стоит на месте, и ничто не может замедлить ее ход. Алексей и Надежда светились от радости и очень смущались перед Екатериной. Конечно, они понимали, как ей тяжело. Но не могли скрыть своего счастья. И это было правильно. Девушка искренне радовалась за своих друзей и верила, что впереди их ждет только хорошее. Это было прекрасно и удивительно – двое нашли друг друга. Они преодолеют все трудности и заживут в любви и согласии. А у нее этого никогда не будет.

Глава 26

После шабаша прошло больше недели. В городе все было спокойно. Полину найти не удалось. Очевидно, она покинула Златогорск. Где теперь ее искать? Екатерина вздохнула. Она не достигла своей цели и не смогла отомстить за гибель Генриха. Графиня в очередной раз ускользнула от правосудия. Сегодня девушку вызвали в Братство. Видимо, Магистр вручит ей гонорар за удачную охоту.

В просторном пустом холле Братства было холодно и шаги гулким эхом отдавались под его сводами. Мраморный пол с тремя полумесяцами из желтого мрамора в центре отражал яркий свет, лившийся в высокие окна. Екатерина толкнула высокую дубовую дверь и вошла в секретариат. Две девушки, как всегда, стрекотали на пишущих машинках. Казалось, они никогда и никуда не отлучаются отсюда. Бесцветный секретарь молча кивнул в ответ на пожелание доброго утра и указал на дверь кабинета Магистра – проходите, вас ждут. Как всегда, сама любезность!

Магистр поднялся из-за стола и подошел к Екатерине – неслыханная честь!

– Доброе утро, мадемуазель Несвицкая, – в отличие от своего секретаря он был сегодня добр и благодушен. – Как вы?

– Спасибо, неплохо, – это была почти правда.

– Хочу еще раз лично поблагодарить вас за проявленную смелость. Вы порадовали меня. Повторюсь, не ожидал и приятно удивлен. И хотя вы стали настоящим охотником, продолжайте совершенствовать свое мастерство – это вам предстоит делать всю жизнь.

– Я очень благодарна, что вы мне поверили и позволили участвовать в операции. Для меня это очень и очень важно.

Екатерине была приятна похвала ее патрона. Она теперь достойна своего наставника. Генрих бы тоже ею гордился. Девушка сняла с пальца серебряное кольцо с крупным изумрудом и протянула Магистру:

– Подарок господина Мариша мне очень помог – изумруд и правда улучшает периферийное зрение и реакцию.

Он взял его и посмотрел на свет. Зеленый луч скользнул по лицу Магистра. Тот внимательно изучал камень:

– Я слышал о свойствах этого минерала. Значит, все-таки не зря мы помогаем вампирам.

Магистр вернул перстень, и девушка снова надела его на правую руку. Теперь она никогда не расставалась с этим кольцом. Девушка угадала причину ее вызова в Братство. Патрон вручил Екатерине конверт:

– Ваш гонорар за ведьм, которых вы уничтожили на шабаше. Теперь идите. Впереди вас ждет еще много испытаний. Я уверен, вы пройдете их с честью. Надеюсь, вы всегда будете благоразумны и благородны, а иногда и снисходительны к своим товарищам. На сегодня ваш единственный крупный недостаток – излишняя категоричность, – Магистр по-доброму улыбнулся девушке.

Кто бы мог подумать, что он умеет это делать? Очевидно, ничто человеческое ему не чуждо.

Екатерина присела в прощальном реверансе и вышла из кабинета. В секретариате она сунула конверт с деньгами в сумочку и резко остановилась.

Около окна стоял человек, на которого Екатерина боялась посмотреть. Она знала, кто это. Чувствовала. Это был не призрак и не видение, но возможно, плод ее больного воображения. Она замерла на месте и опустила голову – только не смотреть, иначе все исчезнет. Он подошел к ней вплотную и взял ее за руку. Генрих.

Екатерина вздрогнула, как от удара, и не поднимала на него глаз. Не верила себе. Наконец девушка решилась и робко взглянула на него, боясь, что все исчезнет. Ее

наставник смотрел на нее, и она поняла, что это явь.

– Вы живы? – прошептала она и вцепилась в его руку мертвой хваткой.

Он молча кивнул. Тысячи мыслей проносились в ее голове. Счастье, смятение, обида, радость, боль, злость, любовь. Почему он так поступил с ней? За что?!

– Вы живы, – уже констатировала она. – И всегда были живы. А я хотела умереть.

Она хлестко ударила его по щеке. Обе девушки перестали стучать на машинках и с интересом уставились на них.

– Чего смотрите?! – зло крикнула им Екатерина. – Это вас не касается!

Девушки испуганно переглянулись и снова уткнулись в работу.

– Катрин, – начал Генрих, – прошу, простите...

Она не позволила ему договорить и снова дала пощечину:

– Для вас отныне и навсегда – Екатерина Павловна!

Секретарь хотел что-то сказать, но Екатерина, не поворачивая головы, протянула в его сторону руку и предостерегающе подняла указательный палец:

– Молчать! – грозно приказала она.

От такой наглости секретарь опешил и лишился дара речи.

– Как вы могли так обойтись со мной? – девушка смотрела в глаза человека, которого любила больше всего на свете, и который так вероломно предал ее. – Все это время я безутешно оплакивала вас. Вы понимаете, что я пережила?

– Понимаю. Но позвольте мне объяснить...

– Что? Что вы хотите мне объяснить? Объяснить, почему вы заставили меня пройти через эту боль, ужас, безысходность? Это? – ее голос срывался и дрожал.

Она злилась, но не отпускала его руку, словно боялась, что снова потеряет его. А Генрих продолжал смотреть ей в глаза с любовью и отчаянием.

– Вы обещали, что выслушаете мои объяснения. Помните?

– Так вы уже тогда знали, что произойдет?

– Да.

Она снова хлестнула его по щеке:

– Уже тогда знали и спокойно готовили этот спектакль. Хорошо, я выслушаю ваши объяснения. Но ничего другого я не обещала!

Хлопнула тяжелая дверь и рядом с ними громко взвизгнула женщина. Екатерина увидела Миргородскую, белую, как мел. Она осторожно ткнула кончиками пальцев в грудь фон Бега:

– Барон, Вы живы?!

– Да, как видите, – криво усмехнулся Генрих.

Через мгновение Елена Михайловна пришла в себя и расплылась в довольной улыбке:

– Рада, безумно рада! На месте мадемуазель Несвицкой я бы пришибла вас чем-нибудь тяжелым. Хотя, похоже, именно этим она и занимается, – Миргородская кивнула на покрасневшую щеку барона. – Ну, не буду мешать. Катенька, когда закончите, задушите барона в своих объятьях. Право, он это заслужил, несмотря ни на что.

Елена Михайловна похлопала Генриха по плечу и проследовала в кабинет Магистра.

Секретарь, наконец, обрел дар речи.

– Немедленно покиньте помещение и выясняйте отношения в другом месте, – категорично потребовал он. – Недопустимо так вести себя в стенах Братства!

Генрих взял Екатерину под руку, и она крепко прижалась к нему. Больше она его не отпустит. Никогда.

Они молча вышли на улицу.

– У меня много вопросов, и я хочу получить объяснения немедленно, – твердо заявила девушка. – Слышите? Немедленно!

– Пойдемте в «Асторию»? – предложил Генрих.

– Хорошо, – ей было все равно куда идти.

Только бы быстрее выплеснуть на него все, что накопилось в душе, что тяготило и угнетало последний месяц. Они вошли в ресторан. Метрдотель едва не лишился чувств, увидев их:

– Господин барон? Вы?

– Да, я. Жив и здоров, как видите.

Метрдотель не сразу сообразил, зачем сюда явился фон Берг и что ему надо.

– Мы хотим пообедать, – намекнул ему Генрих.

– Да, конечно, конечно. Простите, но ваш кабинет сейчас занят, – он продолжал с удивлением смотреть на барона.

Девушка смерила его недовольным взглядом. Неужели нельзя найти другой кабинет?

– Нам нужно поговорить наедине, – Екатерина была сердита и нетерпелива. – И немедленно.

Метрдотель, наконец, очнулся:

– Я все понял. Следуйте за мной, прошу вас.

Он повел их на второй этаж и предупредительно распахнул дверь в полутемное помещение. Посреди роскошной комнаты стояла огромная кровать. Маленький столик на двоих скромно ютился в углу.

– Вы издеваетесь?! – гневно блеснула глазами Екатерина и повернулась к фон Бергу. – Так в «Астории» нет номеров? Неужели?!

Генрих обреченно вздохнул.

– Я тут никогда не бывал, даю слово. Найдите, где нам можно поговорить без посторонних, – потребовал барон у метрдотеля. – Просто поговорить, и ничего больше.

Наконец метрдотель провел их в маленький кабинет без окон в глубине ресторана. Через мгновение появился официант и хотел положить перед ними меню.

– Не надо, – резко бросила ему Екатерина. – Принесите водку.

– И закуску – буженину, или стерлядь, – предусмотрительно произнес Генрих.

– А что будет пить мадемуазель? – любезно поинтересовался официант.

– Я сказала – водку! И быстро! – раздраженно потребовала девушка.

Официант вопросительно взглянул на барона. Тот кивнул:

– Принесите водку и лимонад. Не заставляйте мадемуазель ждать.

Скоро на столе появился маленький запотевший графин, кувшин с лимонадом и закуска. Официант наполнил хрустальные рюмки водкой и бесшумно исчез. Екатерина залпом выпила и закашлялась. Она схватила ломтик буженины и судорожно проглотила его.

– Пейте, – зло кивнул она Генриху на рюмку.

Он молча повиновался.

– Налейте еще, – потребовала девушка.

– Не надо, довольно, – попросил фон Берг.

– Я не собираюсь напиваться. Мне надо снять напряжение. Наливайте!

Они выпили еще по рюмке и Екатерина, наконец, перевела дух.

– Я слушаю, – она испепеляющим взглядом смотрела на Генриха.

– Прошу вас простить меня за всю причиненную боль. У меня не было выбора.

Девушка молчала и, не отрываясь, смотрела ему в лицо. Он не отводил взгляда. После затянувшейся паузы барон продолжил объяснения:

– Полину нужно было остановить любой ценой. Ее козырями были вы и моя семья. Она знала мои слабые места и нанесла бы удар через вас. Если бы я умер, интерес к вам у нее сразу пропал бы. Я должен был обезопасить тех, кого люблю. А Братству необходимо было уничтожить всех ее последовательниц одним ударом. Нельзя было допустить, чтобы Полина смогла осуществить свой безумный план – могли погибнуть люди, много людей.

– Все это я знаю и без ваших объяснений. За что вы со мной так поступили? Неужели нельзя было посвятить меня в этот план? – у нее на глаза навернулись слезы. – Вы говорили, что верите мне. Но это была ложь. Как и все остальное. И вы меня предали.

– Нет, это не так. Но мы с вами очень плохие актеры. Вы же помните, как мы неубедительно играли роли жениха и невесты перед моим отцом, – невольно улыбнулся барон.

– При чем тут эта глупая афера? Не заговаривайте мне зубы!

– Полина должна была поверить, что я погиб, и только вы могли убедить ее в этом.

– Значит, ради того, чтобы Полина поверила в вашу гибель, вы заставили меня корчиться от боли на ступенях вашей фамильной усыпальницы? И вы за всем этим наблюдали со стороны?

Девушка резко поднялась, Генрих встал и подошел к ней.

– Нет, я не наблюдал за вашими страданиями. Я знаю, что вы пережили.

– Знаете?! – она снова дала барону пощечину. – Знаете, что я искала смерти? Знаете, что такое жить с постоянной болью в сердце? Знаете, что я безвозвратно изменилась? – она отвернулась и со злостью вытерла слезы. – Ладно, к этому вернемся позже.

Екатерина сердито ходила по комнате, как дикий зверь, запертый в клетке.

– Вы любите Полину? – резко спросила она.

– Нет, и никогда не любил.

– Так зачем вы ломали передо мной комедию?

– Я думал, вы возненавидите меня или хотя бы сильно рассердитесь, и это смягчит известие о моей гибели.

– Железная мужская логика! – она метнула на Генриха гневный взгляд. – Вы же знали, что я испытываю к вам. И тем не менее заставили меня ревновать и сходить от этого с

ума.

- Я не хотел, чтобы вы ревновали. Я надеялся, что мы отдалимся.

- А не проще было посетить девочек мадам Лулу? – сарказм Екатерины был беспределен. – И рассказать мне все в красках?

- Возможно, но я не животное.

- Нет, вы не животное! Вы – бессердечное чудовище!

То, что он никогда не любил Полину, было поистине целебным бальзамом на истерзанное сердце. В глубине души девушка всегда это знала. Не мог он любить такое чудовище, но желать Полину вполне. Мужчины такие странные, не могут устоять перед красивой женщиной и ее чарами. Екатерина безумно ревновала Генриха. Да, фон Берг редкостный негодяй, но она его любит. И так будет всегда, несмотря ни на что. Девушка судорожно вздохнула и сердито встряхнула головой:

- Пойдемте на улицу – мне не хватает воздуха.

Барон бросил на стол ассигнацию, и они вышли из ресторана. Яркий свет ослепил после полутемного помещения. Девушка невольно зажмурилась, а потом быстрым взглядом окинула улицу – она привыкла, что за ней постоянно наблюдают. Конечно, теперь этого нет, но она сделала это инстинктивно.

- Слежка за мной – это была ваша идея? Магистр навязал мне ее.

- Да, моя. Вас надо было защитить. Даже если Рокотова на некоторое время потеряла интерес к вам, она оставалась непредсказуемой. В какой-то момент она могла передумать и нанять убийцу.

- Ваши соглядатаи были заметны. Думаете, если я их видела, то Полина не догадалась бы?

- Вы же знали о них, поэтому и замечали. Но меня не узнали, – слабо улыбнулся барон.

Екатерина резко остановилась:

- Значит, все-таки вы лично следили за мной. Бородатое чучело в сапогах гармошкой были вы? По росту и комплекции больше никто не подходит.

Генрих обреченно кивнул:

- Да, я.

- Наблюдали со стороны... И как, понравилось? Я убедительно страдала? Без фальши?

Он опустил голову:

- Я смотрел не на это.

- Да, знаю. Но вы поступили со мной подло. Так что терпите и слушайте, что я вам говорю. И не возражайте – это бесполезно. Бороду вы клеили, да? Все, как в дешевом водевиле! Одна сплошная ложь! Даже борода накладная.

- Нет, это была моя, – усмехнулся барон.

- Она идет вам, как корове седло!

- Согласен. Зато вы меня не узнали.

- Вы редкостный мерзавец! – девушка одарила его сердитым взглядом.

Фон Берг положил ладонь на ее руку:

- А все-таки вы не очень сильно гневаетесь на меня.

- С чего вы это взяли? Я в бешенстве!

Легкая улыбка тронула его губы:

- Ели бы вы применили свой дар – легко выбили бы мне зубы или сломали челюсть.

- Мне еще у вас учиться и учиться. Так зачем мне наставник-калека? И работать мы тоже будем вместе. Это пожизненно.

- Значит, вы меня простили? – осторожно осведомился Генрих.

- Нет! И не надейтесь. Такое не прощают. Вы предатель и негодяй.

Незаметно они подошли к дому, где располагалась квартира фон Берга. У парадного подъезда под раскидистым каштаном в автомобиле сидел Егор. Екатерина видела, что он переглянулся с бароном. Генрих едва заметно отрицательно качнул головой.

- Чего я еще не знаю? – строго спросила девушка у Егора.

Тот ничего не ответил и снова посмотрел на барона. Оба молчали.

- Идем с нами, – приказала Егору Екатерина, и тот не посмел отказаться.

Он снова быстро глянул на фон Берга. Тот опять кивнул – выполняй. Втроем они вошли в полутемный и прохладный парадный подъезд. На лице привратника отразился мистический ужас. Генрих уверил его, что он жив и здоров. Уже в который раз за сегодняшний день люди пугались при виде барона. При других обстоятельствах это было бы забавно, но не теперь. Екатерина сердито взглянула на привратника – неужели он принял фон Берга за призрака? Глупость какая! И хотя привратник не раз видел барона в очень потрепанном виде, воскресший фон Берг привел его в полное замешательство. И сколько же это еще будет продолжаться?

Глава 27

В квартире царила тишина, и она выглядела нежилой, что было вполне естественно – здесь никто не появлялся больше месяца, со дня похорон. Напольные часы безмолвствовали, маятник безжизненно замер, ведь их некому было заводить. Екатерина вошла в гостиную и села на диван. Генрих остался стоять перед ней. Егор окинул их взглядом и решительно заявил:

– Я буду в холле.

Ну, что ж, пожалуй, он прав. Не стоит смотреть, как на опытного охотника кричит его ученица. А ругаться она будет сильно. Это будет фон Бергу однозначно неприятно и не придаст веса его авторитету. Хотя он и отъявленный негодяй, но стоит пощадить его самолюбие. Екатерина милостиво позволила Егору выйти из гостиной.

– Но не уходи далеко, ты мне еще понадобишься! – тоном, не терпящим возражений, потребовала она. – С тобой я поговорю позже и надеюсь, получу вразумительные объяснения.

Егор покорно кивнул, вышел и плотно закрыл за собой высокие двустворчатые двери. В комнате снова повисла напряженная тишина. Это было затишье перед бурей, которая должна вот-вот разразиться. Тучи сгущались над головой Генриха. Екатерина не могла смириться с его вероломством.

Шум улицы приглушали крепко закрытые окна. В комнате было душно и пахло пылью. Призрачные тени от каштана легкими бликами пробежали по потолку, и по стенам соскальзывали на пол. В этом ощущалось что-то мистическое, загадочное, завораживающее.

Екатерина продолжала смотреть на Генриха. Он осунулся и выглядел усталым. Они не виделись больше месяца. А что за это время пережил он? Наверняка ему тоже было несладко. Конечно же, он не чудовище. И, тем не менее, он предал свою ученицу. Предал жестоко, вероломно.

Фон Берг подошел к окну и открыл его. Свежий воздух наполнил помещение. Крики разносчиков и звонкий цокот копыт о мостовую ворвались в комнату. Тонкая шелковая штора взметнулась к потолку. Ветерок зазвенел подвесками хрустальной люстры. Барон подошел к часам и завел их. Жизнь потихоньку возвращалась в комнату. Екатерина следила за ним взглядом и молчала. Ее обуревали противоречивые мысли.

Генрих сел в кресло рядом с Екатериной.

– Не молчите, – попросил он. – Вы же хотели поговорить со мной. Спрашивайте. Я готов отвечать.

– А я теперь не готова продолжать разговор. Не хочу и не могу говорить с вами. Но вы правы, надо поставить все точки над и. Что ж, продолжим... – Екатерина сердито вздохнула. – Итак, вернемся к началу. Вы решили, что я легче перенесу вашу гибель, если буду на вас обижена. Или разгневана? Или рассержена? Что я должна была испытывать? Да неважно, главное, я должна была вас разлюбить. Так просто – полюбила, разлюбила. Отлично. Хорошо же вы обо мне думаете! Но легче мне не стало.

– Я был не прав, это и правда глупо.

– Всего лишь глупо? – Екатерина вскинула брови. Она говорила спокойно, но это спокойствие было обманчивым. – Мои чувства не особо вас беспокоили, не так ли? Ну что особенного, если девушка будет ревновать? Время лечит, и все в таком духе. Вы даже пытались меня убедить, что я еще встречу достойного человека и буду счастлива с другим. Помните?

– Помню.

– До сих пор этого хотите? – язвительно поинтересовалась она.

– Нет, не хочу. И да, я поступил как последний негодяй.

– Ну что вы! Все правильно. Ваш план был поистине великолепен. Но не сработал... Я вас не разлюбила. Да, я не боюсь признаться в этом! Но что вам до этого? Очередная влюбленная дурочка! У вас таких много было.

– Нет, это не так! Вы же знаете. Я никогда так не думал...

Екатерина не дала ему говорить:

– Молчите и не перебивайте! Вы были уверены, что я легко с этим справлюсь! Забуду вас и удачно выйду замуж.

– Я даже думать об этом боялся.

Она смерила его сердитым взглядом:

– Замолчите, предатель! Вы не имеете права оправдываться!

Генрих склонил голову. А что ему еще оставалось? Да, он предатель!

– А потом вы решили меня защитить от Полины, инсценировав свою смерть. Ничего, что я не могла жить дальше, неважно, что я хотела умереть. Зато я была в безопасности. Так?

– Прошу вас... – Генрих говорил тихо. – Да, я подлец. Но Братству надо было защитить город от Полины и ее адептов. Мы не могли рисковать. Вы могли своим поведением невольно выдать мою тайну, и тогда Полину было бы уже не остановить. Я надеялся, что позже вы сможете понять мое решение.

– Я поняла. Да, это было необходимо для всеобщего блага. Но неужели нельзя было поставить меня в известность. Хоть намекнуть! Дать какой-то знак! Вы можете представить, что я пережила за это время? – голос девушки начал срываться, и она замолчала.

– Я знаю, что вы пережили из-за меня. Не буду говорить о себе, но поверьте, мне было нелегко. Я знал, что вы не простите мое предательство...

Екатерина предостерегающе подняла руку:

– О ваших переживаниях и терзаниях я не хочу слушать. Даже не пытайтесь говорить об этом!

– Понимаю вас. Я много раз хотел вам открыться. Но каждый раз останавливал себя. Этого нельзя было делать.

– Конечно, нельзя. Это могло нарушить ваш гениальный план. А я могла потерпеть некоторое время. Ну, помучилась бы немного! Что в этом такого?

– Я не смею просить у вас в очередной раз прощения, – Генрих поднялся и прошелся по комнате.

Что он теперь чувствует? Вину перед Екатериной? Боль? Горечь? Но это все равно не то, через что по его желанию прошла она.

– Кто знал о вашем плане? Разумеется, Магистр. Он его одобрил. Егор?

– Да.

– Егор принес мне известие о вашей гибели. И он так заботился обо мне, утешал. А ведь всего одно его слово могло вернуть меня к жизни. Такой же негодяй, как и вы!

– Нет, не осуждайте его. Он дал слово. И не мог нарушить его.

– Мужская солидарность! Он не виноват, за все в ответе я! Надо же, какое благородство! Только почему это благородство вы не проявили по отношению ко мне? Ни вы, ни Егор. Моими чувствами можно играть? – она порывисто поднялась с дивана и подошла к окну.

Деревья уже начали желтеть. Осень вступала в свои права. В комнате стало свежо. Или

это просто озноб от волнения? Екатерина закрыла окно и забралась на подоконник с ногами. Девушка обняла колени, ей было холодно. Она пытливо посмотрела на Генриха.

- Ваш отец тоже знал, да? Поэтому он так стойко держался. Конечно, ему все было известно. И он так натурально переживал за меня. Почему все мне лгали? Все!

- У отца слабое сердце. Он бы не пережил. Я должен был посвятить его в план. В общих чертах, разумеется. Отец не знает всего.

- У Александра Львовича слабое сердце, - задумчиво повторила она. - Да, я знаю об этом. А у меня сердца нет. И никогда не было. Или оно пустое и не может болеть? Поэтому можно им играть.

- Перестаньте, не надо. Вы же знаете, что все это не так. Не терзайте себя. И меня...

- Главное, конечно, вас! Нет, все хорошо! Я счастлива, что вы живы. Это правда. Но, кроме того, я безумно зла, - девушка метнула горящий взгляд на Генриха. - И я вас ненавижу! В этом можете не сомневаться! Кто еще знал?

- Доктор Никитин.

- Разумеется. Старый лицемер! - девушка резко выпрямилась. - А я поверила ему. Он был так заботлив.

- Он искренне переживал за вас.

- Искренне переживал, подумать только! Все врал мне и были при этом искренни! Итак, вы обсуждали меня с ним? Конечно, обсуждали! С кем еще?

- Я ни с кем не обсуждал вас. Господин Никитин рассказал Магистру о вашем состоянии, а он передал мне. Все сочувствовали вам. Это не лицемерие. Выхода другого не было.

- Да, Магистр меня предупреждал, что могут быть непредвиденные ситуации. Но если бы это касалось кого-то другого, а не вас... И я, как последняя дура, делилась своими горестями со всеми ними. Кто еще знал о плане?

- Несколько человек, которые наблюдали за вами.

- Итого, человек двадцать-тридцать. Всего-то! Им всем вы доверяли. А мне нет.

- Полина должна была поверить, что я погиб. Это обезопасило и мою семью, и вас. И позволило застать Полину врасплох.

- План удался. Вы правы, невинные люди спасены и это того стоило. Но я не скоро смогу забыть, через что прошла по вашей воле. Если вообще смогу.

Фон Берг не спорил, не возражал, не пытался оправдаться. Он, очевидно, понимал, что все это бесполезно - Екатерина не простит его.

- Есть что-то еще, о чем я должна знать? - она подошла к Генриху и посмотрела ему в глаза.

Да, есть. Она это явственно увидела. Как же хорошо они понимают друг друга. Смятение, отчаяние, боль, что он теперь чувствовал? Неужели можно предать ее еще в чем-то? Не зря фон Берг и Егор так странно смотрели друг на друга. Не зря, похоже, Магистр ей что-то говорил о снисхождении. Генрих кивнул, но продолжал молчать.

- Говорите, - потребовала Екатерина. - Кто-то еще знал? Да?

- По возможности, отнеситесь к этому спокойно, - попросил фон Берг.

- Не тяните время. Ну! - гнев снова начинал закипать в ее крови.

Она же насквозь видит этого подлеца. Не зря он смущен. Что еще Генрих не рассказал ей? В чем еще предал?

- Еще Алексей знал. Я жил у него на квартире. Никто бы никогда не догадался об этом. И он выполнял некоторые мои поручения.

Это был удар в спину. Теперь все встало на свои места. Повышение Алексея по службе произошло не просто так. Наверняка, барон помог - у него такие обширные связи. Отличный современный дом Алексея - ну, конечно, Генрих не может жить в трущобах. Он же истинный аристократ и эстет. Похоже, барон занимал второй этаж. А она, наивная дуручка, рассказывала своему преданному другу обо всех своих переживаниях, о том, как она любит Генриха. Снова вероломство и предательство. На этот раз еще и Алексей.

- Я убью этого мерзавца! - прорычала Екатерина. - Друг детства называется! Он даже на ваши похороны притащился для пущей убедительности. Так вот почему он разбирается в заводской бухгалтерии - ваша школа!

- Да, я помог ему с этим... Надо же было как-то скоротать вечера. И для него это теперь необходимо. Но Алексей не был подробно посвящен в план. Просто я его попросил, и он мне помог. Он знал, что это для вашего блага и не задавал лишних вопросов.

- Значит, Алексею вы доверяете, - разделяя каждое слово, произнесла девушка, - а мне нет? Вы доверяете человеку, которого едва знаете, и который дважды пытался убить вас? И все благодаря тому, что один раз вы вместе напились до поросычьего состояния!

Екатерина в очередной раз дала фон Бергу звонкую пощечину. И он в очередной раз стерпел это.

- Алексей очень хороший и порядочный человек. Он же ваш друг. И ему все-таки по большому счету все равно, жив я или нет.

- Отличный аргумент! - теперь она была уже в настоящем бешенстве.

Как же можно так поступить с ней? Довериться бывшему врагу! И ничего не сказать ей, которая так беззаветно предана ему.

Девушка размахнулась и ударила Генриха тыльной стороной ладони по другой щеке. Тяжелый серебряный перстень с изумрудом сильно разбил ему губы. Она увидела кровь, и это отрезвило ее.

- Почему вы позволяете мне так себя вести? - с отчаянием спросила Екатерина, и слезы, наконец, потекли по ее щекам. - Я разбила вам лицо...

- Потому что вы имеете на это право. Я предал вас и поступил жестоко. Катрин, не плачьте, прошу вас. Для меня вы все-таки всегда будете Картин. Можете еще меня ударить, если вам от этого легче.

Фон Берг осторожно вытер ее слезы. Екатерина почувствовала, как теплеют ее ладони, и погладила его лицо. Он отклонил голову:

- Не тратьте на это свою силу. Вы же знаете, на мне все заживает, как на собаке.

- Вам есть, что еще сказать мне? - тихо спросила девушка и положила руки ему на грудь.

Она смотрела в его стальные глаза. Они были не холодные, а добрые. И виноватые. Сегодня она не уйдет и его не отпустит. А потом будь что будет.

Барон осторожно обнял девушку за талию и привлек к себе.

- Я очень люблю вас, Катрин, - прошептал он ей на ухо.

Девушка уткнулась в плечо Генриха и замерла. Наконец он сказал то, о чем она давно мечтала, надеялась и так ждала. И о чем они оба давно знали, но не смели говорить. Слезы снова побежали по ее щекам. Но теперь это были слезы счастья.

- Я прошу вас простить меня. Не сейчас, но, возможно, когда-нибудь? - тихо попросил Генрих. - Я подлец и эгоист. Но я безумно люблю вас. Наверное, с тех пор, как на вас напала рыжая ведьма. Помните?

Девушка кивнула и крепче прижалась к нему.

– Да. Я тогда назвала вас негодяем, но добрым и заботливым, – она засмеялась сквозь слезы и снова посмотрела ему в глаза. – Я так счастлива, и я уже все простила. А злилась, потому что тоже люблю вас и давно. Но вы об этом и сами знаете, ведь правда?

Фон Берг улыбнулся, бережно вытер ее слезы и нежно коснулся губами сначала одной щеки, потом другой. Девушка судорожно вздохнула и подставила ему лицо. Он покрыл его поцелуями. Барон говорил тихо, почти шепотом:

– Я на это очень надеялся. И боялся, что вы меня никогда не простите. Я так жестоко обошелся с вами.

Фон Берг осторожно взял Екатерину за подбородок и поцеловал в губы. Ее руки неуверенно скользнули по его плечам. Девушка обняла Генриха за шею и ответила на поцелуй – нежно, неумело, неуверенно. Она снова ощутила на губах странный металлический вкус его крови. Поцелуй длился долго, бесконечно долго. Фон Берг провел кончиками пальцев по ее шее, и она запрокинула голову назад, подчиняясь его желанию. Он нежно поцеловал ее в мочку уха, потом в шею. Девушка замерла в его руках и только крепче обняла, словно боясь, что через мгновение все исчезнет, как мираж.

Генрих осторожно вынул гребень из ее волос и бросил его на подоконник. Он тонко зазвенел о мрамор. Фон Берг нежно провел рукой по ее волосам и коснулся их губами.

Раздался осторожный стук в дверь.

– Не сейчас, – попросила Екатерина и снова поцеловала фон Берга.

Его сильные руки скользнули по ее плечам, спине. Она чувствовала их тепло через тонкий шелк платья.

– Не отпускайте меня, Генрих, – прошептала девушка, – прошу вас.

– Не отпущу, – он осторожно поправил ее волосы, упавшие на лицо, и поцеловал в макушку, как ребенка. – Я всегда буду рядом. Как и обещал. И мы будем вместе.

– Рядом и вместе, – улыбнулась девушка. – Навсегда.

– Да, навсегда, – Генрих взъерошил ее волосы и зарылся в них лицом.

Екатерине передалось его волнение, она чувствовала, как дрожат его пальцы. Ее сердце бешено колотилось, и было готово выскочить из груди.

Настойчивый стук повторился.

– Егор, убирайся! – крикнул Генрих.

Не отрывая взгляд от глаз Екатерины, он нежно провел тыльной стороной ладони по щеке девушки.

– Простите, но это срочно, – на этот раз голос Егора звучал весело. – Делеши из Братства.

– Войди, изверг, – отозвался барон и еще крепче обнял девушку.

Барон коснулся губами шеи Екатерины, и она снова замерла в его объятиях.

Скрипнула дверь, и Егор вошел в комнату. Екатерина метнула на него короткий тревожный взгляд – ну что опять случилось? На этот раз он не потупился и смотрел на влюбленную парочку с явным удовольствием. Было очевидно, что Егор рад такому развитию событий:

– Прошу простить, но это срочно.

Но Егору никто не ответил. Фон Берг снова поцеловал Екатерину, и она с готовностью ответила ему. Им было все равно, что рядом стоял Егор. Пусть смотрит, раз уж так

сложилось. Кто знает, что за известия принес он на этот раз? Вряд ли что-то серьезное, раз такой довольный. Тогда тем более подождет.

Наконец фон Берг повернулся в сторону Егора. Екатерина положила голову на грудь Генриха и тоже посмотрела на Егора, застенчиво и счастливо. Они так и стояли обнявшись.

Егор держал в руках два конверта с красными сургучовыми печатями и широко улыбался. Он, конечно же, понял, что никто не собирается их брать, и бросил конверты на стол:

– Передали с курьером. Тут ваши заграничные паспорта и документы. Объявилась Полина Рокотова. Жаль говорить вам, но нам дали всего час на сборы. Мы едем в Рим.